ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕД 330
Э 158 1

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

ЕД330
Э458

Н. ЛЕНИН (К. ТУЛИН)

Экономическое содержание народничества

и критика его в книге г. Струве

(Отражение марксизма в буржуазной литературе)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Библиотека Института В. И. Ленина

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА — ПЕТРОГРАД.

МОСКВА, Софийка, угол Рождественки, д. 4/8. Тел. 1-51-21.

Общественные знания.

Бухарин, Н. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. Изд. 2-е. Стр. 385. Ц. 85 к.

Ваганян, В. Опыт библиографии Г. В. Плеханова. С пред. Д. Рязанова. Стр. 118. Ц. 40 к.

Вольфсон, М. Б. Очерки обществоведения. Изд. 2-е. Стр. 428. Ц. 1 р. 80 к.

Зиновьев, Г. и Ленин, Н. Против течения. Сборник статей. Изд. 3-е. Стр. 555. Ц. 1 р. 20 к.

Каутский, К. Критика теории и практики марксизма («Антибернштейн»). Стр. 297. Ц. 75 к.

Кунов, Г. Возникновение религии и веры в бога. Перев. и пред. И. Степанова. Изд. 3-е. Стр. 182. Ц. 35 к.

Ленин, Н. (Ульянов, В.). Собрание сочинений, т. II. Экономические этюды и статьи (1894—99 г.г.). Стр. 582. Ц. 1 р. в папке 1 р. 30 к.

Его же. Собрание сочинений, т. III. Развитие капитализма в России. Стр. 548 Ц. 1 р. 30 к. в папке.

Его же. Собрание сочинений, т. IV. «Искра». 1900—03 г.г. Стр. 335. Ц. 80 к.

Его же. Собрание сочинений, т. VI. 1905 г. Стр. 528. Ц. 1 р.

Его же. Собрание сочинений, т. VII, ч. I. 1905—06 г.г. От октября 1905 г. до роспуска 1-й Государственной Думы. Стр. 352. Ц. 70 к., в папке 80 к.

Его же. Собрание сочинений, т. VII, ч. II. 1905—06 г.г. От роспуска 1-й Государственной Думы до начала избирательной кампании во 2-ю Государственную Думу. Стр. 303. Ц. 75 к., в папке 1 р.

Его же. Собрание сочинений, т. VIII. 1907 г. Стр. 363. Ц. 1 р. 20 к., в папке 1 р. 26 к.

Его же. Собрание сочинений, т. X. Материализм и эмпириокритицизм. Стр. 328 Ц. 65 к., в папке 70 к.

Его же. Собрание сочинений, т. XIV, ч. I. Буржуазная революция 1917 г. От февральской революции до июльских дней. Изд. 2-е. Стр. 324. Ц. 1 руб. в папке.

Его же. Собрание сочинений, т. XIV, ч. II. Буржуазная революция 1917 г. От июльских дней до Октябрьской революции. Изд. 2-е. Стр. 536. Ц. 1 р. 45 к., в папке 1 р. 50 к.

Его же. Собрание сочинений, т. XV. Пролетариат у власти. 25 октября 1917 г.—31 декабря 1918 г. Стр. 692. Ц. 1 р. 20 к., в папке 1 р. 30 к.

Его же. Собрание сочинений, т. XVII. Пролетариат у власти. 1920 г. Стр. 477. Ц. 1 р. 25 к. в папке.

Его же. Собрание сочинений, т. XVIII, ч. I. Пролетариат у власти. 1921 г. Стр. 455.

Его же. Собрание сочинений, т. XIX. Национальный вопрос. (Статьи 1910—21 г.г.). Стр. 300. Ц. 50 к.

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Полное собрание сочинений, т. III. Исторические работы Стр. 519. Ц. 1 р.

Их же. Коммунистический манифест. С введением и примеч. Д. Рязанова. Изд. 2-ое. Стр. 339. Ц. 70 к., в папке 75 к.

Их же. Полное собрание сочинений, т. I. Статьи и письма. (1837—1844). Стр. 587. Ц. 1 р. 70 к.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии, т. I. Кн. I. Процесс производства капитала. Под ред. В. Базарова и И. Степанова. Стр. 767. Ц. 2 р.

Его же. Капитал. Критика политической экономии, т. II. Кн. II. Процесс обращения капитала. Под ред. В. Базарова и И. Степанова. Стр. 499. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Капитал. Критика политической экономии, т. III, ч. I. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Под ред. В. Базарова и И. Степанова. Стр. 447. Ц. 1 р.

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИН (К. ТУЛИН)

Экономическое содержание народничества

И КРИТИКА ЕГО В КНИГЕ Г. СТРУВЕ

(Отражение марксизма в буржуазной литературе)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

Библиотека Института В. И. Ленина

3. ops.

Настоящее издание является оттиском из II тома Собр. сочин. Н. Ленина (В. Ульянова), приготовленного к печати и снабженного примечаниями И. П. Товстухой, под редакцией Л. Б. Каменева.

К.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2010
ЕД330
Э458
ИНСТИТУТ ... БИБЛИОТЕКА
№ 600
235989

Гиз. № 4792. Главлит № 7752. Москва. Печ. 10.000 экз.
3-я типо-литография «Транспечати» НКПС, Петровка, Салтыковский, 9.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ НАРОДНИЧЕСТВА И КРИТИКА ЕГО В КНИГЕ Г. СТРУВЕ [1])

(Отражение марксизма в буржуазной литературе) [2])

По поводу книги П. Струве: Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Спб. 1894 г.

Написано в конце 1894 г.

Первоначально напечатано за подписью К. Тулин в сборнике: „Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития". Спб. 1895 г. [3])

Из предисловия Н. Ленина к сборнику „ЗА 12 ЛЕТ".

Конец 1894 и начало 1895 годов были периодом крутого поворота в нашей легальной публицистике. Впервые пробрался в нее марксизм, представленный не только заграничными деятелями „Группы Освобождения Труда", но и русскими социал-демократами. Оживление в литературе и горячие споры марксистов со старыми главарями народничества, которые до тех пор почти безраздельно господствовали (напр., Н. К. Михайловский) в передовой литературе, было преддверием подъема массового рабочего движения в России. Литературные выступления русских марксистов были непосредственным предшественником выступлений на борьбу пролетариата, знаменитых петербургских стачек 1896 года, которые открыли эру неуклонно поднимавшегося затем рабочего движения,—этого самого могучего фактора всей нашей революции.

Условия тогдашней литературы заставляли социал-демократов говорить эзоповским языком и ограничиваться самыми общими положениями, наиболее далекими от практики и политики. Это обстоятельство особенно облегчило союз разнородных элементов марксизма в борьбе с народничеством. На-ряду с заграничными и русскими социал-демократами эту борьбу вели такие люди, как г.г. Струве, Булгаков, Туган-Барановский, Бердяев и т. п. Это были буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьян-

ского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму.

Теперь история русской революции вообще, история кадетской партии в частности, эволюция г-на Струве (почти до октябризма) в особенности, сделали эту истину самоочевидной, превратили ее в ходячую разменную монету публицистики. Тогда, в 1894—1895 годах, эту истину приходилось доказывать на основании небольших, сравнительно, уклонений того или иного писателя от марксизма, тогда эту монету приходилось только еще чеканить. И поэтому свою, направленную против г. Струве, работу (статья „Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве“ за подписью К. Тулин в сожженном цензурой сборнике: „Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России“, Спб. 1895) я перепечатываю теперь целиком в трояких целях. Во-первых, поскольку читающая публика ознакомилась с книгой г. Струве и статьями народников против марксистов в 1894—1895 г.г., постольку имеет значение и критика точки зрения г. Струве. Во-вторых, предостережение г-ну Струве со стороны революционного социал-демократа, сделанное одновременно с нашими общими выступлениями против народников, имеет значение и для ответа тем, кто неоднократно обвинял нас за союз с подобными господами, и для оценки очень знаменательной политической карьеры г-на Струве. В-третьих, старая и во многих отношениях устарелая полемика со Струве имеет значение поучительного образчика. Образчик этот показывает практически политическую ценность непримиримой теоретической полемики. За излишнюю склонность к такой полемике и с „экономистами“, и с бернштейнианцами, и с меньшевиками упрекали революционных социал-демократов бесчисленное число раз. И теперь эти упреки—самый ходкий товар у „примиренцев“ внутри с.-д. партии, у „сочувствующих“ полу-социалистов вне ее. У нас очень любят говорить о том, что чрезмерную склонность к полемике и к расколам имеют

русские вообще, с.-д. в частности, большевики в особенности. У нас любят также забывать о том, что чрезмерную склонность к перескакиванию от социализма к либерализму порождают условия капиталистических стран вообще, условия буржуазной революции в России в частности. условия жизни и деятельности нашей интеллигенции в особенности. С этой точки зрения очень небесполезно посмотреть на то, что было десять лет тому назад, какие теоретические разногласия со „струвизмом" намечались уже тогда, из каких небольших (на первый взгляд небольших) расхождений произошло полное политическое размежевание партий и беспощадная борьба в парламенте, в целом ряде органов печати, на народных собраниях и т. д.

Я должен заметить еще по поводу статьи против г. Струве, что в основу ее положен реферат, читанный мною осенью 1894 г. в небольшом кружке тогдашних марксистов. От группы с.-д., работавших тогда в Петербурге и создавших, год спустя, Союз Борьбы за Освобождение Рабочего Класса, в этом кружке были Ст., Р. и я. Из легальных литераторов-марксистов были П. Б. Струве, А. Н. Потресов и К. В этом кружке я читал реферат, озаглавленный: „Отражение марксизма в буржуазной литературе". Как видно из заглавия, полемика со Струве была здесь несравненно более резка и определенна (по социал-демократическим выводам), чем в напечатанной весной 1895 г. статье. Смягчения были сделаны частью по цензурным соображениям, частью ради „союза" с легальным марксизмом для совместной борьбы против народничества. Что „толчок влево", данный тогда г-ну Струве петербургскими социал-демократами, не остался совсем безрезультатен, это ясно доказывает статья г-на Струве в сожженном сборнике (1895 г.) и некоторые статьи его в „Новом Слове" (1897 г.).

Кроме того, при чтении статьи 1895 г. против г. Струве необходимо иметь в виду, что во многих отношениях она является конспектом позднейших экономических работ

(особенно „Развития капитализма"). Наконец, следует обратить внимание читателей на последние страницы этой статьи, где подчеркиваются положительные, в глазах марксиста, черты и стороны народничества, как революционно-демократического течения в стране, переживающей канун буржуазной революции. Это — теоретическая формулировка тех самых положений, которые 12—13 лет спустя получили практически-политическое выражение в „левом блоке" на выборах во II-ю Думу и в „лево-блокистской" тактике. Та часть меньшевиков, которая боролась против идеи о революционно-демократической литературе пролетариата и крестьянства и отстаивала абсолютную недопустимость левого блока, изменила в этом отношении очень старой и очень важной традиции революционных социал-демократов, традиции, усиленно поддерживавшейся „Зарей" и старой „Искрой". Само собою понятно, что условная и ограниченная допустимость „лево-блокистской" тактики вытекает неизбежно из тех же основных теоретических взглядов марксизма на народничество.

Написано в сентябре 1907 г.

Названная книга г. Струве [4]) представляет из себя систематическую критику народничества, понимая это слово в широком смысле—как теоретическую доктрину, определенно решающую важнейшие социологические и экономические вопросы, и как „систему догматов экономической политики“ (VII с.). Одна уже постановка подобной задачи могла бы сообщить книге выдающийся интерес; но еще важнее в этом отношении та точка зрения, с которой ведется критика. Об ней автор говорит в предисловии следующее:

„Примыкая по некоторым основным вопросам к совершенно определившимся в литературе взглядам, он (автор) нисколько не считал себя связанным буквой и кодексом какой-нибудь доктрины. Ортодоксией он не заражен“ (IX).

Из всего содержания книги явствует, что под этими „совершенно определившимися в литературе взглядами“ разумеются взгляды марксистские. Спрашивается, какие же именно „некоторые основные“ положения марксизма автор принимает и какие отвергает? — почему и насколько? Автор не дает прямого ответа на этот вопрос. Поэтому, для выяснения того, что́ именно в этой книге может быть отнесено на счет марксизма, — какие положения доктрины автор принимает и насколько последовательно их выдерживает, — какие отвергает и что́ в этих случаях получается, — для выяснения всего этого необходим подробный разбор книги.

Содержание ее чрезвычайно разнообразно: автор дает, во-первых, изложение „субъективного метода в социологии“ [5]), принимаемого нашими народниками, критикует его и противопоставляет ему метод „историко-экономического материализма“. Затем он дает экономическую критику народничества, во-первых, на основании „общечеловеческого опыта“ (с. IX) и, во-вторых, на основании данных русской экономической истории и действительности. Попутно дается и критика догматов народнической экономической политики. Это разнообразие содержания (совершенно неизбежное

при критике крупнейшего течения нашей общественной мысли) определяет и форму разбора: приходится следить шаг за шагом за изложением автора, останавливаясь на каждом ряде его аргументов.

Но прежде чем приступать к разбору книги, мне кажется необходимым остановиться поподробнее на некотором предварительном объяснении. Задача настоящей статьи — критика книги г. Струве с точки зрения человека, „примыкающего" по в с е м (а не по „некоторым" только) „основным вопросам к совершенно определившимся в литературе взглядам".

Взгляды эти не раз уже излагались с целью критики на страницах либерально-народнической печати [6]), и это изложение до безобразия затемнило их, — даже более того: исказило, приплутав не имеющие никакого отношения к ним гегельянство, „веру в обязательность для каждой страны пройти через фазу капитализма" и много другого чисто уже нововременского [7]) вздора.

Особенно практическая сторона доктрины, применение ее к русским делам, подвергалась искажениям. Не желая понять, что исходным пунктом доктрины русского марксизма является совершенно иное представление о русской действительности, наши либералы и народники сличали доктрину со своим старым взглядом на эту действительность и получали выводы не только ни с чем не сообразные, но еще вдобавок возводящие на марксистов самые дикие обвинения.

Не определив с точностью своего отношения к народничеству, — мне представляется, поэтому, невозможным приступать к разбору книги г. Струве. Кроме того, предварительное сличение народнической и марксистской точек зрения необходимо для разъяснения многих мест разбираемой книги, которая ограничивается объективной стороной доктрины и оставляет почти вовсе в стороне практические выводы.

Сличение это покажет нам, какие есть общие исходные пункты у народничества и марксизма, и в чем их коренное отличие. При этом удобнее взять старое русское народничество, так как оно, во-первых, неизмеримо выше современного (представляемого органами вроде „Рус. Богатства") [8]) в отношении последовательности и договоренности, а, во-вторых, цельнее показывает лучшие стороны народничества, к которым в некоторых отношениях примыкает и марксизм.

Возьмем одну из таких professions de foi старого русского народничества и будем следить шаг за шагом за автором.

ГЛАВА I.

Подстрочный комментарий к народнической profession de foi.

В CCLXII томе „Отечественных Записок“ [9]) помещена, без имени автора, статья: „Новые всходы на народной ниве“ [10]), которая рельефно выдвигает прогрессивные стороны народничества в противовес русскому либерализму.

Автор начинает с того, что „теперь“ протестовать против „людей, выделяющихся из народной среды и становящихся на высшую общественную ступень“, считается „чуть не изменой“.

> „Еще недавно один литературный осел лягнул „Отечественные Записки“ за пессимизм к народу, как он выразился по поводу небольшой рецензии о книжке Златовратского [11]), в которой, кроме пессимизма к ростовщичеству и развращающему влиянию полтины вообще, ничего пессимистического не было; а когда, затем, Гл. Успенский [12]) написал комментарий к своим последним очеркам („О. З.“ 1878 № 11), то либеральное болото, совсем как в сказке, всколыхалось..... и, нежданно-негаданно, явилось такое множество защитников народа, что мы, поистине, удивились тому, что народ наш имеет столько друзей..... Я не могу не сочувствовать... постановке вопроса о красавице-деревне и об отношении к ней литературных парней или, лучше сказать, не парней, а старых волокит из гг. дворян и лакеев, и молодого купечества..... Петь деревне серенады и „строить ей глазки“ вовсе еще не значит любить и уважать ее, точно так же, как и указывать ее недостатки вовсе еще не значит — относиться к ней враждебно. Если вы спросите того-же самого Успенского,... к чему больше лежит его душа, в чем он видит больше залогов будущего — в деревне или в старо-дворянском и ново-мещанском наслоениях? то разве может быть какое-нибудь сомнение в том, что он скажет: „в деревне“.

Это место весьма характерно. Во-первых, оно показывает наглядно, в чем сущность народничества: в протесте против крепостничества (старо-дворянское наслоение) и буржуазности (ново-мещанское) в России с точки зрения крестьянина, мелкого производителя. Во-вторых, оно показывает в то же время и мечтательность этого протеста, его отворачиванье от фактов

*) Год 1879-ый, 1-ый том, „Современное обозрение“, стр. 125 — 152

Разве „деревня“ существует где-нибудь вне „старо-дворянских“ или „ново-мещанских“ порядков? Разве не „деревню“ именно строили и строят по своему представители тех и других? Деревня — это и есть „наслоение“ отчасти „старо-дворянское“, отчасти „ново-мещанское“. Как ни вертите деревню, — но если вы будете ограничиваться констатированием действительности (об этом только и идет речь), а не возможностями, вы не сумеете найти в ней ничего иного, никакого третьего „наслоения“. И если народники находят, то только потому, что за деревьями не видят леса, за формой землевладения отдельных крестьянских общин не видят экономической организации всего русского общественного хозяйства. Эта организация, превращая крестьянина в товаропроизводителя, делает его мелким буржуа, — мелким обособленным хозяином на рынок; в силу этого она исключает возможность искать „залогов будущего“ позади и заставляет искать их впереди — не в „деревне“, в которой сочетание „старо-дворянского“ и „ново-мещанского“ наслоений страшно ухудшает положение труда и отнимает у него возможность борьбы против владык „ново-мещанских“ порядков, так как самая противоположность их интересов интересам труда недостаточно развита, — а в вполне развитом, до самого конца „ново-мещанском“ наслоении, вполне очистившемся от „старо-дворянских“ прелестей, обобществившем труд, довершившем и выяснившем ту социальную противоположность, которая в деревне находится еще в зачаточном, придавленном состоянии.

Теперь следует наметить те теоретические различия, которые есть между доктринами, приводящими к народничеству и марксизму, между пониманиями русской действительности и истории.

Пойдем дальше за автором.

Он уверяет „гг. возмутившихся духом“, что соотношение между народной бедностью и народной нравственностью Успенский понимает

> „лучше многих поклонников деревни, для которых.... деревня есть... нечто в роде либерального паспорта, которым в эпохи, подобные переживаемым, запасаются обыкновенно все неглупые и практические буржуа“.

Почему бы это, думаете вы, г. народник, происходит такая прискорбная и обидная для человека, желающего представлять интересы труда, вещь, как обращение в „либеральный паспорт“ того, в чем он видит „залоги будущего“? Это будущее должно исключать буржуазию, — а то, через что хотите вы итти к этому будущему, не только не встречается враждебно „практическими

и неглупыми буржуа", а напротив, охотно берется и берется за „паспорт".

Как вы думаете, мыслима-ли была бы такая скандальная вещь, еслибы „залоги будущего" стали указывать вы не там, где социальные противоположности, свойственные тому строю, в котором хозяйничают „практические и неглупые буржуа", находятся еще в неразвитом, зачаточном состоянии, а там, где они развиты до конца, до nec plus ultra *), где нельзя, следовательно, ограничиваться паллиативами и полумерами, где нельзя утилизировать desiderata**) трудящихся в свою пользу, где вопрос поставлен ребром.

Не говорите-ли вы сами ниже такой вещи:

> „Не хотят понять пассивные друзья народа той простой вещи, что в обществе все действующие силы слагаются, обыкновенно, в две равнодействующие, взаимно-противоположные, и что пассивные силы, не принимающие, повидимому, участия в борьбе, служат только той силе, которая в данную минуту имеет перевес" (с. 132).

Разве деревня не подпадает под эту характеристику, разве она — какой-нибудь особый мир, в котором нет этих „взаимно-противоположных сил" и борьбы, чтобы о ней можно было говорить огулом, не боясь сыграть на руку „имеющей перевес силе"? Разве, раз уже речь пошла о борьбе, основательно начинать с того, где содержание этой борьбы загромождено кучей посторонних обстоятельств, мешающих твердо и окончательно отделить друг от друга эти взаимно-противоположные силы, мешающих видеть ясно главного врага? Не очевидно-ли, что та программа, которую выставляет автор в конце статьи — образование, расширение крестьянского землевладения, уменьшение податей — не в состоянии затронуть ни на иоту того, кто имеет перевес, а последний пункт программы — „организация народной промышленности" — уже предполагает, ведь, что борьба не только была, но сверх того, что она уже кончилась победой? Ваша программа сторонится от того антагонизма, наличность которого вы сами не могли не признать. Поэтому она и не страшна хозяевам „ново-мещанского наслоения". Ваша программа — мелко-буржуазная мечта. Вот почему только и годна она на то, чтобы быть „либеральным паспортом".

> „Люди, для которых деревня есть отвлеченное понятие, а мужик — отвлеченный Нарцис, даже думают плохо, когда говорят, что деревню нужно только хвалить и утверждать, что она отлично противостоит всем разрушающим ее влия-

*) — до крайних пределов. Ред.
— требований. Ред.

ниям. Если деревня поставлена в такие условия, что каждый день должна биться из-за копейки, если ее обирают ростовщики, обманывают кулаки, притесняют помещики, если ее иногда секут в волостном правлении, то разве это может оставаться без влияния на ее нравственную сторону?... Если рубль, эта капиталистическая луна, выплывает на первый план деревенского ландшафта, если на него обращаются все взоры, все помыслы и душевные силы, если он становится целью жизни и мерилом способностей личности, то разве можно скрывать этот факт и говорить, что мужик есть такой Косьма-бессребреник, которому вовсе не нужны деньги? Если в деревне заметны стремления к розни, расцветает пышным цветом кулачество и стремится к закабалению слабейшего крестьянства в батраки, к разрушению общины и т. д., то разве можно, спрашиваю я, скрывать все эти факты?! Мы можем желать более обстоятельного и всестороннего их исследования, можем объяснять их себе гнетущими условиями бедности (с голоду люди воруют, убивают, а в крайних случаях даже едят друг друга), но скрывать их совсем невозможно. Скрывать их значит защищать statum quo, значит защищать пресловутое laissez faire, laissez aller, пока грустные явления не примут ужасающих размеров. Подрумянивать истину вообще всегда излишне".

Опять таки, как хороша эта характеристика деревни и как мелки выводы из нее! как верно подмечены факты и как мизерно объяснение, понимание их! Снова видим мы тут гигантскую пропасть между desiderat'ами на счет защиты труда и средствами их осуществления. Капитализм в деревне — это для автора не более как „грустное явление". Несмотря на то, что он видит такой же капитализм и в городе в крупных размерах, видит, как капитализм подчинил себе не только все области народного труда, но даже и „прогрессивную" литературу, преподносящую буржуазные меры от имени народа и во имя народа, — несмотря на это он не хочет признать, что дело в особой организации нашего общественного хозяйства, и утешает себя мечтами, что это только грустное явление, вызванное „гнетущими условиями". А если, де, не держаться теории невмешательства, тогда можно устранить эти условия. Да, *если бы* да кабы! Но никогда еще не бывало на Руси политики невмешательства; всегда было вмешательство... в пользу буржуазии, и только сладкие грезы „послеобеденного спокойствия" могут породить надежду на изменение этого без „перераспределения социальной силы между классами", как говорит г. Струве.

„Мы забываем, что обществу нашему нужны идеалы — политические, гражданские и иные — главным образом для того, чтобы, запасшись ими, можно было уже ни о чем не думать, что ищет оно их не с юношеской тревогой, а с послеобеден-

ным спокойствием, что разочаровывается оно в них не с душевными муками, а с легкостью аркадского принца. Таково, по крайней мере, громадное большинство нашего общества. Ему, собственно говоря, и не нужно никаких идеалов, потому что оно сыто и вполне удовлетворяется утробными процессами".

Превосходная характеристика нашего либерально-народнического общества.

Спрашивается, кто же теперь последовательнее: „народники"-ли, продолжающие возиться и нянчиться с этим „обществом" угощающие его изображением ужасов „грядущего" капитализма, „грозящего зла" *), как выразился автор статьи, призывающие его представителей сойти с неправильного пути, на который „мы" уклонились и т. д., — или марксисты, которые так „узки", что резко отграничивают себя от общества и считают необходимым обратиться исключительно к тем, кто не „удовлетворяется" и не может удовлетвориться „утробными процессами", для кого идеалы — нужны, для кого они являются вопросом повседневной жизни.

Это — отношение институтки, — продолжает автор. Это

„свидетельствует о глубоком развращении мысли и чувства... никогда еще не было такого приличного, лакированного, такого невинного и вместе с тем глубокого разврата. Разврат этот есть целиком достояние нашей новейшей истории, достояние мещанской культуры [т.-е. буржуазных, капиталистических порядков, точнее сказать. К. Т.], развившейся на почве барства, дворянского сентиментализма, невежества и лени. Мещанство принесло в жизнь свою науку, свой нравственный кодекс и свои софизмы".

Казалось бы, автор настолько верно оценил действительность, чтобы понять и единственно возможный выход. Ежели все дело в нашей буржуазной культуре, — значит, не может быть иных „залогов будущего", кроме как в „антиподе" этой буржуазии, потому что он один окончательно „дифференцирован" от этой „мещанской культуры", окончательно и бесповоротно враждебен ей и неспособен ни на какие компромиссы, из которых так удобно выкраивать „либеральные паспорта".

Но нет. Можно еще помечтать. „Культура" — действительно одно „мещанство", один разврат. Но ведь это только результат старого барства (сам же сейчас признал, что она создана новейшей историей, той историей, которая именно и уничтожила старое барство) и лени, — нечто, значит, случайное и не имеющее прочных

*) Грозящего чему? утробным процессам? Капитализм не только не „грозит" им, а, напротив, обещает тончайшие и изысканнейшие яства.

корней и т. д. и т. д. Начинаются фразы, не имеющие никакого смысла, кроме отворачивания от фактов и сентиментального мечтания, закрывающего глаза на наличность „взаимно противоположных сил". Слушайте:

„Ему (мещанству) нужно водворить их (науку, нравственный кодекс) на кафедре, в литературе, в суде и в других пунктах жизни. [Выше мы видели, что оно уже водворило их в таком глубоком „пункте жизни", как деревня. К. Т.[13])]. Оно прежде всего не находит для этого достаточно годных людей и, по необходимости, обращается к людям других традиций. [Это русская-то буржуазия „не находит людей"?! Не стоит и опровергать этого, тем более, что автор сам себя ниже опровергнет. К. Т.]. Люди эти не знают дела [русские капиталисты?! К. Т.], шаги их неопытны, движения неуклюжи; [достаточно „знают дело", чтобы получать десятки и сотни процентов прибыли; достаточно „опытны", чтобы практиковать повсеместно truck-system [14]); достаточно ловки, чтобы получать покровительственные пошлины. Только тому, кто непосредственно и прямо не чувствует на себе гнета этих людей, только мелкому буржуа и могла померещиться такая фантазия. К. Т.]; они стараются подражать западноевропейской буржуазии, выписывают книжки, учатся; [вот уже автор сам должен признать фантастичность сочиненного им сейчас мечтания: будто у нас „мещанская культура" развилась на почве невежества. Не правда. Именно она принесла пореформенной России ее культурность, „образованность". „Подрумянивать истину", изображать врага бессильным и беспочвенным, „вообще всегда излишне". К. Т.]; порой их берет сожаление о прошлом, а порой раздумье о будущем, так как слышны откуда-то голоса, что мещанство есть только наглый временщик, что наука его не выдерживает критики, а нравственный кодекс и совсем никуда не годится".

Это русская-то буржуазия грешит „сожалением о прошлом", „раздумьем о будущем"?! Подите вы! И охота же людям самих себя морочить, клеветать так необъятно на бедную русскую буржуазию, будто она смущалась голосами о „негодности мещанства"! Не наоборот-ли: не „смутились" ли эти „голоса", когда на них хорошенько прикрикнули, не они-ли это проявляют „раздумье о будущем"?...

И подобные господа удивляются еще и прикидываются непонимающими, за что их называют романтиками!

„Между тем, надо спасаться. Мещанство не просит, а приказывает, под страхом погибели, итти на работу *). Не

*) Заметьте это, читатель. Когда народник говорит, что у нас в России „на работу приказывает итти мещанство",— тогда это правда. А когда марксист скажет, что у нас господствует капиталистический способ производства,— тогда г. В. В. [15]) закричит, что он стремится к „замене демократического (sic!!) строя капиталистическим".

пойдешь, — останешься без хлеба и будешь стоять среди улицы — выкрикивать: „отставному штабс-капитану!“, а то и совсем околеешь с голоду. И вот начинается работа, слышится визг, скрип, лязганье, идет суматоха. Работа спешная, не терпящая отлагательств. Наконец, механизм пущен. Визга и острых звуков как будто бы меньше, части как будто бы обходятся, слышен только грохот чего-то неуклюжего. Но тем страшнее: доски гнутся все больше и больше, винты хлябают и, того и гляди, все разлетится в дребезги“.

Это место потому особенно характерно, что в рельефной, лаконической, красивой форме содержит схему тех рассуждений, которые любят облачать в научную форму российские народники. Исходя из бесспорных, не подлежащих никакому сомнению фактов, доказывающих наличность противоречий при капиталистическом строе, наличность угнетения, вымирания, безработицы и т. д., они усиливаются доказать, что капитализм — крайне нехорошая вещь, „неуклюжая“ [ср. В. В., Каблукова [16]) (Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве), отчасти г. Николая—она [17])] которая „того и гляди“ разлетится в дребезги.

Глядим, вот уже много-много лет, как глядим, и видим, что эта сила, приказывающая русскому народу итти на работу, все крепнет и растет, хвастает перед всей Европой мощью создаваемой ею России и радуется, конечно, тому, что „слышатся голоса“ только о необходимости уповать на то, что „винты расхлябаются“.

„У людей слабых замирает сердце от страха. „Тем лучше“, говорят люди отчаянные. „Тем лучше“, говорит и буржуазия: — „скорее выпишем из-за границы новый механизм, скорее приготовим платформы, доски и другие грубые части из домашнего материала, скорее заведем искусных машинистов“. Между тем, нравственная сторона общества во все это время находится в самом скверном состоянии. Некоторые входят во вкус новой деятельности и стараются через силу, некоторые отстают и разочаровываются в жизни“.

Бедная русская буржуазия! „Через силу“ старается присвоивать сверхстоимость! и чувствует себя скверно с нравственной стороны! (Не забудьте, что страницей назад вся эта нравственность сводилась к утробным процессам и разврату). Понятно, что тут уже нет никакой надобности в борьбе с ней — да еще какой-то классовой борьбе, — а просто пожурить хорошенько — и она перестанет себя насиловать.

„О народе в это время почти никто не думает; между тем делается, по правилам буржуазии, все для народа, за его счет; между тем, каждый общественный деятель и литература считают долгом распространяться об его благе.... Это либерально-кокетливое направление подавило все остальные и сделалось

преобладающим. В наш демократический век не только г. Суворин [18]) публично признается в любви к народу и говорит: „одно я всегда любил и умру с этой любовью — народ, я сам вышел из народа“ (что еще ровно ничего не доказывает); но даже „Московские Ведомости“ [19]) как-то совсем иначе относятся к нему... и как-то, по своему, конечно, заботятся об его благоустройстве. В настоящее время не осталось ни одного органа печати, подобного покойной „Вести“ [20]), т.-е. явно недружелюбного к народу. Но явно недружелюбное отношение было лучше, потому что тогда враг был на чистоту, как на ладони: видно было, с какой стороны он дурак, с какой — плут. Теперь все — друзья и в то же время все—враги; все перемешалось в общем хаосе. Народ, как говорит Успенский, именно опутан каким-то туманом, сбивающим неопытного человека с толку и пути. Прежде он видел перед собой одну искреннюю беззаконность. Теперь же ему говорят, что он так же свободен, как и помещик, говорят, что он сам управляет своими делами, говорят, что его поднимают из ничтожества и ставят на ноги, тогда как во всех этих заботах тянется, перевивая их тонкою, но цепкою нитью, одна нескончаемая фальшь и лицемерие“.

Что верно, то верно!

„Тогда далеко не все занимались устройством ссудосберегательных товариществ, поощряющих кулачество и оставляющих настоящих бедняков без кредита“.

Сначала можно бы подумать, что автор, понимая буржуазность кредита, должен совершенно сторониться от всяких таких буржуазных мер. Но отличительная и основная черта мелкого буржуа — воевать против буржуазности средствами буржуазного же общества. Поэтому и автор, как и народники вообще, исправляет буржуазную деятельность, требуя более широкого кредита, кредита для настоящих бедняков!

...„не толковали о необходимости интенсивного хозяйства, которому мешает передел полей и община (?); не распространялись о тяжести подушных податей, умалчивая о налогах косвенных и о том, что подоходный налог превращается обыкновенно на практике в налог на тех же бедняков; не говорили о необходимости земельного кредита для покупки крестьянами земель у помещиков по ненормально высоким ценам и т. д.... То же самое и в обществе: там тоже такое множество друзей у народа, что только даешься диву... Вероятно, скоро о любви к народу станут говорить закладчики и целовальники“.

Протест против буржуазности превосходен; но выводы мизерные: буржуазия царит и в жизни, и в обществе. Казалось бы, следует отвернуться от общества и итти к антиподу буржуазии.

Нет, следует пропагандировать кредит для „настоящих бедняков“!

„Кто больше виноват в подобном смутном положении вещей — литература или общество, — определить трудно, да и определять совершенно бесполезно. Говорят, что рыба разлагается с головы, но я не придаю этому чисто-кулинарному наблюдению никакого значения“.

Разлагается буржуазное общество — вот, значит, мысль автора. Стоит подчеркнуть, что именно таков исходный пункт марксистов.

„А между тем, когда мы кокетничаем с деревней и делаем ей глазки, колесо истории вертится, действуют стихийные силы, или, говоря понятнее и проще, к жизни пристегиваются всевозможные пройдохи и перестраивают ее по-своему. Пока литература будет спорить о деревне, о прекраснодушии мужика и об отсутствии у него знаний, пока публицистика будет исписывать целые ведра чернил по вопросам об общине и формах землевладения, пока податная комиссия будет продолжать обсуждать податную реформу, — деревня окажется в конец обездоленной“.

Вот что! „Пока мы говорим — колесо истории вертится, действуют стихийные силы“!

Какой бы шум вы подняли, друзья, когда бы это сказал я!

Когда марксисты говорят о „колесе истории и стихийных силах“, поясняя притом с точностью, что эти „стихийные силы“ есть силы развивающейся буржуазии, — гг. народники предпочитают замалчивать вопрос о том, верен-ли и верно-ли оценен факт роста этих „стихийных сил“, и болтать непроходимую белиберду о том, какие это „мистики и метафизики“ люди, способные говорить о „колесе истории“ и „стихийных силах“.

Разница между выписанным признанием народника и обычным положением марксистов только та — и весьма существенная разница — что, между тем как для народника эти „стихийные силы“ сводятся к „пройдохам“, которые „пристегиваются к жизни“, — для марксиста стихийные силы воплощаются в к л а с с е буржуазии, который является продуктом и выражением общественной „жизни“, представляющей из себя капиталистическую общественную формацию, а не случайно или извне откуда-то „пристегиваются к жизни“. Оставаясь на поверхности различных кредитов податей форм землевладения, переделов, улучшений и т. п., народник не может видеть у буржуазии глубоких корней в русских производственных отношениях, и потому утешает себя детскими иллюзиями, что это не более как „пройдохи“. И естественно, что с т а к о й точки зрения, действительно, будет абсолютно непонятно, при чем тут классовая борьба, когда все дело только в устранении „прой-

дох". Естественно, что гг. народники на усиленные и многократные указания марксистов на эту борьбу отвечают ничего не понимающим молчанием человека, который не видит класса, а видит только „пройдох".

С классом может бороться только д р у г о й к л а с с, и притом непременно такой, который вполне уже „дифференцирован" от своего врага, вполне противоположен ему, но с „пройдохами", разумеется, достаточно бороться одной полиции, в крайнем случае, — „обществу" и „государству".

Скоро мы увидим однако, каковы эти „пройдохи" по характеристике самого народника, как глубоки их корни, как всеобъемлющи их общественные функции.

Далее, после вышевыписанных слов о „пассивных друзьях народа" автор непосредственно продолжает:

> „Это — нечто худшее, чем вооруженный нейтралитет в политике, худшее потому, что тут всегда оказывается активная помощь сильнейшему. Как бы пассивный друг ни был искренен в своих чувствах, какое бы скромное и тихое положение он ни старался принять на житейском поприще, он все равно будет вредить друзьям"...
>
> ...„Для людей, более или менее цельных и искренно любящих народ *), подобное положение вещей становится, наконец, невыносимо омерзительным. Им становится стыдно и противно слушать это сплошное и приторное изъяснение в любви, которое повторяется из года в год каждый день, повторяется и в канцеляриях, и в великосветских салонах, и в трактирах, за бутылкою клико, и никогда не переходит в дело. Вот поэтому-то, в конце концов, они и приходят к огульному отрицанию всей этой мешанины".

Эта характеристика отношения прежних русских народников к либералам почти целиком подошла бы к отношению марксистов к теперешним народникам. Марксистам тоже „невыносимо" уже слушать о помощи „народу" кредитами, покупками земель, техническими улучшениями, артелями, общественными запашками **) и т. п. Они тоже требуют от людей, желающих стоять на стороне... не „народа", нет, — а того, кому буржуазия приказывает итти на работу, — „огульного отрицания" всей этой либерально-народнической мешанины. Они находят, что это „невыносимое" лице-

---

*) Как неопределенны тут отличительные признаки от „пассивных друзей"! Те, ведь, тоже бывают „цельными" людьми и, несомненно, „искренне" „любят народ". Из предыдущего противопоставления с очевидностью следует, что пассивному надо противопоставить того, кто участвует в борьбе „взаимно-противоположных" о б щ е с т в е н н ы х с и л. Hier liegt der Hund begraben. (Вот где собака зарыта. Р е д.).

**) Г. Южаков [21]) в № 7 „Р. Б-ва" за 1894 г.

мерие — толковать о выборе путей для России, о бедствиях „грозящего“ капитализма, о „нуждах народной промышленности“, когда во всех областях этой народной промышленности царит капитал, идет глухая борьба интересов, и надо не замазывать, а раскрывать ее, — не мечтать: „лучше бы без борьбы“ *), а развивать ее в отношении прочности, преемственности, последовательности и, главное, идейности.

> „Вот поэтому-то, в конце концов, и являются известные гражданские заповеди, известные категорические требования порядочности, требования строгие и подчас даже узкие, за что́ их в особенности не долюбливают ширококрылые либералы, любящие простор в потемках и забывающие их логическое происхождение“.

Превосходное пожелание! Безусловно необходимы именно „строгие“ и „узкие“ требования.

Но беда в том, что все превосходные намерения народников оставались в области „невинных пожеланий“. Несмотря на то что они сознавали необходимость таких требований, несмотря на то, что они имели весьма достаточно времени для их осуществления, — они до сих пор не выработали их, они постоянно сливались с российским либеральным обществом целым рядом постепенных переходов, они продолжают сливаться с ним и до сих пор“ **).

Поэтому — пускай уже они пеняют на себя, если теперь марксисты против них выдвигают требования действительно очень „строгие“ и очень „узкие“, — требования исключительного служения исключительно одному классу (именно тому, который „дифференцирован от жизни“), его самостоятельному развитию и мышлению, требования полного разрыва с „гражданской“ „порядочностью“ российских „порядочных“ буржуев.

> „Как бы ни были, на самом деле, узки эти заповеди в частностях, во всяком случае ничего не скажешь против

---

*) Выражение г-на Кривенко [22]) („Р. Б.“ 189, № 10) в ответ на слова г-на Струве о „суровой борьбе общественных классов“.

**) Некоторые наивные народники, в простоте своей не понимающие, что пишут против себя, даже хвалятся этим:

„Наша интелегенция вообще, литература в частности, — пишет г. В. В. против г. Струве, — даже представители наиболее буржуазных течений, носят на себе, так сказать, народнический характер“ („Неделя“ [23]) 1894 г. № 47, стр. 1506).

Как в жизни мелкий производитель рядом незаметных переходов сливается с буржуазией, — так в литературе народнические невинные пожелания становятся „либеральным паспортом“ для вместителей утробных процессов, пенкоснимателей и т. д.

общего требования: „одно из двух: или будьте действительными друзьями, или же обратитесь в открытых врагов!“

„Мы переживаем в настоящее время чрезвычайно важный исторический процесс — процесс формирования третьего сословия. Перед нашими глазами совершается подбор представителей и происходит организация новой общественной силы, которая готовится управлять жизнью“.

Только еще „готовится“? А кто же „управляет“? Какая другая „общественная сила“?

Уж не та-ли, которая выражалась в органах à la „Весть“?— Невозможно. Мы не в 1894 г., а в 1879 г., накануне „диктатуры сердца“ [21]), — когда, по выражению автора статьи, „на крайних консерваторов показывают на улице пальцем“, над ними „хохочут во всю глотку“.

Уж не „народ“ ли, трудящиеся?—Отрицательный ответ дает вся статья автора.

И при этом говорить все еще: „готовится управлять“?! Нет, сила эта давным давно „приготовилась“, давным давно „управляет“; „готовятся“ же только одни народники—выбирать лучшие пути для России, да так, должно быть, и просбираются до тех пор, пока последовательное развитие классовых противоречий не оттеснит, не вытолкает за борт всех, кто от них сторонится.

„Процесс этот, начавшийся в Европе гораздо раньше нашего, во многих государствах пришел уже к концу *); в других он еще задерживается обломками феодализма и противодействием рабочих классов, но историческое колесо и здесь с каждым годом все больше и больше дробит эти обломки и укатывает жизнь для новых порядков“.

Вот до какой степени не понимают наши народники западноевропейского рабочего движения! Оно „задерживает“, видите-ли, капитализм,—и его, как „обломок“, ставят рядом с феодализмом!

Наглядное доказательство того, что не только для России, но и для Запада наши народники не в состоянии понять того, как можно бороться с капитализмом не „задерживанием“ его развития, а ускорением его, не сзади, а спереди, не реакционно, а прогрессивно.

„В общих чертах, процесс этот состоит в следующем: между дворянством и народом образуется новый общественный слой из элементов, опускающихся сверху, и элементов, поднимаю-

*) Т.-е. что это значит: „пришел к концу“? То-ли, что уже виден его конец, что уже собирается „новая сила“? — тогда он и у нас приходит к концу. Или то, что там уже более не нарождается третьего сословия? — это неверно, потому что и там есть еще мелкие производители выделяющие горстки буржуазии и массы пролетариата.

щихся снизу, которые как бы имеют одинаковый удельный вес, если можно так выразиться; элементы эти тесно сплачиваются, соединяются, претерпевают глубокое внутреннее изменение и начинают изменять и верхние и нижние слои, приспособляя их к своим потребностям. Процесс этот чрезвычайно интересен сам по себе, а для нас он имеет особенно важное значение. Для нас тут представляется целый ряд вопросов: составляет-ли господство третьего сословия роковую и неизбежную ступень цивилизации каждого народа?...“

Что за гиль?! Откуда и причем тут „роковая неизбежность“? Не сам-ли автор описывал и еще подробнее будет ниже описывать господство третьего сословия у н а с, на святой Руси, в 70-ые годы?

Автор берет, очевидно, те теоретические доводы, за которые прятались представители нашей буржуазии.

Ну, как же это не мечтательная поверхностность—принимать такие выдумки за чистую монету? не понимать, что за этими „теоретическими“ рассуждениями стоят и н т е р е с ы, интересы того общества, которое сейчас так верно было оценено, интересы буржуазии? Только романтик и может думать, что можно силлогизмами бороться с интересами.

...„нельзя ли государству прямо с одной ступени перейти на другую, не делая при этом никаких сальто-морталей, которые чудятся на каждом шагу чересчур предусмотрительным филистерам, и, не слушая фаталистов, видящих в истории один роковой порядок, вследствие которого господство третьего сословия так же неизбежно для государства, как неизбежна для человека старость или юность?...“

Вот какое глубокое понимание у народников нашей действительности! Если государство содействует развитию капитализма,— то это вовсе не потому, что буржуазия владеет такой материальной силой, что „посылает на работу“ народ и гнет в свою сторону политику. Вовсе нет. Дело просто в том, что профессора Вернадские [25]), Чичерины [26]), Менделеевы [27]) и пр. держатся неправильных теорий о „роковом“ порядке, а государство их „слушает“.

...„нельзя ли, наконец, смягчить отрицательные стороны наступающего порядка, как нибудь видоизменить его или сократить время его господства? Неужели, и в самом деле государство есть нечто такое инертное, непроизвольное и бессильное, что не может влиять на свои судьбы и изменять их; неужели, и в самом деле, оно есть нечто в роде волчка, пускаемого провидением, который двигается по определенному только пути, только известное время и совершает известное число оборотов, или в роде организма с весьма ограниченной волей; неужели и в самом деле им управляет

нечто в роде гигантского чугунного колеса, которое давит всякого дерзновенного, осмеливающегося попытать ближайших путей к человеческому счастью?!"

Это чрезвычайно характерное место, с особенной наглядностью показывающее реакционность, мелко-буржуазность того представительства интересов непосредственных производителей, которое давалось и дается российскими народниками. Будучи враждебно настроены против капитализма, мелкие производители представляют из себя переходный класс, смыкающийся с буржуазией, и потому не в состоянии понять, что неприятный им крупный капитализм—не случайность, а прямой продукт всего современного экономического (и социального, и политического, и юридического) строя, складывающегося из борьбы взаимно-противоположных общественных сил. Только непонимание этого и в состоянии вести к такой абсолютной нелепости, как обращение к „государству", как будто бы политические порядки не коренились в экономических, не выражали их, не служили им.

Неужели государство есть нечто инертное? — вопрошает с отчаянием мелкий производитель, видя, что по отношению к его интересам оно, действительно, замечательно инертно.

Нет — могли бы мы ответить ему, — государство ни в каком случае не есть нечто инертное, оно всегда действует и действует очень энергично, всегда активно и никогда пассивно, — и автор сам страничкой раньше характеризовал эту активную деятельность, ее буржуазный характер, ее естественные плоды. Плохо только то, что он не хочет видеть связи между таким ее характером и капиталистической организацией русского общественного хозяйства, и поэтому так поверхностен.

Неужели государство — волчек, неужели это — чугунное колесо? спрашивает Kleinbürger (мелкий буржуа. Ред.), видя, что „колесо" вертится вовсе не так, как он того желал бы.

О нет,—могли бы мы ответить ему,—это не волчек, не колесо, не закон фатума, не воля провидения; его двигают „живые личности" „сквозь строй препятствий"? *) (вроде, напр., сопротивления непосредственных производителей, или представителей старо-дворянского наслоения), именно те „живые личности", которые принадлежат к имеющей перевес общественной силе. И поэтому,

---

*) Г. Н. Михайловский [28]), у г. Струве, с. 8: „Живая личность со всеми своими помыслами и чувствами становится деятелем истории на свой собственный страх. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставит цели в истории и движет к ним события сквозь строй препятствий, поставляемых ей стихийными силами природы и исторических условий".

чтобы заставить колесо вертеться в другую сторону, надо против „живых личностей“ (т.-е. общественных элементов, принадлежащих не к идеологическим состояниям, а прямо выражающих насущные экономические интересы) обратиться тоже к „живым личностям“, против класса—обратиться тоже к классу. Для этого весьма недостаточно добрых и невинных пожеланий насчет „ближайших путей“,— для этого нужно „перераспределение социальной силы между классами“, для этого нужно стать идеологом не того непосредственного производителя, который стоит в стороне от борьбы, а того, который стоит в самой горячей борьбе, который уже окончательно „дифференцирован от жизни“ буржуазного общества. Это единственный, а потому ближайший „путь к человеческому счастью“, путь, на котором можно добиться не только смягчения отрицательных сторон положения вещей, не только сократить его существование ускорением его развития, но и совсем положить конец ему, заставив „колесо“ (не государственных уже, а социальных сил) вертеться совсем в иную сторону.

...„Нас занимает только процесс организации третьего сословия, даже только люди, выходящие из народной среды и становящиеся в его ряды. Люди эти очень важны: они исполняют чрезвычайно важные общественные функции, от них прямо зависит степень интенсивности буржуазного порядка. Без них не обходилась ни одна страна, где только этот порядок водворялся. Если их нет, или недостаточно в стране, то их необходимо вызвать из народа, необходимо создать в народной жизни такие условия, которые способствовали бы их образованию и выделению, необходимо, наконец, охранять их и помогать их росту, пока они не окрепнут. Здесь мы встречаемся с прямым вмешательством в исторические судьбы со стороны людей наиболее энергичных, которые пользуются обстоятельствами и минутой для своих интересов. Обстоятельства эти состоят, главным образом, в необходимости промышленного прогресса (в замене кустарного производства мануфактурным и мануфактурного фабричным, в замене одной системы полеводства другою, более рациональною), без чего государство, действительно, обойтись не может при известной густоте населения и международных сношениях, и в разладе политическом и нравственном, что́ обусловливается как экономическими факторами, так и ростом идей... Эти-то настоятельные в государственной жизни изменения и связывают обыкновенно люди ловкие с собою и с известными порядками, которые, без всякого сомнения, могли бы быть заменены и всегда могут быть заменены другими, если другие люди будут умнее и энергичнее, чем они были до сих пор“.

Итак, автор не может не признать, что буржуазия исполняет „важные общественные функции“,— функции, которые обще

можно выразить так: подчинение себе народного труда, руководство им и повышение его производительности. Автор не может не видеть того, что экономический „прогресс“ действительно „связывается“ с этими элементами, т.-е. что наша буржуазия действительно несет с собой экономический, точнее сказать, технический прогресс.

Но тут-то и начинается коренное различие между идеологом мелкого производителя и марксистом. Народник объясняет, этот факт (связи между буржуазией и прогрессом) тем, что „ловкие люди“ „пользуются обстоятельствами и минутой для своих интересов“,— другими словами, считает это явление случайным и потому с наивной смелостью заключает: „без всякого сомнения, эти люди всегда (!) могут быть заменены другими“, которые тоже дадут прогресс, но прогресс не буржуазный.

Марксист объясняет этот факт теми общественными отношениями людей по производству материальных ценностей, которые складываются в товарном хозяйстве, делают товаром труд, подчиняют его капиталу и поднимают его производительность. Он видит тут не случайность, а необходимый продукт капиталистического устройства нашего общественного хозяйства. Он видит поэтому выход не в россказнях о том, что „могут, без сомнения“, сделать люди, заменяющие буржуа (сначала, ведь, надо еще „заменить“,— а для этого одних слов или обращения к обществу и государству недостаточно), а в развитии тех классовых противоречий данного экономического порядка.

Всякий понимает, что эти два объяснения диаметрально противоположны, что из них вытекают две исключающие друг друга системы действия. Народник, считая буржуазию случайностью, не видит связей ее с государством и с доверчивостью „простодушного мужичка“ обращается за помощью к тому, кто именно и охраняет ее интересы. Его деятельность сводится к той умеренной и аккуратной, казенно-либеральной деятельности, которая совершенно равносильна с филантропией, ибо „интересов“ серьезно не трогает и нимало им не страшна. Марксист отворачивается от этой мешанины и говорит, что не может быть иных „залогов будущего“, кроме „суровой борьбы экономических классов“.

Понятно также, что если эти различия в системах действия непосредственно и неизбежно вытекают из различий объяснения факта господства нашей буржуазии, — то марксист, ведя теоретический спор, ограничивается доказательством необходимости и неизбежности (при данной организации общественного хозяйства) этой буржуазии (это и вышло с книгой г. Струве)

и если народник, обходя вопрос об этих различных приемах объяснения, занимается разговорами о гегельянстве и о „жестокости к личности“ *), — то это наглядно показывает лишь его бессилие.

„История третьего сословия в Зап. Европе чрезвычайно длинная... Мы, конечно, всю эту историю не повторим, вопреки учению фаталистов; просвещенные представители нашего третьего сословия не станут, конечно, также употреблять всех тех средств для достижения своих целей, к каким прибегали прежде, и возьмут из них только наиболее подходящие и соответствующие условиям места и времени. Для обезземеления крестьянства и создания фабричного пролетариата они не станут, конечно, прибегать к грубой военной силе или не менее грубой прочистке поместий“.....

„Не станут прибегать“...?!! Только у теоретиков слащавого оптимизма и можно встретить такое умышленное забывание фактов прошлого и настоящего, которые уже сказали свое „да“, — и розовое упованье, что в будущем, конечно, будет „нет“. Конечно это ложь.

...„а обратятся к уничтожению общинного землевладения, созданию фермерства, немногочисленного класса зажиточных крестьян **) и вообще к средствам, при которых экономически слабый погибает сам собой. Они не станут теперь создавать цехов, но будут устраивать кредитные, сырьевые, потребительные и производительные ассоциации, которые, суля общее счастье, будут только помогать сильному делаться еще сильнее, а слабому еще слабее. Они не будут хлопотать о патримониальном суде [20]), но будут хлопотать о законодательстве для поощрения трудолюбия, трезвости и образования, в которых будет подвизаться только молодая буржуазия, так как масса будет по прежнему пьянствовать, будет невежественна и будет трудиться за чужой счет“.

Как хорошо характеризованы тут все эти кредитные, сырьевые и всякие другие ассоциации, все эти меры содействия трудолюбию, трезвости и образованию, к которым так трогательно относится наша теперешняя либерально-народническая печать, „Р. Б-во“ в том числе. Марксисту остается только подчеркнуть сказанное, согласиться вполне, что действительно все это — не более как представительство третьего сословия, и, след., люди, пекущиеся об этом, не более как маленькие буржуа.

---

*) Г. Михайловский в № 10 „Р. Б.“ за 1894 г.

**) Это превосходно осуществляется и без уничтожения общины, которая нисколько не устраняет раскола крестьянства, — как это установлено земской статистикой.

Эта цитата — достаточный ответ современным народникам, которые из презрительного отношения марксистов к подобным мерам заключают, что они хотят быть „зрителями“, что они хотят сидеть сложа руки. Да, конечно, в буржуазную деятельность они никогда не вложат своих рук, они всегда останутся по отношению к ней „зрителями“.

> „Роль этого класса (выходцев из народа, мелкой буржуазии), образующего сторожевые пикеты, стрелковую цепь и авангард буржуазной армии, к сожалению, очень мало интересовала историков и экономистов, тогда как роль его, повторяем, чрезвычайно важна. Когда совершалось разрушение общины и обезземеление крестьянства, то совершалось это вовсе не одними лордами и рыцарями, а и своим же братом, т.-е. опять-таки — выходцами из народа, выходцами, наделенными практической сметкой и низкой спиной, пожалованными барской милостью, выудившими в мутной воде или приобревшими грабежом некоторый капиталец, выходцами, которым протягивали руку высшие сословия и законодательство. Их называли наиболее трудолюбивыми, способными и трезвыми элементами народа“...

Это наблюдение с фактической стороны очень верно. Действительно, обезземеление производилось главным образом „своим же братом“, мелким буржуа. Но понимание этого факта у народника неудовлетворительно. Он не отличает двух антагонистических классов, феодалов и буржуазии, представителей „старо-дворянских“ и „ново-мещанских“ порядков, не отличает различных систем хозяйственной организации, не видит прогрессивного значения второго класса по сравнению с первым. Это во-первых. Во-вторых, он приписывает рост буржуазии грабежу, сметке, лакейству и т. д., тогда как мелкое хозяйство на почве товарного производства превращает в мелкого буржуа самого трезвого, работящего хозяина: у него получаются „сбережения“, и силою окружающих отношений эти „сбережения“ превращаются в капитал. Прочитайте об этом в описаниях кустарных промыслов и крестьянского хозяйства, у наших беллетристов-народников.

> ...„Это даже не стрелковая цепь и авангард, а главная буржуазная армия, строевые нижние чины, соединенные в отряды, которыми распоряжаются штаб-и обер-офицеры, начальники отдельных частей и генеральный штаб, состоящий из публицистов, ораторов и ученых *). Без этой армии буржуазия ничего не могла бы поделать. Разве английские лендлорды, которых не насчитывается 30 тысяч, могли бы управлять голод-

*) Следовало добавить: администраторов, бюрократии. Иначе указание состава „генерального штаба“ грешит невозможной неполнотой, — невозможной по русским особенно условиям.

ной массой в несколько десятков миллионов без фермеров?! Фермер, это — настоящий боевой солдат в смысле политическом и маленькая экспроприирующая ячейка в смысле экономическом .....На фабриках роль фермеров исполняют мастера и подмастерья, получающие очень хорошее жалованье не за одну только более искусную работу, но и за то, чтобы наблюдать за рабочими, чтобы отходить последними от станка, чтобы не допускать со стороны рабочих требований о прибавке заработной платы или уменьшении часов труда и чтобы давать хозяевам возможность говорить, указывая на них: „смотрите, сколько мы платим тем, кто работает и приносит нам пользу“; лавочники, находящиеся в самых близких отношениях к хозяевам и заводской администрации; конторщики, всевозможных видов надсмотрщики и тому подобная мелкая тля, в жилах которой течет еще рабочая кровь, но в душе которой засел уже полновластно капитал. [Совершенно верно! К. Т.]. Конечно, то же самое, что мы видим в Англии, можно видеть и во Франции, и в Германии, и в других странах. [Совершенно верно! И в России тоже. К. Т.]. Изменяются в некоторых случаях только разве частности, да и те по большей части остаются неизменными. Французская буржуазия, восторжествовавшая в конце прошлого столетия над дворянством, или, лучше сказать, воспользовавшаяся народной победой, выделила из народа мелкую буржуазию, которая помогла обобрать и сама обобрала народ и отдала его в руки авантюристов.... В то время, как в литературе пелись гимны французскому народу, когда превозносилось его величие, великодушие и любовь к свободе, когда все эти воскуривания стояли над Францией туманом, буржуазный кот уплетал себе курченка и уплел его почти всего, оставив народу одни косточки. Прославленное народное землевладение оказалось микроскопическим, измеряющимся метрами и часто даже не выдерживающим расходов по взиманию налогов“....

Остановимся на этом.

Во-первых, нам интересно бы спросить народника, кто у нас „воспользовался победой над крепостным правом“, над „стародворянским наслоением“? Вероятно, не буржуазия. Что делалось у нас в „народе“ в то время, когда „в литературе пелись гимны“, которые приводил сейчас автор, о народе, о любви к народу, о великодушии, об общинных свойствах и качествах, о „социальном взаимоприспособлении и солидарной деятельности“ внутри общины, о том, что Россия — вся артель, что община, это „все, что́ есть в мыслях и действиях сельского люда“, etc. etc. etc., что́ поется и по сейчас (хотя и в минорном тоне) на страницах либерально-народнической печати? Земли, конечно, не отбирались у крестьянства; буржуазный кот не уплетал курченка, но уплел почти всего; „прославленное народное землевладение“ не „оказа-

лось микроскопическим", в нем не было превышения платежей над доходами?*) — Нет, только „мистики и метафизики" способны утверждать это, считать это фактом, брать этот факт за исходную отправную точку своих суждений о наших делах, своей деятельности, направленной не на поиски „иных путей для отечества", а на работу на данном, совершенно уже определившемся, капиталистическом пути.

Во-вторых. Интересно сравнить метод автора с методом марксистов. На конкретных рассуждениях гораздо лучше можно уяснить их различие, чем посредством отвлеченных соображений. Почему это автор говорит о французской „буржуазии", что она восторжествовала в конце прошлого века над дворянством? почему деятельность, состоявшая преимущественно и почти исключительно из деятельности интеллигенции, именуется буржуазной? и потом, действовало ведь правительство, отбирая земли у крестьянства, налагая высокие платежи и т. д.? Наконец, ведь эти деятели говорили о любви к народу, о равенстве и всеобщем счастьи, как говорили и говорят российское либералы и народники? можно ли при этих условиях видеть во всем этом одну „буржуазию"? не „узок" ли этот взгляд, сводящий политические и идейные движения к Plusmacherei (прибавочной стоимости. Ред.)? — Смотрите, это — все те же вопросы, которыми заваливают русских марксистов, когда они однородные вещи говорят про нашу крестьянскую реформу (видя ее отличие лишь в „частностях"), про пореформенную Россию вообще. Я говорю здесь, повторяю, не о фактической правильности нашего взгляда, а о методе, который в данном случае употребляет народник. Он берет критерием — результаты („оказалось", что народное землевладение микроскопично, кот „уплетал" и „уплел" курченка) и притом исключительно экономические результаты.

Спрашивается, почему же применяет он этот метод только по отношению к Франции, не желая употреблять его и для России? Ведь метод должен быть везде один. Если во Франции за деятельностью правительства и интеллигенции вы ищете интересов, то почему вы не ищете их на святой Руси? если там критерий ваш ставит вопрос о том, каково „оказалось" народное землевладение, почему здесь критерий ставится о том, каково оно „может" оказаться? Если там фразы о народе и его великодушии при наличности „уплетания курченка" внушают вам справедливое отвращение, — почему здесь не отворачиваетесь

*) И не только „часто", как во Франции, а в виде общего правила, при чем превышение исчисляется не только десятками, а даже сотнями процентов.

вы, как от буржуазных философов, от тех, кто при несомненной, вами же признаваемой наличности „уплетания", способен говорить о „социальном взаимоприспособлении", о „народной общинности", о „нуждах народной промышленности" и тому подобные вещи?

Ответ один: потому, что вы — идеолог мелкой буржуазии, потому что ваши идеи, т.-е. идеи народнические вообще, а не идеи Ивана, Петра, Сидора, — результат отражения интересов и точки зрения мелкого производителя, а вовсе не результат „чистой" *) мысли.

„Но для нас в особенности поучительна в этом отношении Германия, опоздавшая так же, как и мы, с буржуазной реформой и потому воспользовавшаяся опытом других народов не в положительном, а в отрицательном, конечно, смысле". Состав крестьянства в Германии — пересказывает автор Васильчикова [30]) — был неоднороден; крестьяне разделялись и по правам и по владению, по размерам наделов. Весь процесс привел к образованию „крестьянской аристократии", „сословия мелкопоместных землевладельцев недворянского происхождения", к превращению массы „из домохозяев в чернорабочих". „Наконец, довершила дело и отрезала всякие легальные пути к поправлению положения рабочих полуаристократическая, полумещанская конституция 1849 г. [31]), давшая право голоса только дворянству и имущему мещанству".

Оригинальное рассуждение. Конституция „отрезала легальные пути?! Это — еще отражение той доброй старой теории российских народников, по которой „интеллигенция" приглашалась пожертвовать „свободой", ибо таковая, дескать, служила бы лишь ей, а народ отдала бы в руки „имущего мещанства". Мы не станем спорить против этой нелепой и реакционной теории, потому что от нее отказались современные народники вообще и наши ближайшие противники, гг. публицисты „Русского Богатства" в частности. Но мы не можем не отметить, что, отказываясь от этой идеи, делая шаг вперед к открытому признанию данных путей России, вместо разглагольствования о возможности иных путей, — эти народники тем самым окончательно установили свою мелко-буржуазность, так как настаивание на мелких, мещанских реформах в связи с абсолютным непониманием классовой борьбы ставит их на сторону либералов против тех, кто становится на сторону „антипода", видя в нем единственного, так сказать, дестинатэра (производителя. Ред.) тех благ, о которых идет речь

„И в Германии в это время было много людей, которые предавались только восторгам от эмансипации, предавались

*) Выражение г-на В. В. См. „Наши направления", а также „Неделю" за 1894 г. №№ 47—49.

десять лет, двадцать лет, тридцать лет и более, люди, которые всякий скептицизм, всякое недовольство реформой считали на руку реакции и предавали их проклятию. Простодушные из них представляли себе народ в виде коня, выпущенного на волю, которого опять можно поставить в конюшню и начать на нем почтовую гоньбу (что вовсе не всегда возможно). Но были тут и плуты, льстившие народу, но под шумок ведшие другую линию, плуты, пристроившиеся к таким искренно любившим народ разиням, которых можно было проводить и эксплоатировать. Ах, эти искренние разини! Когда начинается гражданская борьба, то вовсе не всякий готов к ней и вовсе не всякий к ней способен".

Прекрасные слова, которые хорошо резюмируют лучшие традиции старого русского народничества и которыми мы можем воспользоваться для характеристики отношения русских марксистов к современному русскому народничеству. Для такого употребления — не приходится много изменять в них: настолько однороден процесс капиталистического развития обеих стран; настолько однородны общественно-политические идеи, отражавшие этот процесс.

У нас тоже царят и правят в „передовой" литературе люди, которые толкуют о „существенных отличиях нашей крестьянской реформы от западной", о „санкции народного (sic!) производства", о великом „наделении землей" (это выкуп-то!!) и т. п. и ждут поэтому от начальства ниспослания чуда, именуемого „обобществлением труда", ждут „десять лет, двадцать лет, тридцать лет и более", а кот — о котором мы сейчас говорили — уплетает курченка, смотря с ласковостью сытого и спокойного зверя на „искренних разинь", толкующих о необходимости избрать другой путь для отечества, о вреде „грозящего" капитализма, о мерах помощи народу кредитами, артелями, общественными запашками и тому подобным невинным штопаньем. „Ах, эти искренние разини!"

„Вот этот-то процесс образования третьего сословия переживаем теперь и мы, и, главным образом, наше крестьянство. Россия отстала с этим делом от всей Европы, даже от своей институтской подруги, или, вернее, пепиньерки — Германии. Главным рассадником и бродилом третьего сословия были везде в Европе города. У нас, наоборот", — несравненно меньше городских жителей... „Главная причина этой разницы заключается в нашем народном землевладении, удерживающем население в деревне. Увеличение городского населения в Европе тесно связано с обезземелением народа и фабричной промышленностью, которая, при капиталистических условиях производства, нуждается в дешевом труде и в избытке его предложения. В то время, как изгоняемое из деревень

европейское крестьянство шло на заработки в города, наше крестьянство, докуда хватает сил, держится за землю. Народное землевладение есть главный стратегический пункт, главный ключ крестьянской позиции, значение которого отлично понимают вожаки мещанства и потому направляют на него все свое искусство и все свои силы. Отсюда-то и происходят все нападки на общину, отсюда-то и выходят в великом множестве разные проекты об отрешении земледельца от земли, во имя рациональной агрономии, во имя процветания промышленности, во имя национального прогресса и славы!"

Тут уже наглядно сказывается поверхностность народнической теории, которая, из-за мечтаний об „иных путях", совершенно неправильно оценивает действительность: усматривает „главный пункт" — в таких не играющих коренной роли юридических институтах, как формы крестьянского землевладения (общинное или подворное); видит нечто особенное в нашем мелком крестьянском хозяйстве, как будто бы это не было обыкновенное хозяйство мелких производителей, совершенно однородное — по типу своей политико-экономической организации — с хозяйством западно-европейских ремесленников и крестьян, а какое-то „народное" (!?) землевладение. По установившейся в нашей либерально-народнической печати терминологии, слово „народный" означает такой, который исключает эксплоатацию трудящегося, — так что автор своей характеристикой прямо затушевывает несомненный факт наличности в нашем крестьянском хозяйстве того же присвоения сверхстоимости, того же труда за чужой счет, какой царит и вне „общины", и настежь отворяет двери сентиментальному и слащавому фарисейству.

„Настоящая наша община, малоземельная и обремененная податями, еще не Бог весть какая гарантия. Земель у крестьянства было и без того не много, а теперь, вследствие возростания населения и ухудшения плодородия, стало еще меньше; податная тягость не уменьшается, а увеличивается; промыслов мало; местных заработков еще меньше; жизнь в деревне становится настолько тяжелою, что крестьянство целыми деревнями уходит далеко на заработки, оставляя дома только жен и детей. Таким образом пустеют целые уезды... Под влиянием этих-то тяжелых условий жизни, с одной стороны, из крестьянства и выделяется особый класс людей — молодая буржуазия, которая стремится покупать землю на стороне, в одиночку, стремится к другим занятиям — торговле, ростовщичеству, составлению рабочих артелей, с собою во главе, получению разных подрядов и тому подобным мелким аферам".

Стоит со всей подробностью остановиться на этом месте.

Мы видим тут, во-первых, констатирование известных фактов, которые можно выразить двумя словами: крестьяне бегут; во-вто-

рых, о оценку их (отрицательную), и, в-третьих, объяснение их, из котор ого вытекает непосредственно и целая программа, здесь не изложенная, но слишком хорошо известная (земли прибавить, подати уменьшить; промыслы „поднять“ и „развить“).

Необходимо подчеркнуть, что с точки зрения марксиста вполне и безусловно справедливо (и только выражено, как сейчас увидим, крайне неудовлетворительно) и первое и второе. Но никуда уже ровно не годится третье *).

Поясню это. Справедливо первое. Справедлив факт, что община наша — не гарантия, что крестьянство бросает деревню, уходит с земли; надо было сказать: экспроприируется, — потому что оно владело (на правах частной собственности) известными средствами производства (из них землею на особом праве, дававшем однако тоже в частное эксплоатирование и землю, выкупаемую общинами) и теряет их. Справедливо, что кустарные промыслы „падают“ — *т. е.* и тут крестьяне экспроприируются, теряют средства и орудия производства, бросают домашнее ткачество, и идут в рабочие по постройке железных дорог, в каменщики, в чернорабочие и т. д. по найму. Те средства производства, от которых освобождаются крестьяне, идут в руки ничтожного меньшинства, служа источником эксплоатации рабочей силы, — капиталом. Поэтому прав автор, что владельцы этих средств производства становятся „буржуазией“, т. е. классом, держащим в своих руках „народный“ труд при капиталистической организации общественного хозяйства. Все эти факты констатированы правильно, оценены верно за их эксплоататорское значение.

Но уже из сделанного описания читатель увидел, конечно, что марксист совсем иначе объясняет эти факты. Народник видит причины этих явлений в том, что „мало земли“, обременительны подати, падают „заработки“ — т. е. в особенностях политики — поземельной, податной, промышленной, а не в особенностях общественной организации производства, из которой уже неизбежно вытекает данная политика.

Земли мало — рассуждает народник — и становится все меньше. (Я беру даже не это непременно заявление автора статьи, а общее положение народнической доктрины). — Совершенно справедливо, но почему же это вы говорите только, что земли мало, а не добавляете: мало продают. Ведь вы знаете, что наши крестьяне выкупают свои наделы у помещиков. Почему вы обращаете главное внимание на то, что мало, а не на то, что продают?

*) Вот почему теоретики марксизма, воюя с народничеством, напирают так на объяснение, понимание, на объективную сторону.

Самый уже этот факт продажи, выкупа — указывает на господство таких принципов (приобретение средств производства за деньги), при которых трудящиеся все равно останутся без средств производства, мало ли, много ли их продавать станут. Замалчивая этот факт, вы замалчиваете тот капиталистический способ производства, на почве которого только и могла появиться такая продажа. Замалчивая его, вы тем самым становитесь уже на почву этого буржуазного общества и превращаетесь в простого политикана, рассуждающего о том, много или мало продавать земли. Вы не видите, что самый уже этот факт выкупа доказывает, что „в душе" тех, чьи интересы осуществили „великую" реформу, кто провел ее, „засел уже полновластно к а п и т а л", что для всего этого либерально-народнического „общества", которое опирается на созданные реформой порядки, политиканствуя о различных улучшениях их, — только и света, что от „капиталистической луны". Поэтому-то народник и ополчается с такой ненавистью на тех, кто последовательно стоит на принципиально иной почве. Он поднимает крик, что они не заботятся о народе, что они хотят обезземеливать крестьян!!

Он народник, заботится о народе, он не хочет обезземелить крестьянство, он хочет, чтобы ему земли было больше (п р о д а н о). Он — честный лавочник. Правда, он умалчивает о том, что земли не даром даются, а продаются, — но разве в лавках говорят о том, что за товары надо платить деньги? Это всякий и так знает.

Понятно, что он ненавидит марксистов, которые говорят, что надо обращаться исключительно к тем, кто уже „дифференцирован" от этого лавочнического общества, „отлучен" от него, — если позволительно употребить эти характернейшие мелко-буржуазные выражения господ Михайловских и Южаковых *).

Пойдем дальше. „Промыслов мало" — вот точка зрения народника на кустарные промыслы. И опять-таки о том, какова организация этих промыслов, он умалчивает. Он благодушно закрывает глаза на то, что и те промыслы, которые „падают", и те, которые „развиваются", — одинаково организованы капиталистически, с полным порабощением труда капиталу скупщиков, купцов и т. д., и ограничивается мещанскими требованиями прогрессов, улучшений, артелей и т. п., как будто бы подобные меры могут хоть сколько нибудь затронуть ф а к т господства капитала. Как

*) Кроме замалчивания и непонимания капиталистического характера выкупа, гг. народники скромно обходят и тот факт, что „малоземелье" крестьян дополняется наличностью весьма хороших кусочков земли у представителей „старо-дворянского" наслоения.

в области земледелия, так и в области промышленности обрабатывающей он становится на почву данной их организации и воюет не против самой этой организации, а против различных несовершенств ее. — Что касается податей, то тут уж народник сам опроверг себя, выставив рельефно основную характеристическую черту народничества — способность на компромиссы. Выше он сам утверждал, что всякий налог (даже подоходный) ляжет на рабочие руки при наличности системы присвоения сверхстоимости, — но тем не менее он вовсе не отказывается потолковать с либеральным обществом о том, велики ли подати или малы, и преподать „с гражданской порядочностью" надлежащие советы департаменту податей и сборов.

Одним словом, причина, по мнению марксистов, не в политике, не в государстве и не в „обществе", — а в данной системе экономической организации России; дело не в том, что „ловкие люди" или „пройдохи" ловят рыбу в мутной воде, а в том, что „народ" представляет из себя два, друг другу противоположные, друг друга исключающие класса: „в обществе все действующие силы слагаются в две равнодействующие, взаимнопротивоположные".

> „Люди, заинтересованные в водворении буржуазного порядка, видя крушение своих проектов *), не останавливаются на этом; они ежечасно твердят крестьянству, что виновата во всем община и круговая порука, переделы полей и мирские порядки, потворствующие лентяям и пьяницам; они устраивают для достаточных крестьян ссудосберегательные товарищества и хлопочут о мелком земельном кредите, для участкового землевладения; они устраивают в городах технические, ремесленные и разного рода другие училища, в которые опять таки попадают только дети достаточных людей, тогда как масса остается без школ; они помогают крестьянам

---

*) Итак, крушение проекта об уничтожении общины — означает победу над интересами „водворения буржуазного порядка"!!

Сочинивши себе мещанскую утопию из „общины", народник доходит до такого мечтательного игнорирования действительности, что в проекте против общины видит целое водворение буржуазного порядка, тогда как это — простое политиканство на почве вполне уже „водворенного" буржуазного строя.

Самым решительным доводом против марксиста является для него вопрос, который и задается с видом окончательного торжества: нет, вы скажите, вы хотите уничтожить общину или нет? да или нет? — Для него тут весь вопрос, все „водворение". Он абсолютно не хочет понять, что с точки зрения марксиста „водворение" — давний уже и бесповоротный факт, которого ни уничтожение общины, ни укрепление ее не затронет, — как и теперь господство капитала одинаково и в общинной и в подворной деревне.

Более глубокий протест против „водворения" народник старается выставить апологией водворения. Утопающий за соломинку хватается.

улучшать скот выставками, премиями, племенными производителями, отпускаемыми из депо за плату и т. п. Все эти мелкие усилия складываются в одну значительную силу, которая действует на деревенский мир разлагающим образом и все больше и больше раскалывает крестьянство на двое".

Характеристика „мелких усилий" хороша. Мысль автора, что все мелкие усилия (на которых так усердно стоит теперь „Русское Богатство" и вся наша либерально-народническая пресса) означают, выражают и проводят „ново-мещанское" наслоение, капиталистические порядки, — совершенно справедлива.

Это обстоятельство именно и является причиной отрицательного отношения марксистов к подобным усилиям. А тот факт, что эти „усилия" несомненно представляют собою ближайшие desiderata мелких производителей, — доказывает, по их мнению, правильность основного их положения: что нельзя видеть представителя идеи труда в крестьянине, так как он, являясь при капиталистической организации хозяйства мелким буржуа, в силу этого становится на почву данных порядков, в силу этого примыкает некоторыми сторонами своей жизни (и своих идей) к буржуазии.

Этим местом небесполезно также воспользоваться, чтобы подчеркнуть следующее. Отрицательное отношение марксистов к „мелким усилиям" — особенно вызывает нарекания господ народников. Напоминая им об их предках, мы тем самым показываем, что было время, когда народники иначе смотрели на это, когда они не так охотно и усердно шли на компромиссы [хотя и тогда все-таки шли, как доказывает эта же статья], когда они — не скажу: понимали, — но по крайней мере чувствовали буржуазность всех таких усилий, когда отрицание их осуждалось как „пессимизм к народу" только самыми наивными из либералов.

Приятное общение господ народников с этими последними, в качестве представителей „общества", принесло, видимо, полезные плоды.

Неспособность удовлетворяться „мелкими усилиями" буржуазного прогресса вовсе не означает абсолютного отрицания частных реформ. Марксисты вовсе не отрицают некоторой (хотя и мизерной) пользы этих мероприятий: они могут принести трудящемуся некоторое (хотя и мизерное) улучшение его положения; они ускорят вымирание особенно отсталых форм капитала ростовщичества, кабалы и т. под., ускорят превращение их в более современные и человечные формы европейского капитализма. Поэтому марксисты, если-бы их спросили, следует-ли принимать такие меры, ответили

бы, конечно: следует, но при этом пояснили бы свое отношение вообще к тому капиталистическому строю, который этими мерами улучшается, — при этом мотивировали бы свое согласие желанием ускорить развитие этого строя и, следовательно, финал его *).

„Если мы обратим внимание, что у нас крестьянство разделено, как в Германии, по правам и владению, на различные категории (государственные крестьяне, удельные, бывшие помещичьи, и из них получившие полные наделы, средние и четвертные, дворовые); что общинный быт не представляется у нас общим бытом; что в юго-западном крае, встречаясь с личным землевладением, мы встречаемся опять с крестьянами тяглыми, пешими, огородными, батрачными и чиншевиками, из которых одни имеют по 100 десятин и более, а другие не имеют вершка земли; что в балтийских губерниях аграрный строй представляется совершенным сколком с германского аграрного строя и т. д., то увидим, что и у нас есть почва для буржуазии".

Нельзя не отметить тут того мечтательного преувеличения значения общины, которым всегда грешили народники. Автор выражается так, как будто бы „общинный быт" исключал буржуазию, исключал раздробление крестьян! Да ведь это же прямая неправда!

Всякий знает, что и общинные крестьяне тоже раздроблены по правам и наделам; что во всякой наобщинной деревне крестьяне опять таки раздроблены и „по правам" (безземельные, надельные, бывшие дворовые, выкупившие наделы особыми взносами, приписные etc. etc.), и „по владению": крестьяне, которые сдали наделы, у которых их отобрали за недоимки, за то, что не обработывают и запускают, — и которые снимают чужие наделы; крестьяне, имеющие „вечную" землю или „покупающие на года" по нескольку десятин; наконец, крестьяне бездомовые, без всякого скота, безлошадные и многолошадные. Всякий знает, что в каждой наобщинной деревне на этой почве хозяйственной раздробленности и товарного хозяйства растут пышные цветы ростовщического капитала, кабалы во всех ее формах. А народники все еще рассказывают свои приторные сказки о каком-то „общинном быте"!

„И молодая буржуазия у нас, действительно, растет не по дням, а по часам, растет не по одним только еврейским окраинам, но и внутри России. Выразить цифрами ее численность пока очень трудно, но, смотря на возростающее число землевладельцев, на увеличивающееся число торговых сви-

*) Это относится не только к „техническим и другим училищам", к улучшениям техники крестьян и кустарей, но и к „расширению крестьянского земл владения", к „кредиту" и т. п.

детельств, на увеличивающееся число жалоб из деревень на мироедство и кулачество и т. п. признаки *), можно думать, что численность ее уже значительна".

Совершенно верно! Именно этот факт, верный для 1879 года и бесспорный, в неизмеримо большем развитии, для 1895 года, и служит одним из устоев марксистского понимания русской действительности.

Отношение к этому факту у нас одинаково отрицательное; мы оба согласны в том, что он выражает явления, противоположные интересам непосредственных производителей, — но мы совершенно различно п о н и м а е м эти факты. Теоретическую сторону этого различия я уже охарактеризовал выше, а теперь обращусь к практической.

Буржуазия — особенно деревенская — еще слаба у нас; она только еще зарождается, говорит народник. Поэтому с ней и можно еще бороться. Буржуазное направление очень еще несильно — поэтому можно еще повернуть назад. Время не ушло.

Только метафизик-социолог (превращающийся на практике в трусливого реакционного романтика) в состоянии рассуждать таким образом. Я уже не буду говорить о том, что „слабость" буржуазии деревенской объясняется отливом сильных ее элементов, ее вершин, в города, — что в деревнях это только — „солдаты", а в городах уже сидит „генеральный штаб", — я не буду говорить о всех этих, до-нельзя очевидных извращениях факта народниками. Есть еще ошибка в этом рассуждении, которая и делает его метафизическим.

Мы имеем перед собой известное общественное отношение, отношение между деревенским мелким буржуа (богатым крестьянином, торгашом, кулаком, мироедом и т. п.) и „трудовым" крестьянином, трудовым „за чужой счет", разумеется.

Отношение это существует — народник не сможет отрицать его всеобщей распространенности. Но оно слабо — говорит он — и потому его можно е щ е исправить.

Историю делают „живые личности", скажем мы этому народнику, угощая его его же добром. Исправление, изменение общественных отношений, разумеется, возможно, но возможно лишь тогда, когда исходит о т с а м и х ч л е н о в э т и х и с п р а в л я е м ы х и л и и з м е н я е м ы х о б щ е с т в е н н ы х о т н о ш е н и й.

*) К которым следует добавить — покупки с помощью крестьянского банка, „прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве" — улучшения техники и культуры, введение улучшенных орудий, травосеяние и т. п., развитие мелкого кредита и организацию сбыта для кустарей и т. д.

Это ясно, как ясен ясный Божий день. Спрашивается, может ли „трудовой" крестьянин изменить это отношение? В чем оно состоит?— В том, что два мелкие производителя хозяйничают при системе товарного производства, что это товарное хозяйство раскалывает их „на двое", что оно дает одному к а п и т а л, другого заставляет работать „за чужой счет".

Каким же образом наш трудовой крестьянин изменит это отношение, когда он сам одной ногой стоит на той именно почве, которую и нужно изменять? как может он понять негодность обособленности и товарного хозяйства, когда он сам обособлен и хозяйничает на свой риск и страх, хозяйничает на рынок? когда эти условия жизни порождают в нем „помыслы и чувства", свойственные тому, кто по одиночке работает на рынок? когда он раздроблен самыми материальными условиями, величиной и характером своего хозяйства, и в силу этого его противоположность капиталу настолько еще не развита, что он не может понять, что это именно — к а п и т а л, а не только „пройдохи" да ловкие люди?

Не очевидно-ли, что следует обратиться туда, где э т о ж е (nota bene) общественное отношение развито д о к о н ц а, где члены этого общественного отношения, являющиеся непосредственными производителями, сами уже окончательно „дифференцированы" и „отлучены" от буржуазных порядков, где противоположность уже развита так, что ясна сама собой, где невозможна уже никакая мечтательная, половинчатая постановка вопроса? И когда непосредственные производители, стоящие в этих передовых условиях, будут „дифференцированы от жизни" буржуазного общества не только в ф а к т е, но и в с в о е м с о з н а н и и, — тогда и „трудовое" крестьянство, поставленное в отсталые, худшие условия, увидит, „как это делается" и примкнет к своим товарищам по работе „за чужой счет".

> „Когда у нас говорят о фактах покупки крестьянами земель и объясняют, что крестьянство покупает землю и в личную собственность, и миром, то никогда почти не добавляют к этому, что мирские покупки составляют только редкое и ничтожное исключение из общего правила личных покупок".

Приведя далее данные о том, как число частных землевладельцев, достигавшее 103.158 в 1861 году, оказалось 313.529 по данным 60-х годов, и сказав, что это объясняется тем, что второй раз сосчитаны мелкие собственники из крестьян, которые не считались при крепостном праве, автор продолжает:

> „это и есть наша молодая сельская буржуазия, непосредственно примыкающая и соединяющаяся с мелкопоместным дворянством".

Правда — скажем мы на это, — совершенная правда, — особенно насчет того, что она „примыкает“ и „соединяется“! И поэтому к идеологам мелкой буржуазии относим мы тех, кто придает серьезное значение (в смысле интересов непосредственных производителей) „расширению крестьянского землевладения“, т. - е. и автора, говорящего это на стр. 152-ой.

Поэтому-то и считаем мы не более как политиканами людей, разбирающих вопрос о личных и мирских покупках так, как будто бы от него зависело хоть на ноту „водворение“ буржуазных порядков. Мы и тот и другой случай относим к буржуазности, ибо покупка есть покупка, деньги суть деньги в обоих случаях, т. е. такой товар, который попадает лишь в руки мелкого буржуа *), все равно, объединенного ли миром „для социального взаимоприспособления и солидарной деятельности“ или разъединенного участковым землевладением.

„Впрочем, она (молодая сельская буржуазия) тут далеко еще не вся. „Мироед“ — слово, конечно, не новое на Руси, но оно никогда не имело такого значения, какое получило теперь, никогда не оказывало такого давления на односельцев, какое оказывает теперь. Мироед был лицом каким-то патриархальным, сравнительно с настоящим, лицом, всегда подчинявшимся миру, а иногда просто лентяем, особенно и не гнавшимся за наживой.—В настоящее время слово мироед имеет другое значение, а в большинстве губерний оно сделалось уже родовым понятием, сравнительно мало употребляется и заменяется словами: кулак, коштан, купец, кабатчик, кошатник, подрядчик, закладчик и т. д. Это раздробление одного слова на несколько слов, слов, отчасти тоже не новых, а отчасти совершенно новых или доселе не встречавшихся в крестьянском обиходе, показывает прежде всего на то, что в эксплоатации народа произошло разделение труда, а затем на широкое разрастание хищничества и на специализацию его. Почти в каждом селе и в каждой деревне есть один или несколько таких эксплоататоров“.

Бесспорно, что этот факт разрастания хищничества подмечен верно. Напрасно только автор, как и все народники, несмотря на все эти факты, не хочет понять, что это систематическое, всеобщее, правильное (даже с разделением труда) кулачество есть проявление капитализма в земледелии, есть господство капитала в его первичных формах, который, с одной стороны, постоянно высачивает тот городской, банковский, вообще европейский капитализм,

---

*) Речь идет, разумеется, не о таких деньгах, которые служат только для приобретения необходимых предметов потребления, а о свободных деньгах, которые могут быть сбережены для покупки средств производства.

который народники считают чем-то наносным, а с другой стороны,— поддерживается и питается этим капитализмом; одним словом, что это — одна из сторон капиталистической организации русского народного хозяйства.

Кроме того, характеристика „эволюции" мироеда даст нам возможность еще уличить народника.

В реформе 1861 года народник видит санкцию народного производства, усматривает в ней существенные отличия от западной.

Те мероприятия, которых он теперь жаждет, равным образом, сводятся к подобной же „санкции" — общины и т. п., к подобным же „обеспечениям наделом" и средствами производства вообще.

Отчего же это, г. народник, реформа, „санкционировавшая народное (а не капиталистическое) производство", привела только к тому, что из „патриархального лентяя" получился сравнительно энергичный, бойкий, подернутый цивилизацией хищник? только к перемене ф о р м ы хищничества, как и соответствующие великие реформы на Западе?

Отчего думаете вы, что следующие шаги „санкции" (вполне возможные в виде расширения крестьянского землевладения, переселений, регулирований аренды и прочих несомненных прогрессов, но только прогрессов буржуазных), — почему думаете вы, что они поведут к чему-нибудь иному, кроме дальнейшего видоизменения ф о р м ы, дальнейшей европеизации к а п и т а л а, перерождению его из торгового в производительный, из средневекового — в новейший?

Иначе н е м о ж е т б ы т ь — по той простой причине, что подобные меры нисколько не задевают к а п и т а л а, т. е. того отношения между людьми, при котором в руках одних скоплены деньги — продукт о б щ е с т в е н н о г о труда, организованного товарным хозяйством, — а у других нет ничего кроме свободных „рук" *), свободных именно от того продукта, который сосредоточен у предъидущего разряда.

> ...„Из них (из этих кулаков и т. д.) не имеющая капитала мелюзга примыкает обыкновенно к крупным торговцам, снабжающим их кредитом или поручающим им покупку за свой счет; более самостоятельные ведут дела самостоятельно, сами сносятся с большими торговыми и портовыми городами, отправляют туда от своего имени вагоны и сами отправляются за товарами, потребными на месте. Садитесь вы на

*) „М а с с а будет п о п р е ж н е м у... трудиться з а ч у ж о й с ч е т" (разбираемая статья, стр. 135): если бы она не была „свободна" (de facto, — de jure же, может быть, и „обеспечена наделом"), этого не могло бы, разумеется, быть.

любую железную дорогу и вы непременно встретите в III классе (редко во II) десятки этого люда, отправляющегося куда-нибудь по своим делам. Вы узнаете этих людей и по особому костюму, и по крайней бесцеремонности обращения, и по резкому гоготанью над какой-нибудь барыней, которая просит не курить, или над мужичком [так и стоит: „мужичком". К. Т.], отправляющимся куда-нибудь на заработки, который оказывается „необразованным", потому что ничего не понимает в коммерции и ходит в лаптях. Вы узнаете этих людей и по разговору. Разговаривают они обыкновенно: о „курпеях", о „постных маслах", о коже, о „снетке", о просах и т. п. Вы услышите при этом и цинические рассказы об употребляемых ими мошенничествах и фальсификациях товаров: о том, как солонину, давшую „сильный дух, сбыли на фабрику", о том, что „подкрасить чай всякий сумеет, ежели раз ему показать", что „в сахар можно вогнать водою три фунта лишнего веса на голову, так что покупатель ничего не заметит" и т. д. Рассказывается все это с такой откровенностью и бесцеремонностью, что вы ясно видите, что люди эти не воруют в буфетах ложек и не отвертывают в вокзалах газовых рожков только потому, что боятся попасть в тюрьму. Нравственная сторона этих людей ниже самых элементарных требований, вся она основана на рубле и исчерпывается афоризмами: купец-ловец; на то и щука в море, чтобы карась не дремал; не плошай; присматривайся к тому, что плохо лежит; пользуйся минутой, когда никто не смотрит; не жалей слабого; кланяйся и пресмыкайся, когда можешь. И дальше приводится из газетной корреспонденции пример, как один кабатчик и ростовщик, Волков, поджег свой дом, застрахованный в большую сумму. Этого субъекта „учитель и местный священник считают самым уважаемым своим знакомым", один „учитель пишет ему за вино все кляузные бумаги". „Волостной писарь обещает ему опутать мордву". „Один земский агент и в то же время член земской управы страхует ему старый дом в 1000 р." и т. д. „Волков — явление вовсе не единичное, а тип. Нет местности, где бы не было своих Волковых, где бы не рассказывали вам не только о подобном же обирании и закабалении крестьян, но и о случаях подобных же поджогов"...

...„Но как же относится, однако, к подобным людям крестьянство? Если они глупы, грубо-бессердечны и мелочны, как Волков, то крестьянство не любит их и боится, боится потому, что они могут сделать ему всякую мерзость, тогда как оно им ничего сделать не может; у них дома застрахованы, у них борзые кони, крепкие запоры, злые собаки и связи с местными властями. Но если эти люди поумнее и похитрее Волкова, если они обирание и закабаление крестьянства облекают в благовидную форму, если, утаивая рубль, они в то же время во всеуслышание скидывают грош, не жалеют лишнего полштофа водки или какой-нибудь меры пшена на пого-

релую деревню, то они пользуются со стороны крестьян почетом, авторитетом и уважением, как кормильцы, как благодетели бедняков, без которых те, пожалуй, пропали бы. Крестьянство смотрит на них, как на людей умных и отдает им даже детей в науку, считая за честь, что мальчик сидит в лавке, и будучи уверено, что из него выйдет человек".

Я нарочно выписал поподробнее рассуждения автора, чтобы привести характеристику нашей молодой буржуазии, сделанную *противником* положения о буржуазной организации русского общественного хозяйства. Разбор ее может много уяснить в теории русского марксизма, в характере ходячих нападок на него со стороны *современного* народничества.

По началу этой характеристики видно, что автор понимает, как будто, глубокие корни этой буржуазии, понимает связь ее с крупной буржуазией, к которой „примыкает" мелкая, связь ее с крестьянством, которое отдает ей „детей в науку", — но по примерам автора видно, что он далеко не достаточно оценивает силу и прочность этого явления.

Его примеры говорят об уголовных преступлениях, мошенничествах, поджогах и т. д. Получается впечатление, что „обирание и закабаление" крестьянства — какая-то случайность, результат (как выше выразился автор) тяжелых условий жизни, „грубости нравственных идей", стеснений „доступа литературы к народу" (с. 152) и т. п. — одним словом, что все это не вытекает вовсе с неизбежностью из современной организации нашего общественного хозяйства.

Марксист держится именно этого последнего мнения; он утверждает, что это вовсе не случайность, а необходимость, необходимость, обусловленная капиталистическим способом производства, господствующим в России. Раз крестьянин становится товарным производителем (а таковыми стали уже все крестьяне), — то „нравственность" его неизбежно уже будет „основана на рубле", и винить его за это не приходится, так как самые условия жизни заставляют ловить этот рубль всяческими торговыми ухищрениями *). При этих условиях без всякой уголовщины, без всякого лакейства, без всяких фальсификаций, — из „крестьянства" выделяются богатые и бедные. Старое равенство не может устоять перед рыночными колебаниями. Это — не рассуждение; это — факт. И факт — то, что „богатство" немногих становится при этих условиях *капиталом* а „бедность" массы заставляет ее продавать свои руки, работать за чужой счет. Таким образом, с точки зрения марксиста, капита-

*) Ср. *Успенского*.

лизм засел уже прочно, сложился и определился вполне не только в фабрично-заводской промышленности, а и в деревне и вообще везде на Руси.

Можете себе представить теперь, какое остоумие проявляют гг. народники, когда в ответ на аргументацию марксиста, что причина этих „печальных явлений" в деревнях — не политика, не малоземелье, не платежи, не худые „личности", а капитализм, что все это необходимо и неизбежно при существовании капиталистического способа производства, при господстве буржуазии,— когда в ответ на это народник начинает кричать, что марксисты хотят обезземелить крестьянство, что они „предпочитают" пролетария „самостоятельному" крестьянину, что они проявляют,— как говорят провинциальные барышни и г. Михайловский в ответе г. Струве — „презрение и жестокость" к „личности"!

На этой картинке деревни, которая интересна тем, что приведена противником, мы можем видеть наглядно вздорность ходячих возражений против марксистов, выдуманность их — в обход фактов, в забвение прежних своих заявлений — все ради того, чтобы спасти, coûte que coûte, те теории мечтаний и компромиссов, которые, к счастью, не спасет уже теперь никакая сила.

Толкуя о капитализме в России, марксисты перенимают готовые схемы, повторяют как догмы положения, являющиеся слепком с других совсем условий. Ничтожное по развитию и значению капиталистическое производство России (на наших фабриках и заводах занято всего 1.400 тыс. человек) они распространяют на массу крестьянства, которое еще владеет землей. Таково одно из любимых в либерально-народническом лагере возражений.

И вот на этой же картинке деревни видим мы, что народник, описывая порядки „общинных" и „самостоятельных" крестьян, не может обойтись без той же, заимствованной из абстрактных схем и чужих догм, категории буржуазии, не может не констатировать, что она — деревенский тип, а не единичный случай, что она связана с крупной буржуазией в городах крепчайшими нитями, что она связана и с крестьянством, которое „отдает ей детей в науку", из которого, другими словами, и выходит эта молодая буржуазия. Мы видим, стало быть, что растет эта молодая буржуазия изнутри нашей „общины", а не извне ее, что порождается она самими общественными отношениями в среде ставшего товаропроизводителем крестьянства; мы видим, что не только „1.400 тыс. человек", а и вся масса сельского русского люда работает на капитал, находится в его „заведывании".—Кто же делает правильнее выводы из этих фактов, констатируемых не каким-нибудь

„мистиком и метафизиком" марксистом, верующим в „триады" [82]), а самобытным народником, умеющим ценить особенности русского быта? Народник-ли, когда он толкует о выборе лучшего пути, как будто бы капитал не сделал уже своего выбора, — когда он толкует о повороте к другому строю, ожидаемом от „общества" и „государства", т. е. от таких элементов, которые только на почве этого выбора и для него выросли? или марксист, говорящий, что мечтать об иных путях значит быть наивным романтиком, так как действительность показывает самым очевидным образом, что „путь" уже выбран, что господство капитала факт, от которого нельзя отговориться попреками и осуждениями, — факт, с которым могут считаться только непосредственные производители?

Другой ходячий упрек. Марксисты признают крупный капитализм в России прогрессивным явлением. Они предпочитают таким образом пролетария — „самостоятельному" крестьянину, сочувствуют обезземелению народа и, с точки зрения теории, выставляющей идеалом принадлежность рабочим средств производства, сочувствуют отделению рабочего от средств производства, т. е. впадают в непримиримое противоречие.

Да, марксисты считают крупный капитализм явлением прогрессивным, — не потому, конечно, что он „самостоятельность" заменяет несамостоятельностью, а потому, что он создает условия для уничтожения несамостоятельности. Что касается до „самостоятельности" русского крестьянина, — то это слащавая народническая сказка, ничего более; в действительности ее нет. И приведенная картина (да и все сочинения и исследования экономического положения крестьянства) тоже содержит признание этого факта (что в действительности нет самостоятельности): крестьянство тоже, как и рабочие, работает „за чужой счет". Это признавали старые русские народники. Но они не понимали причин и характера этой *не*самостоятельности, не понимали, что это — тоже капиталистическая несамостоятельность, отличающаяся от городской меньшей развитостью, большими остатками средневековых, полукрепостнических форм капитала, и только. Сравним хотя бы ту деревню, которую нарисовал нам народник, с фабрикой. Отличие (по отношению к самостоятельности) только в том, что там — видим мы „мелкую тлю", здесь — крупную, там — эксплоатацию по одиночке, приемами полукрепостническими; здесь — эксплоатацию масс, и уже чисто капиталистическую. Понятно, что вторая прогрессивна: тот же капитализм, который не развит и потому уснащен ростовщичеством etc. в деревне, здесь — развит; та же противоположность, которая есть в деревне, здесь

выражена вполне; здесь раскол уже полный, и нет возможности такой половинчатой постановки вопроса, которой удовлетворяется мелкий производитель (и его идеолог), способный распекать, журить и проклинать капитализм, но не способный отказаться от самой почвы *) этого капитализма, от доверия к его слугам, от розовых мечтаний насчет того, что „лучше бы без борьбы", как сказал великолепный г. Кривенко. Здесь уже мечты невозможны, — и это одно гигантский шаг вперед; здесь уже ясно видно, на чьей стороне сила, и нельзя болтать о выборе пути, ибо ясно, что сначала надо „перераспределить" эту силу.

„Слащавый оптимизм" — так охарактеризовал г. Струве народничество, и это — глубоко верно. Как же не оптимизм, когда полнейшее господство капитала в деревне игнорируется, замалчивается, изображается случайностью? когда предлагаются разные кредиты, артели, общественные запашки, как будто бы все эти „кулаки, коштаны, купцы, кабатчики, подрядчики, закладчики" и т. д., как будто бы вся эта „молодая буржуазия" не держала уже „в руках" „каждую деревню"? — Как же не слащавость, когда люди продолжают говорить „10 лет, 20 лет, 30 лет и более": „лучше бы без борьбы" — в то время как борьба уже идет, но только глухая, бессознательная, не освещенная идеей.

> „Перейдите теперь, читатель, в города. Здесь вы встретите еще большее число и еще большее разнообразие молодой буржуазии. Все, что становится грамотным и считает себя пригодным к более благородной деятельности, все, что считает себя достойным лучшей участи, чем жалкая участь рядового крестьянина, все, наконец, что на этих условиях не помещается в деревне, стремится теперь в город"...

И тем не менее гг. народники слащаво толкуют об „искусственности" городского капитализма, о том, что это — „тепличное растение", которое если не оберегать, так оно само сгинет и т. д. Стоит только посмотреть попроще на факты, и ясно будет, что эта „искусственная" буржуазия просто — переселившиеся в города

---

*) Во избежание недоразумений поясню, что под „почвой" капитализма я разумею то общественное отношение, которое, в разных формах, царит в капиталистическом обществе и которое Маркс выразил формулой: деньги — товар — деньги с плюсом.

Народнические меры не затрагивают этого отношения, не колебля ни товарного производств, дающего в руки частных лиц деньги = продукт общественного труда, ни раскола „народа" на владельцев этих денег и голь.

Марксист обращается к этому отношению в его наиболее развитой форме, являющейся квинт-эссенцией всех остальных форм, и указывает производителю задачу и цель: уничтожить это отношение, заменить его другим.

деревенские мироеды, которые растут совершенно самопроизвольно на почве, освещенной „капиталистической луной“ и вынуждающей каждого рядового крестьянина — дешевле купить, дороже продать.

...„Здесь вы встречаете: приказчиков, конторщиков, мелочных торговцев, разносчиков, разнообразных подрядчиков (штукатуров, плотников, каменщиков и т. д.), кондукторов, старших дворников, городовых, биржевых артельщиков, содержателей перевозов, съестных и постоялых дворов, хозяев различных мастерских, фабричных мастеров и т. д. и т. д. Все это — настоящая молодая буржуазия, со всеми ее характерными признаками. Кодекс ее морали и здесь также весьма не широк: вся деятельность основана на эксплоатации труда *), а жизненная задача заключается в приобретении капитала или капитальца для тупоумного времяпрепровождения“...

...„Я знаю, что многие радуются, смотря на этих людей, видят в них ум, энергию и предприимчивость, считают их элементами наиболее прогрессивными из народа, видят в них прямой и естественный шаг отечественной цивилизации, неровности которой сгладятся со временем. О, я давно уже знаю, что у нас создалась высшая буржуазия из людей образованных, купечества и дворянства, либо не выдержавшего кризиса 1861 года и опустившегося, либо охваченного духом времени, что буржуазия эта образовала уже кадры третьего сословия и что ей недостает только именно таких элементов из народа, без которых она ничего поделать не может и которые потому ей и нравятся“...

И тут оставлена лазейка „слащавому оптимизму“: крупной буржуазии „недостает только“ буржуазных элементов в народе!! Да откуда-же крупная-то буржуазия вышла, как не из народа? Уж не станет-ли автор отрицать связи нашего „купечества“ с крестьянством?

Здесь проглядывает стремление выставить этот рост молодой буржуазии делом случайным, результатом политики и т. д. Эта поверхностность понимания, неспособная видеть корни явления в самой экономической структуре общества,—способная перечислить

---

*) Неточно. Мелкий буржуа тем и отличается от крупного, что трудится и сам,—как трудятся и перечисленные автором разряды. Эксплоатация труда, конечно, есть, но не исключительно одна эксплоатация.

Еще одно замечаньице: жизненная задача тех, кто не удовлетворяется участью рядового крестьянина,— приобретение капитала. Так говорит (в трезвые минуты народник.— Тенденция русского крестьянства — не общинный, а мелко-буржуазный строй. Так говорит марксист.

Какая разница между этими положениями? Не та ли только, что один дает эмпирическое бытовое наблюдение; а другой — обобщает наблюдаемые факты) (выражающие реальные „помыслы и чувства“ реальных „живых личностей“) в политико-экономический закон?

со всей подробностью отдельных представителей мелкой буржуазии, но не способная понять, что самое уже мелкое самостоятельное хозяйство крестьянина и кустаря является, при данных экономических порядках, вовсе не каким-то „народным“ хозяйством, а хозяйством м е л к о-б у р ж у а з н ы м, —крайне типична для народника.

> ...„Я знаю, что многие потомки древних родов занялись уже винокурением и кабаками, железнодорожными концессиями и изысканиями, засели в правления акционерных банков, пристроились даже в литературе и поют теперь новые песни. Я знаю, что многие из этих литературных песен чрезвычайно нежны и чувствительны, что говорится в них о народных нуждах и желаниях; но я знаю также и то, что обязанность порядочной литературы состоит в обнаружении намерений преподнести народу, вместо хлеба, камень“.

Какая аркадская идиллия! Только еще „н а м е р е н и е“ преподнести?!

И как это гармонирует: „знает“, что „уже давно“ образовалась буржуазия, — и все еще видит свою задачу в „обнаружении намерений“ создать буржуазию!

Вот это-то и называется „прекраснодушием“, когда в виду мобилизованной уже армии, в виду выстроенных „солдат“, объединенных „давно уже“ образовавшимся „генеральным штабом“, — люди все еще толкуют об „обнаружении намерений“, а не о вполне уже обнаружившейся борьбе интересов.

> ...„Французская буржуазия тоже отожествляла себя с народом и всегда предъявляла свои требования от имени народа, но всегда обманывала его. Мы считаем буржуазное направление, принятое нашим обществом за последние годы, вредным и опасным для народной нравственности и благосостояния“.

В этой фразе всего нагляднее, пожалуй, сказалась мелко-буржуазность автора. Буржуазное направление объявляет он „вредным и опасным“ для нравственности и благосостояния народа! Какого же это „народа“, почтенный г. моралист? — того, который работал на помещиков при крепостном праве, укреплявшем „семейный очаг“, „оседлость“ и „святую обязанность труда“? *), или того, который после шел доставать выкупной рубль? Вы хорошо знаете, что уплата этого рубля была основным и главным условием „освобождения“ и что достать этот рубль крестьянину негде, кроме как у господина Купона. Вы сами же описали, как хозяйничал этот господин, как „мещанство принесло в жизнь свою науку, свой

*) Слова г-на Южакова.

нравственный кодекс и свои софизмы", как образовалась уже литература, поющая об „уме, предприимчивости и энергии" буржуазии. Ясно, что все дело сводится к смене двух форм общественной организации: система присвоения прибавочного труда прикрепленных к земле крепостных крестьян создала нравственность крепостническую; система „свободного труда", работающего „за чужой счет", на владельца денег, — создала взамен ее нравственность буржуазную.

Но мелкий буржуа боится прямо взглянуть на вещи и назвать их своим именем: он отворачивается от этих бесспорных фактов и начинает мечтать. „Нравственным" считает он только мелкое самостоятельное хозяйство (на рынок — об этом скромно умалчивается), а наемный труд — „безнравственным". Связи одного с другим — и связи неразрывной — он не понимает и считает, что буржуазная нравственность — какая-то случайная болезнь, а не прямой продукт буржуазных порядков, вырастающих из товарного хозяйства (против которого он, собственно, ничего не имеет). И вот он начинает свою старушечью проповедь: „вредно и опасно". Он не сличает новейшей формы эксплоатации с предыдущей, крепостной, он не смотрит на те изменения, которые внесла она в отношения производителя к собственнику средств производства, — он сравнивает ее с бессмысленной, мещанской утопией: с таким „мелким самостоятельным хозяйством", которое, будучи товарным хозяйством, не вело бы к тому, к чему оно ведет (ср. выше: „расцветает пышным цветом кулачество, стремится к закабалению слабейшего в батраки" и т. д.). Поэтому его протест против капитализма (как таковой, как протест — совершенно законный и справедливый) становится реакционной ламентацией.

Он не понимает, что, заменяя ту форму эксплоатации, которая прикрепляла трудящегося к месту, такой, которая бросает его с места на место по всей стране, „буржуазное направление" делало полезную работу; что, заменяя такую форму эксплоатации, при которой присвоение прибавочного продукта опутывалось личными отношениями эксплоататора к производителю, взаимными гражданскими политическими обязательствами, „обеспечением наделом" и т. п., — такой, которая ставит на место всего этого „бессердечный чистоган", сравнивает рабочую силу со всяким другим товаром, с вещью, что „буржуазное направление" тем самым оголяет эксплоатацию от всех ее затемнений и иллюзий, а оголить ее — уже большая заслуга.

Потом еще обратите внимание на заявление, что буржуазное направление принято нашим обществом „за последние годы". —

Неужели только „за последние годы“? Не выразилось-ли оно вполне ясно и в 60-ые годы? Не господствовало-ли оно и в течение всех 70-х годов?

Мелкий буржуа и тут старается смягчить дело, представить буржуазность, характеризующую наше „общество“ в течение всей пореформенной эпохи, каким-то временным увлечением, модой. За деревьями не видеть леса — это основная черта мелко-буржуазной доктрины. За протестом против крепостного права и ярыми нападками на него — он (идеолог мелкой буржуазии) не видит буржуазности, потому что боится прямо взглянуть на экономические основы тех порядков, которые при этих яростных криках строились. За толками всей передовой („либерально-кокетливой“ с. 129) литературы о кредитах, ссудо-сберегательных товариществах, о тяжести податей, о расширении землевладения и тому подобных мерах помощи „народу“—он видит лишь буржуазность „последних годов“. Наконец, за сетованиями насчет „реакции“, за плачем по „60-м годам“ — он уже не видит вовсе лежащей в основе всего этого буржуазности, и потому все больше и больше сливается с этим „обществом“.

На самом деле — в течение всех этих трех периодов пореформенной истории наш идеолог крестьянства всегда стоял рядом с „обществом“ и вместе с ним, не понимая, что буржуазность этого „общества“ отнимает всякую силу у его протеста против буржуазности и неизбежно осуждает его либо на мечтания, либо на жалкие мелко-буржуазные компромиссы.

Эта близость нашего народничества („в принципе“ враждебного либерализму) к либеральному обществу умиляла многих и даже по сю пору продолжает умилять г-на В. В. (ср. его статью в „Неделе“ за 1894 год, №№ 47—49). Из этого выводят слабость или даже отсутствие у нас буржуазной интеллигенции, что и ставится в связь с беспочвенностью русского капитализма. На самом же деле как раз наоборот: эта близость является сильнейшим доводом против народничества, прямым подтверждением его мелкобуржуазности. Как в жизни мелкий производитель сливается с буржуазией наличностью обособленного производства товаров на рынок, своими шансами выбиться на дорогу, пробиться в крупные хозяева, — так идеолог мелкого производителя сливается с либералом, обсуждая совместно вопросы о разных кредитах, артелях etc.; как мелкий производитель неспособен бороться с буржуазией и уповает на такие меры помощи, как уменьшение податей, увеличение землицы и т. п. — так народник доверяет либеральному „обществу“ и его подернутой „нескончаемой фальшью и лицеме-

рием" болтовне о „народе". Если он иногда и обругает „общество", то тут же прибавит, что это только „за последние годы" оно испортилось, а вообще и само по себе недурно.

„Рассматривая недавно новый экономический класс, сложившийся у нас после реформы, „Современные Известия" [33]) так хорошо характеризуют его: „Скромный и бородатый, в смазных сапогах, миллионер старого времени, смирявшийся перед малым полицейским чином, быстро преобразился в европейски развязного, даже бесцеремонного и надменного антрепренера, иногда украшенного очень заметным орденом и высоким чином. Присмотревшись к этому нежданно выросшему люду, с удивлением замечаешь, что большинство этих светил дня — вчерашние кабатчики, подрядчики, приказчики и т. п. Новые пришельцы оживили городскую жизнь, но не улучшили ее. Они внесли в нее суетливое движение и чрезвычайную путаницу понятий. Усиление оборотов, спрос на капитал развили лихорадку предприятий, которая превратилась в горячку игры. Множество состояний, создавшихся нежданно-негаданно, довели до высшей степени нетерпения аппетит наживы" и т. д....

„Несомненно, что подобные люди оказывают самое гибельное влияние на народную нравственность [вот в чем беда-то: в порче нравов, а вовсе не в капиталистических производственных отношениях! К. Т.], и если не сомневаться в том факте, что городские рабочие развращены более деревенских, то, конечно, нельзя сомневаться и в том, что это зависит от того, что они здесь гораздо больше окружены подобными людьми, дышат их воздухом и живут созданной ими жизнью".

Наглядное подтверждение мнения г-на Струве о реакционности народничества. „Разврат" городских рабочих пугает мелкого буржуа, который предпочитает „семейный очаг" (с снохачеством и палкой), „оседлость" (с забитостью и дикостью) и не понимает, что пробуждение человека в „коняге" — пробуждение, которое имеет такое гигантское, всемирно-историческое значение, что для него законны все жертвы, — не может не принять буйных форм при капиталистических условиях вообще, русских в особенности.

„Если русский помещик отличался дикостью, и стоило его только немного поскоблить, чтобы увидеть в нем татарина, то русского буржуа не нужно даже и скоблить. Если старое русское купечество создало темное царство, то теперь оно с новой буржуазией создадут такую тьму, в которой будет гибнуть всякая мысль, всякое человеческое чувство".

Автор жестоко ошибается. Тут должно стоять прошедшее, а не будущее время, должно было стоять и тогда, в 70-х годах.

„Ватаги новых завоевателей расходятся во все стороны и нигде и ни в ком не встречают противодействия. Поме-

щики им покровительствуют и встречают их с радостью, земские люди выдают им громадные страховые премии, народные учителя пишут им кляузы, духовенство делает визиты, а волостные писаря помогают опутывать мордву".

Совершенно верная характеристика! „не только не встречают ни в ком противодействия", но во всех представителях „общества" и „государства", — которых сейчас примерно исчислял автор, — встречают содействие. Поэтому — самобытная логика! — чтобы переменить дело, следует посоветовать избрать другой путь, посоветовать именно „обществу" и „государству".

„Что же, однако, делать против подобных людей?"

„„Ожидать умственного развития эксплоатирующих и улучшения общественного мнения невозможно ни с точки зрения справедливости, ни с точки зрения нравственной и политической, на которые должно становиться государство".

Изволите видеть: государство должно становиться на „нравственную и политическую точку зрения"! Это уже просто одно фразерство. Разве описанные сейчас представители и агенты „государства" (начиная от волостных писарей и выше) не стоят уже на точке зрения „политической" [ср. выше: „многие радуются... считают их элементами наиболее прогрессивными из народа, видят в них прямой и естественный шаг отечественной цивилизации"] и „нравственной" [ср. там же: „ум, энергия, предприимчивость"]? К чему же вы замазываете факт раскола нравственных и политических идей, столь же враждебных, как в жизни безусловно враждебны „новые всходы" — тем, „кому буржуазия приказывает итти на работу"? К чему затушевываете вы борьбу этих идей, которая является лишь надстройкой над борьбой общественных классов?

Это — все естественный и неизбежный результат мелкобуржуазной точки зрения. Мелкий производитель сильно страдает от современных порядков, но он стоит в стороне от прямых, обнажившихся вполне противоречий, боится их и утешает себя наивно-реакционными мечтами, будто „государство должно становиться на нравственную точку зрения" и именно на точку зрения той нравственности, которая мила мелкому производителю.

Нет, вы не правы. Государство, к которому вы обращаетесь, современное, данное государство д о л ж н о становиться на точку зрения той нравственности, которая мила высшей буржуазии, д о л ж н о потому, что таково распределение социальной силы между наличными классами общества.

Вы возмущены. Вы начинаете кричать о том, что, признавая

это „долженствование“, эту необходимость, марксист защищает буржуазию.

Неправда. Вы чувствуете, что факт — против вас, и потому прибегаете уже к фокусничанью: приписываете желание защищать буржуев тому, кто опровергает ваши мещанские мечты о выборе пути без буржуазии ссылкой на факт господства буржуазии; — кто опровергает пригодность ваших мелких, мизерных мер против буржуазии — ссылкой на глубокие корни ее в экономической структуре общества, на экономическую борьбу классов, лежащую в фундаменте „общества“ и „государства“; — кто требует от идеологов трудящегося класса полного разрыва с этими элементами и исключительного служения тому, кто „дифференцирован от жизни“ буржуазного общества.

> „Мы не считаем, конечно, влияния литературы совсем бессильным, но для этого она должна: во 1-х, лучше понимать свое назначение и не ограничиваться одним только (sic!!!) воспитанием кулачества, но и будить общественное мнение“.

Вот уже вам petit bourgeois (мелкий буржуа. Ред.) в чистом виде! Если литература воспитывает кулачество, так это потому, что она плохо понимает свое назначение!! И эти господа еще удивляются, когда их называют наивными, когда про них говорят, что они — романтики!

Наоборот, почтенный г. народник: „кулачество“ *) воспитывает литературу — оно дает ей идеи (об уме, энергии, предприимчивости, о естественном шаге отечественной цивилизации), оно дает ей средства. Ваше обращение к литературе так же смехотворно, как еслибы кто в виду двух стоящих друг перед другом неприятельских армий обратился к адъютанту неприятельского фельдмаршала с покорной просьбой: „действовать дружнее“. Совершенно то же самое.

Таково же пожелание — „будить общественное мнение“. — Мнение того общества, которое „ищет идеалов с послеобеденным спокойствием“? Привычное для гг. народников занятие, которому они предаются с таким блестящим успехом „10 лет, 20 лет, 30 лет и более“.

Постарайтесь еще, господа! Наслаждающееся послеобеденным сном общество иногда мычит — наверное, это значит, что оно приготовилось дружно действовать против кулачества. Поговорите еще с ним. Allez toujours! (Вперед! Ред.)

> ...„а во 2-х, она должна пользоваться большей свободой слова и большим доступом к народу“.

---

*) Это — слишком узкое слово. Надо было сказать точнее и определеннее: буржуазия.

Хорошее желание. „Общество“ сочувствует этому „идеалу“. Но так как оно и его „ищет“ с послеобеденным спокойствием и так как оно пуще всего на свете боится нарушения этого спокойствия, то... то оно и спешит очень медленно, прогрессирует так мудро, что с каждым годом оказывается все дальше и дальше позади. Гг. народники думают, что это — случайность, что сейчас послеобеденный сон кончится и начнется настоящий прогресс. Дожидайтесь!

> „Мы не считаем точно также бессильным совсем и влияния воспитания и образования, но полагаем прежде всего: 1) что образование должно даваться всем и каждому, а не исключительно только личностям, выделяя их из среды и превращая в кулаков“....

„Всем и каждому“... — именно этого хотят марксисты. Но они думают, что это недостижимо на почве данных общественно-экономических отношений, потому что даже и при даровом и обязательном обучении для „образования“ нужны будут деньги, каковые имеются только у „выходцев“. Они думают, что и тут, следовательно, выхода нет вне „суровой борьбы общественных классов“.

> ...„2) что в народные школы должен быть открыт доступ не одним только отставным дьячкам, чиновникам и разным забулдыгам, а людям действительно порядочным и искренно любящим народ“.

Трогательно! Но ведь те, кто видит „ум, предприимчивость и энергию“ в „выходцах из народа“, — также уверяют (и не всегда неискренно), что „любят народ“, из них многие, несомненно, „действительно порядочные“ люди? Кто же тут судить будет? Критически мыслящие и нравственно-развитые личности? Но не сказал ли сам автор, что презрением нельзя действовать на этих выходцев? *)

Мы опять, в заключение, стоим у той же основной черты народничества, которую пришлось констатировать в самом начале — отворачивание от фактов.

Когда народник дает описание фактов, — он сам всегда вынужден признать, что действительность принадлежит капиталу, что действительная наша эволюция — капиталистическая, что сила находится в руках буржуазии. Это признал сейчас, напр., и автор комментируемой статьи, констатировавший, что у нас создалась „мещанская культура“, что итти на работу приказывает народу буржуазия, что буржуазное общество занято только утробными

---

*) Стр. 151: „...не презирают-ли они уже раньше (заметьте хорошенько это „уже раньше“) тех, кто мог бы их презирать?“

процессами и послеобеденным сном, что „мещанство“ создало даже буржуазную науку, буржуазную нравственность, буржуазные софизмы политики, буржуазную литературу.

И тем не менее все народнические рассуждения всегда основаны на обратном предположении: что сила не на стороне буржуазии, а на стороне „народа“. Народник толкует о выборе пути (рядом с признанием капиталистического характера действительного пути), об обобществлении труда (находящегося в „заведывании“ буржуазии), о том, что государство должно стать на нравственную и политическую точку зрения, что учить народ должны именно народники и т. д., как будто бы сила была уже на стороне трудящихся или их идеологов, и оставалось уже только указать „ближайшие“, „целесообразные“ и т. п. приемы употребить эту силу.

Все это—сплошная приторная ложь. Можно еще себе представить raison d'être (основание. Ред.) для подобных иллюзий полвека тому назад, в те времена, когда прусский регирунгсрат [51]) открывал в России „общину“, — но теперь, после свыше чем 30-летней истории „свободного“ труда, это — не то насмешка, не то фарисейство слащавое лицемерие.

В разрушении этой благонамеренной и прекраснодушной лжи заключается основная теоретическая задача марксизма. Первая обязанность тех, кто хочет искать „путей к человеческому счастью“ — не морочить самих себя, иметь смелость признать откровенно то, что̀ есть.

И когда идеологи трудящегося класса поймут это и прочувствуют, — тогда они признают, что „идеалы“ должны заключаться не в построении лучших и ближайших путей, а в формулировке задачи и целей той „суровой борьбы общественных классов“, которая идет перед нашими глазами в нашем капиталистическом обществе; что мерой успеха своих стремлений является не разработка советов „обществу“ и „государству“, а степень распространения этих идеалов в определенном классе общества; что самым высоким идеалам цена—медный грош, покуда вы не сумели слить их неразрывно с интересами самих участвующих в экономической борьбе, слить с теми „узкими“ и мелкими житейскими вопросами данного класса, в роде вопроса о „справедливом вознаграждении за труд“, на которые с таким величественным пренебрежением смотрит широковещательный народник.

> ... „Но этого мало, умственное развитие, как это мы видим, к сожалению, на каждом шагу, не гарантирует еще человека от хищных поползновений и инстинктов. А потому должны

быть приняты немедленно меры к ограждению деревни от хищничества, должны быть, прежде всего, приняты меры к ограждению нашей общины, как формы общежития, помогающей нравственному несовершенству человеческой природы. Община раз навсегда должна быть обеспечена. Но этого еще мало: община, при настоящих ее экономических условиях и податных тягостях, существовать не может, а потому нужны меры к расширению крестьянского землевладения, уменьшению податей, организации народной промышленности".

„Вот те средства против кулачества, на которых должна сойтись вся порядочная литература и стоять за них. Средства эти, конечно, не новы; но дело в том, что это единственные в своем роде средства, а в этом далеко еще не все убеждены". (Конец).

Вот вам и программа этого широковещательного народника! Из описания фактов видели мы, что повсюду обнаруживается полное противоречие экономических интересов, — „повсюду" не только в том смысле, что и в городе и в деревне, и внутри общины и вне ее, и в фабрично-заводской и в „народной" промышленности, но и за пределами хозяйственных явлений — и в литературе и в „обществе", в сфере идей нравственных, политических, юридических и т. д. А наш рыцарь — Kleinbürger проливает горькие слезы и взывает: „немедленно принять меры к ограждению деревни". Мещанская поверхностность понимания и готовность итти на компромиссы выступает с полной очевидностью. Самая эта деревня, как мы видели, представляет из себя раскол и борьбу, представляет строй противоположных интересов, — но народник видит корень зла не в самом этом строе, а в частных недостатках его, строит свою программу не на том, чтобы придать идейность идущей борьбе, а на том, чтобы „оградить" деревню от случайных, незаконных, извне являющихся „хищников"! И кому же, достопочтенный г. романтик, следует принять меры к ограждению? Тому „обществу", которое удовлетворяется утробными процессами на счет именно тех, кого ограждать следует? Земским, волостным и всяким другим агентам, которые живут долями прибавочной стоимости и поэтому, как мы сейчас видели, оказывают не противодействие, а содействие?

Народник находит, что это — грустная случайность, не более,— результат дурного „понимания своего назначения"; что достаточно призыва „сойтись и действовать дружно", чтобы все подобные элементы „сошли с неверного пути". Он не хочет видеть, что если в отношениях экономических сложилась система Plusmacherei, сложились такие порядки, что иметь средства и досуг для обра-

зования может только „выходец из народа“, а „масса“ должна „оставаться невежественной и трудиться за чужой счет“,—то прямым уже и непосредственным следствием их является то, что в „общество“ попадают только представители первых, что из этого же „общества“ да из „выходцев“ только и могут рекрутироваться волостные писаря, земские агенты и так далее, которых народник имеет наивность считать чем-то стоящим в ы ш е экономических отношений и классов, н а д ними.

Поэтому и воззвание его: „оградите“ обращается совсем не по адресу.

Он успокаивается либо на мещанских паллиативах (борьба с кулачеством — см. выше о ссудо-сберегательных товариществах, кредите, о законодательстве для поощрения трезвости, трудолюбия и образования; расширение крестьянского землевладения — см. выше о земельном кредите и покупке земли; уменьшение податей — см. выше о подоходном налоге), либо на розовых институтских мечтаниях. „Организовать народную промышленность“.

Да разве она уже не организована? Разве вся эта вышеописанная молодая буржуазия не организовала уже по своему, по буржуазному эту „народную промышленность“? Иначе как бы могла она „держать каждую деревню в своих руках“? как бы могла она „приказывать народу итти на работу“ и присвоивать сверхстоимость?

Народник доходит до высшей степени высоконравственного возмущения. Безнравственно — кричит он — признавать капитализм „организацией“, когда он построен на анархии производства, на кризисах, на постоянной, нормальной и все углубляющейся безработице масс, на безмерном ухудшении положения трудящихся.

Напротив. Безнравственно подрумянивать истину, изображать чем-то случайным, нечаянным порядки, характеризующие всю пореформенную Россию. Что всякая капиталистическая нация несет технический прогресс и обобществление труда ценой калечения и уродования производителя, — это установлено уже давным давно. Но обращать эт т ф а к т в материал моральных собеседований с „обществом“ и, закрывая глаза на идущую борьбу, лепетать с послеобеденным спокойствием: „оградите“, „обеспечьте“, „организуйте“ — значит быть романтиком, наивным, реакционным романтиком.

Читателю покажется, вероятно, что этот комментарий не имеет никакой связи с разбором книги г. Струве. По моему, это — отсутствие лишь внешней связи.

Книга г. Струве совсем не открывает русский марксизм. Она только впервые выносит в нашу печать теории, сложившиеся и изложенные уже раньше *) [35]). Этому вынесению предшествовала, как было уже замечено, ожесточенная критика марксизма в либерально-народнической печати, критика, запутавшая и исказившая дело.

Не ответив на эту критику, нельзя было, во-первых, подойти к современному положению вопроса; во-вторых, нельзя было понять книги г-на Струве, ее характера и назначения.

Старая народническая статья взята была для ответа потому, что нужна была принципиальная статья и, сверх того, статья, сохраняющая хотя бы некоторые заветы старого русского народничества, ценные для марксизма.

Этим комментарием мы старались показать выдуманность и вздорность ходячих приемов либерально-народнической полемики. Рассуждения на тему, что марксизм связывается с гегельянством **), с верой в триады, в абстрактные, не требующие проверки фактами, догмы и схемы, в обязательность для каждой страны пройти через фазу капитализма и т. п., оказываются пустой болтовней.

Марксизм видит свой критерий в формулировке и в теоретическом объяснении идущей перед нашими глазами борьбы общественных классов и экономических интересов.

Марксизм не основывается ни на чем другом, кроме как на фактах русской истории и действительности; он представляет из себя тоже идеологию трудящегося класса, но только он совершенно иначе объясняет общеизвестные факты роста и побед русского капитализма, совсем иначе понимает задачи, которые ставит наша действительность идеологам непосредственных производителей. Поэтому, когда марксист говорит о необходимости, неизбежности, прогрессивности русского капитализма, — он исходит из общеустановленных фактов, которые именно в силу их общеустановленности, в силу их не-новизны и не всегда приводятся; он дает иное объяснение тому, что рассказано и пересказано народнической литературой, — и если народник в ответ на это кричит, что марксист не хочет знать фактов, тогда для уличения его достаточно даже простой ссылки на любую принципиальную народническую статью 70-х годов.

Перейдем теперь к разбору книги г. Струве.

---

*) Ср. *В. В.* „Очерки теоретической экономии". Спб. 1895, стр. 257—3

**) Я говорю, разумеется, не об историческом происхождении марксизма, а о его современном содержании.

ГЛАВА II.

Критика народнической социологии.

„Сущность" народничества, его „основную идею" автор видит в „теории самобытного экономического развития России". Теория эта, по его словам, имеет „два основных источника: 1) определенное учение о роли личности в историческом процессе и 2) непосредственное убеждение в специфическом национальном характере и духе русского народа и в особенных его исторических судьбах" (2). В примечании к этому месту автор указывает, что „для народничества характерны вполне определенные социальные идеалы" *), и говорит, что экономическое мировоззрение народников он излагает ниже.

Такая характеристика сущности народничества требует, мне кажется, некоторого исправления. Она слишком абстрактна, идеалистична, указывая господствующие теоретические идеи народничества, но не указывая ни его „сущности", ни его „источника". Остается совершенно неясным, почему указанные идеалы соединялись с верой в самобытное развитие, с особым учением о роли личности, почему эти теории стали „самым влиятельным" течением нашей общественной мысли. Если автор, говоря о „социологических идеях народничества" (заглавие 1-ой главы), не мог однако ограничиться чисто социологическими вопросами (метод в социологии), а коснулся и воззрений народников на русскую экономическую действительность, то он должен был указать сущность этих воззрений. Между тем в указанном примечании это сделано лишь на половину. Сущность народничества — представительство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа. Г. Струве в своей немецкой статье о книге г. Н. —она (Socialpolitisches Centralblatt, 1893, № 1) [36]) назвал народничество

*) Конечно, этого выражения: „вполне определенные идеалы" нельзя понимать буквально, т. е. в том смысле, чтобы народники „вполне определенно" знали, чего они хотят. Это было бы совершенно неверно. Под „вполне определенными идеалами" следует разуметь не более как идеологию непосредственных производителей, хотя бы эта идеология и была самая расплывчатая.

„национальным социализмом“ („Русское Богатство“, 1893, № 12, стр. 185). Вместо „национальный“ следовало бы сказать „крестьянский“ — по отношению к старому русскому народничеству и „мещанский“ по отношению к современному. „Источник“ народничества — преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России.

Необходимо пояснить эту характеристику. Выражение „мещанский“ употребляю я не в обыденном, а в политико-экономическом значении слова. Мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства, — вот два признака, составляющие понятие „мелкого буржуа“, Kleinbürger'a или, что то же, мещанина. Сюда подходят таким образом и крестьянин, и кустарь, которых народники ставили всегда на одну доску — и вполне справедливо, так как оба представляют из себя таких производителей, работающих на рынок, и отличаются лишь степенью развития товарного хозяйства. Далее, я отличаю старое *) и современное народничество на том основании, что это была до некоторой степени стройная доктрина, сложившаяся в эпоху, когда капитализм в России был еще весьма слабо развит, когда мелко-буржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопия, когда народники резко сторонились от либерального „общества“ и „шли в народ“. Теперь не то: капиталистический путь развития России никем уже не отрицается, разложение деревни — бесспорный факт. От стройной доктрины народничества с детской верой в „общину“ остались одни лохмотья. В отношении практическом — на место утопии выступила вовсе не утопическая программа мелко-буржуазных „прогрессов“, и только пышные фразы напоминают об исторической связи этих убогих компромиссов с мечтами о лучших и самобытных путях для отечества. Вместо отделения от либерального общества мы видим самое трогательное сближение с ним. Вот эта-то перемена и заставляет отличать идеологию крестьянства от идеологии мелкой буржуазии.

Эта поправка насчет действительного содержания народничества казалась тем более необходимой, что указанная абстрактность изложения у г-на Струве — основной его недостаток; это во-первых. А во-вторых, „некоторые основные“ положения той доктрины, которою г. Струве не связан, требуют именно сведения общественных идей к общественно-экономическим отношениям. И мы поста-

*) Под старыми народниками я разумею не тех, кто двигал, напр., „Отечественные Записки“, а тех именно, „кто шел в народ“.

раемся теперь показать, что без такого сведения нельзя уяснить себе даже чисто теоретических идей народничества, в роде вопроса о методе в социологии.

Указавши, что народническое учение об особом методе в социологии всего лучше изложено гг. Миртовым [37]) и Михайловским, г. Струве характеризует это учение как „субъективный идеализм" и в подтверждение этого приводит из сочинений названных лиц ряд мест, на которых стоит остановиться.

Оба автора ставят во главу угла положение, что историю делали „одинокие борющиеся личности". „Личности создают историю" (Миртов). Еще яснее у г. Михайловского: „Живая личность со всеми своими помыслами и чувствами становится деятелем истории на свой собственный страх. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, ставит цели в истории и движет к ним события сквозь строй препятствий, поставляемых ей стихийными силами природы и исторических условий" (8). Это положение — что историю делают личности — теоретически совершенно бессодержательно. История вся и состоит из действий личностей, и задача общественной науки состоит в том, чтобы объяснить эти действия, так что указание на „право вмешательства в ход событий" (слова г. Михайловского, цитированные у г. Струве, с. 8) сводится к пустой тавтологии. Особенно ясно обнаруживается это на последней тираде у г. Михайловского. Живая личность — рассуждает он — движет события сквозь строй препятствий, поставляемых стихийными силами исторических условий. А в чем состоят эти „исторические условия"? По логике автора, опять таки в действиях других „живых личностей". Неправда-ли, какая глубокая философия истории: живая личность движет события сквозь строй препятствий, поставляемых другими живыми личностями! И почему это действия одних личностей именуются стихийными, а о других говорится, что они „двигают события" к поставленным заранее целям? Ясно, что искать тут хоть какого нибудь теоретического содержания было бы предприятием едва-ли не безнадежным. Дело все в том, что те исторические условия, которые давали для наших субъективистов материал для „теории", представляли из себя (как представляют и теперь) отношения антагонистические, порождали экспроприацию производителя. Не умея понять этих антагонистических отношений, не умея найти в них же такие общественные элементы, к которым бы могли примкнуть „одинокие личности", субъективисты ограничивались сочинением теорий, которые утешали „одиноких" личностей тем, что историю делали „живые личности". Решительно ничего кроме хорошего

желания и плохого понимания знаменитый „субъективный метод в социологии“ не выражает. Дальнейшее рассуждение г. Михайловского, приводимое у автора, наглядно подтверждает это.

Европейская жизнь, говорит г. Михайловский, „складывалась также бессмысленно и безнравственно, как в природе течет река или растет дерево. Река течет по направлению наименьшего сопротивления, смывает то, что может смыть, будь это алмазная копь, огибает то, чего смыть не может, будь это навозная куча. Шлюзы, плотины, обводные и отводные каналы устраиваются по инициативе человеческого разума и чувства. Этот разум и это чувство, можно сказать, не присутствовали (? П. С.) при возникновении современного экономического порядка в Европе. Они были в зачаточном состоянии, и воздействие их на естественный стихийный ход вещей было ничтожно“ (9).

Г. Струве ставит вопросительный знак, и мы недоумеваем, почему он поставил его при одном только слове, а не при всех словах: до того бессодержательна вся эта тирада! Что это за чепуха, будто разум и чувство не присутствовали при возникновении капитализма? Да в чем же состоит капитализм, как не в известных отношениях между людьми, а таких людей, у которых бы не было разума и чувства, мы еще не знаем. И что это за фальшь, будто воздействие разума и чувства тогдашних „живых личностей“ на „ход вещей“ было „ничтожно“? Совсем напротив. Люди устраивали тогда, в здравом уме и твердой памяти, чрезвычайно искусные шлюзы и плотины, загонявшие непокорного крестьянина в русло капиталистической эксплоатации; они создавали чрезвычайно хитрые обводные каналы политических и финансовых мероприятий, по которым (каналам) устремлялись капиталистическое накопление и капиталистическая экспроприация, не удовлетворявшиеся действием одних экономических законов. Одним словом, все эти заявления г. Михайловского так чудовищно неверны, что одними теоретическими ошибками их не объяснишь. Они объясняются вполне той мещанской точкой зрения, на которой стоит этот писатель. Капитализм обнаружил уже совершенно ясно свои тенденции, он развил присущий ему антагонизм до конца, противоречие интересов начинает уже принимать определенные формы, отражаясь даже в русском законодательстве, — но мелкий производитель стоит в стороне от этой борьбы. Он еще привязан к старому буржуазному обществу своим крохотным хозяйством и потому, будучи угнетаем капиталистическим строем, он не в состоянии понять истинных причин своего угнетения и продолжает утешать

себя иллюзиями, что все беды оттого, что разум и чувство людей находятся еще „в зачаточном состоянии".

„Конечно — продолжает идеолог этого мелкого буржуа — люди всегда старались так или иначе повлиять на ход вещей".

„Ход вещей" и состоит в действиях и „влияниях" людей и ни в чем больше, так что это опять пустая фраза.

„Но они руководствовались при этом указаниями самого скудного опыта и самыми грубыми интересами; и понятно, что только в высшей степени редко эти руководители могли случайно натолкнуть на путь, указываемый современной наукой и современными нравственными идеями" (9).

Мещанская мораль, осуждающая „грубость интересов" вследствие неумения сблизить свои „идеалы" с какими-нибудь насущными интересами; мещанское закрывание глаз на происшедший уже раскол, ярко отражающийся и на современной науке, и на современных нравственных идеях.

Понятно, что все эти свойства рассуждений г. Михайловского остаются неизменными и тогда, когда он переходит к России. Он „приветствует от всей души" столь же странные россказни некоего г. Яковлева [38]), что Россия — tabula rasa, что она может начать с начала, избегать ошибок других стран и т. д. и т. д. И все это говорится в полном сознании того, что на этой tabula rasa очень еще прочно держатся представители „старо-дворянского" уклада, с крупной поземельной собственностью и с громадными политическими привилегиями, что на ней быстро растет капитализм, с его всевозможными „прогрессами". Мелкий буржуа трусливо закрывает глаза на эти ф а к т ы и уносится в сферу невинных мечтаний о том, что „мы начинаем жить теперь когда наука уже овладает и некоторыми истинами и некоторым авторитетом".

Итак, уже из тех рассуждений г. Михайловского, которые приведены у г. Струве, явствует классовое происхождение социологических идей народничества.

Не можем не оставить без возражения одно замечание г. Струве против г. Михайловского. „По его взгляду — говорит автор — не существует непреодолимых исторических тенденций, которые, как таковые, должны служить, с одной стороны, исходным пунктом, с другой — обязательными границами для целесообразной деятельности личности и общественных групп" (11).

Это — язык объективиста, а не марксиста (материалиста). Между этими понятиями (системами воззрений) есть разница, на которой следует остановиться, так как неполное уяснение этой разницы

принадлежит к основному недостатку книги г. Струве, проявляясь в большинстве его рассуждений.

Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о „непреодолимых исторических тенденциях"; материалист говорит о том классе, который „заведует" данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость. В данном случае, напр., материалист не удовлетворился бы констатированием „непреодолимых исторических тенденций", а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков и исключающих возможность выхода вне выступления самих производителей. С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы *).

От г. Михайловского автор переходит к г. Южакову, который не представляет из себя ничего самостоятельного и интересного. Г. Струве совершенно справедливо отзывается о его социологических рассуждениях, что это — „пышные слова", „лишенные всякого содержания". Стоит остановиться на чрезвычайно характерном (для народничества вообще) различии между г. Южаковым и г. Михайловским. Г. Струве отмечает это различие, называя г-на Южакова „националистом", тогда как-де, г. Михайловскому „всякий национализм всегда был совершенно чужд" и для него, по его собственным словам, „вопрос о народной правде обнимает не только русский народ, а весь трудящийся люд всего цивилизованного мира". Мне кажется, что за этим различием проглядывает еще отражение двойственного положения мелкого производителя, который является

*) Конкретные примеры неполного проведения материализма у г. Струве и невыдержанности у него теории классовой борьбы будут указываться ниже в каждом отдельном случае.

элементом прогрессивным, поскольку он начинает, по бессознательно-удачному выражению г. Южакова, „дифференцироваться от общества“, — и элементом реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкого хозяина, и старается задержать экономическое развитие. Поэтому и русское народничество умеет сочетать прогрессивные, демократические черты доктрины — с реакционными, вызывающими сочувствие „Московских Ведомостей“. Что касается до этих последних, то трудно было бы, думается, рельефнее выставить их, чем сделал это г. Южаков в следующей тираде, приводимой у г. Струве.

„Только крестьянство всегда и всюду являлось носителем чистой идеи труда. Повидимому, эта же идея вынесена на арену современной истории так называемым четвертым сословием, городским пролетариатом, но видоизменения, претерпенные ее сущностью, при этом так значительны, что крестьянин едвали бы узнал в ней обычную основу своего быта. Право на труд, а не святая обязанность труда, обязанность в поте лица добывать хлеб свой; [так вот что скрывалось за „чистой идеей труда“! Чисто крепостническая идея об „обязанности“ крестьянина добывать хлеб... для исполнения своих повинностей? Об этой „святой“ обязанности говорится забитому и задавленному ею коняге!! *)]; затем выделение труда и вознаграждение за него, вся эта агитация о справедливом вознаграждении за труд, как будто не сам труд в плодах своих создает это вознаграждение; [„Что это?“ спрашивает г. Струве, „sancta simplicitas (святая простота. Ред.) или нечто иное?“ Хуже. Это—апофеоз послушливости прикрепленного к земле батрака, привыкшего работать на других чуть не даром]; дифференцирование труда от жизни в какую-то отвлеченную (?! П. С.) категорию, изображаемую столькими-то часами пребывания на фабрике, не имеющими никакого иного (?! П. С.) отношения, никакой связи с повседневными интересами работника; [чисто мещанская трусость мелкого производителя, которому порой очень и очень плохо приходится от современной капиталистической организации, но который пуще всего на свете боится серьезного движения против этой организации со стороны элементов, окончательно „дифференцировавшихся“ от всякой связи с ней]; наконец, отсутствие оседлости, домашнего, созданного трудом очага, изменчивость поприща труда, — все это совершенно чуждо идее крестьянского труда.

*) Автор не знает, должно быть, — как и подобает маленькому буржуа, — что западно-европейский трудящийся люд давно перерос ту стадию развития, когда он требовал „права на труд“, и требует теперь „права на лепость“, права на отдых от чрезмерной работы, которая калечит и давит его.

Трудовой, от отцов и дедов завещанный очаг, труд, проникающий своими интересами всю жизнь и строющий ее мораль — любовь к политой потом многих поколений ниве, — все это, составляющее неотъемлемую отличительную черту крестьянского быта, совершенно незнакомо рабочему пролетариату, а потому, в то время, как жизнь последнего, хотя и трудовая, строится на морали буржуазной (индивидуалистической и опирающейся на принцип приобретенного права), а в лучшем случае отвлеченно-философской, в основе крестьянской морали лежит именно труд, его логика, его требования" (18). Тут выступают уже в чистом виде реакционные черты мелкого производителя, его забитость, заставляющая его верить в то, что ему навеки суждена „святая обязанность" быть конягой; его „завещанный от отцов и дедов" сервилизм; его привязанность к отдельному крохотному хозяйству, боязнь потерять которое вынуждает его отказаться даже от всякой мысли о „справедливом вознаграждении" и выступать врагом всякой „агитации", — которое, вследствие низкой производительности труда и прикрепления трудящегося к одному месту делает его дикарем и, силою одних уже хозяйственных условий, необходимо порождает его забитость и сервилизм. Разрушение этих реакционных черт должно быть безусловно поставлено в заслугу нашей буржуазии; прогрессивная работа ее состоит именно в том, что она порвала все связи трудящегося с крепостническими порядками, с крепостническими традициями. Средневековые формы эксплоатации, которые были прикрыты л и ч н ы м и отношениями господина к его подданному, местного кулака и скупщика к местным крестьянам и кустарям, патриархального „скромного и бородатого миллионера" к его „ребятам", и которые в силу этого порождали ультрареакционные идеи, — эти средневековые формы она заменила и продолжает заменять эксплоатацией „европейски-развязного антрепренера", эксплоатацией безличной, голой, ничем не прикрытой и уже тем самым разрушающей нелепые иллюзии и мечтания. Она разрушила прежнюю обособленность крестьянина („оседлость"), который не хотел, д а и н е м о г знать ничего, кроме своего клочка земли, и — обобществляя труд и чрезвычайно повышая его производительность, стала силой выталкивать производителя на арену общественной жизни.

Г. Струве говорит по поводу этого рассуждения г-на Южакова: „Таким образом г. Южаков с полной ясностью документирует славянофильские корни народничества" (18) и ниже, подводя итоги своему изложению социологических идей народничества, он добавляет, что вера в „самобытное развитие России" составляет

„историческую связь между славянофильством и народничеством" и что поэтому спор марксистов с народниками есть „естественное продолжение разногласия между славянофильством и западничеством" (29). Это последнее положение, мне кажется, требует ограничения. Бесспорно, что народники очень и очень повинны в квасном патриотизме самого низкого разбора (г. Южаков, напр.). Бесспорно и то, что игнорирование социологического метода Маркса и его постановки вопросов, касающихся непосредственных производителей, равносильно для тех русских людей, кто хочет представлять интересы этих непосредственных производителей, с полным отчуждением от западной „цивилизации". Но сущность народничества лежит глубже; не в учении о самобытности и славянофильстве, а в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя. Поэтому среди народников и были писатели (и это были лучшие из народников), которые, как это признал и г. Струве не имели ничего общего с славянофильством, которые даже признавали, что Россия вступила на тот же путь, что́ и Западная Европа. С такими категориями, как славянофильство и западничество, в вопросах русского народничества никак не разобраться. Народничество отразило такой факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересов труда и к а п и т а л а. Оно отразило этот ф а к т через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя, отразило поэтому уродливо, трусливо, создав теорию, выдвигающую не противоречия общественных интересов, а бесплодные упования на иной путь развития, и наша задача исправить эту ошибку народничества, показать, какая общественная группа может явиться действительным представителем интересов непосредственных производителей.

Переходим теперь ко второй главе книги г. Струве.

План изложения у автора следующий: сначала он указывает те общие соображения, которые заставляют считать материализм единственно правильным методом общественной науки; затем излагает воззрения Маркса и Энгельса, и, наконец, применяет полученные выводы к некоторым явлениям русской жизни. Вследствие особенной важности предмета этой главы, мы попытаемся подробнее разобрать ее содержание, отмечая все те пункты, которые вызывают возражение.

Автор начинает с совершенно справедливого указания на то, что теория, сводящая общественный процесс к действиям „жи-

вых личностей", которые „ставят себе цели" и „двигают события", — есть результат недоразумения. Никто, разумеется, и не думал никогда о том, чтобы приписывать „социальной группе самостоятельное, независимое от составляющих ее личностей, существование" (31), но дело в том, что „личность, как конкретная индивидуальность, есть производная всех раньше живших и современных ей личностей, т. е. социальной группы" (31). Поясним мысль автора. Историю делает — рассуждает г. Михайловский — „живая личность со всеми своими помыслами и чувствами". Совершенно верно. Но чем определяются эти „помыслы и чувства"? Можно ли серьезно защищать то мнение, что они появляются случайно, а не вытекают необходимо из данной общественной среды, которая служит материалом, объектом духовной жизни личности и которая отражается в ее „помыслах и чувствах" с положительной или отрицательной стороны, в представительстве интересов того или другого общественного класса? И далее: по каким признакам судить нам о реальных „помыслах и чувствах" реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей, — а так как речь идет только об общественных „помыслах и чувствах", то следует добавить еще: общественные действия личностей, т. е. социальные факты. „Обособляя социальную группу от личности, — говорит г. Струве, — мы подразумеваем под первой все те многообразные взаимодействия между личностями, которые возникают на почве социальной жизни и объективируются в обычаях и праве, в нравах и нравственности, в религиозных представлениях" (32). Другими словами: социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действий которых и слагаются эти отношения. Социолог-субъективист, начиная свое рассуждение якобы с „живых личностей", на самом деле начинает с того, что вкладывает в эти личности такие „помыслы и чувства", которые он считает рациональными (потому что, изолируя своих „личностей" от конкретной общественной обстановки, он тем самым отнял у себя возможность изучить действительные их помыслы и чувства), т. е. „начинает с утопии", как это и пришлось признать г-ну Михайловскому *). А так как, далее, собственные представления этого социолога о рациональном сами отражают (бессознательно для него самого) данную социальную среду, то окончательные выводы его из рассуждения.

*) Сочинения, т. III, ст. 155: „Социология должна начать с некоторой утопии".

которые представляются ему „чистейшим" продуктом „современной науки и современных нравственных идей", на самом деле выражают только точку зрения и интересы... мещанства.

Этот последний пункт, — т. е. что особая социологическая теория о роли личности или о субъективном методе ставит утопию на место критического материалистического исследования, — особенно важен и, так как он опущен г. Струве, то на нем стоит несколько остановиться.

Возьмем для иллюстрации ходячее народническое рассуждение о кустаре. Народник описывает жалкое положение этого кустаря, мизерность его производства, безобразнейшую эксплоатацию его скупщиком, который кладет в карман львиную долю продукта, оставляя производителю гроши за 16 — 18 часовой рабочий день, — и заключает: жалкий уровень производства и эксплоатация труда кустаря — это дурные стороны данных порядков. Но кустарь не наемный рабочий; это — хорошая сторона. Следует сохранить хорошую сторону и уничтожить дурную и для этого устроить кустарную артель. Вот — законченное народническое рассуждение.

Марксист рассуждает иначе. Знакомство с положением промысла возбуждает в нем кроме вопроса о том, хорошо это или дурно, еще вопрос о том, какова организация этого промысла, т. е. как и почему именно так, а не иначе, складываются отношения между кустарями по производству данного продукта. И он видит, что эта организация есть товарное производство, т. е. производство обособленных производителей, связанных между собою рынком. Продукт отдельного производителя, предназначенный на чужое потребление, может дойти до потребителя и дать право производителю на получение другого общественного продукта только приняв форму денег, т. е. подвергшись предварительно общественному учету как в качественном, так и в количественном отношениях. А учет этот производится за спиной производителя, посредством рыночных колебаний. Эти неведомые производителю, независимые от него рыночные колебания не могут не порождать неравенства между производителями, не могут не усиливать этого неравенства, разоряя одних и давая другим в руки деньги = продукт общественного труда. Отсюда ясна и причина могущества владельца денег, скупщика: она состоит в том, что среди кустарей, живущих со дня на день, самое большое с недели на неделю, он один владеет деньгами, т. е. продуктом прежнего общественного труда, который в его руках и становится капиталом, орудием присвоения прибавочного продукта других кустарей. Поэтому, заключает марксист, при таком устрой-

стве общественного хозяйства экспроприация производителя и эксплоатация его совершенно неизбежны, совершенно необходимо подчинение неимущих имущим и та противоположность их интересов, которая дает содержание научному понятию борьбы классов. И, следовательно, интерес производителя состоит совсем не в примирении этих противоположных элементов, а напротив, в развитии противоположности, в развитии сознания этой противоположности. Мы видим, что рост товарного хозяйства приводит и у нас, на Руси, к такому развитию противоположности: по мере увеличения рынка и расширения производства капитал торговый становится индустриальным. Машинная индустрия, разрушая мелкое обособленное производство окончательно (оно уже в корень подорвано скупщиком), обобществляет труд. Система Plusmacherei, которая в кустарном производстве прикрыта кажущейся самостоятельностью кустаря и кажущейся случайностью власти скупщика,—теперь становится ясной и ничем не прикрытой „Труд", который и в кустарном промысле принимал участие в „жизни" только тем, что дарил прибавочный продукт скупщикам, теперь окончательно „дифференцируется от жизни" буржуазного общества. Это общество выталкивает его с полной откровенностью прочь, договаривая до конца лежащий в его основе принцип, что производитель может получить средства к жизни лишь тогда, когда найдет владельца денег, соблаговоляющего присвоить прибавочный продукт его труда, — и то, чего не мог понять кустарь [и его идеолог-народник] — именно: глубокий, классовой характер вышеуказанной противоположности,—становится само собой ясным для производителя. Вот почему интересы кустаря могут быть представлены только этим передовым производителем.

Сравним теперь эти рассуждения со стороны их социологического метода.

Народник уверяет, что он — реалист. „Историю делают живые личности", и я, мол, начинаю с „чувств" кустаря, отрицательно настроенного к современному порядку, и с помыслов его об устройстве порядков лучших, а марксист рассуждает о какой-то необходимости и неизбежности; он мистик и метафизик.

Действительно, отвечает этот мистик, историю делают „живые личности", — и я, разбирая вопрос о том, почему общественные отношения в кустарном промысле сложились так, а не иначе (вы этого вопроса даже и не поставили!), разбирал именно то, как „живые личности" свою историю сделали и продолжают делать. И у меня был в руках надежный критерий того, что я имею дело с „живыми", действительными личностями, с дей-

ствительными помыслами и чувствами: критерий этот состоял в том, что у них уже „помыслы и чувства“ выразились в действиях, создали определенные общественные отношения. Я, правда, не говорю никогда о том, что „историю делают живые личности“ (потому что мне кажется, что это — пустая фраза), но, исследуя действительные общественные отношения и их действительное развитие, я исследую именно продукт деятельности живых личностей. А вы говорить-то о „живых личностях“ говорите, а на самом деле берете за исходный пункт не „живую личность“ с теми „помыслами и чувствами“, которые действительно создаются условиями их жизни, данной системой производственных отношений, а куклу и начиняете ей голову своими собственными „помыслами и чувствами“. Понятно, что от такого занятия получаются одни только невинные мечтания; жизнь оказывается в стороне от вас, и вы — в стороне от жизни*). Да мало еще этого: вы посмотрите-ка, чем вы начиняете голову этой куклы и какие меры вы проповедуете. Рекомендуя трудящимся артель, как „путь, указываемый современной наукой и современными нравственными идеями“, вы не приняли во внимание одного маленького обстоятельства: всей организации нашего общественного хозяйства. Не понимая, что это — капиталистическое хозяйство, вы не заметили, что на этой почве все возможные артели останутся крохотными паллиативами, нимало не устраняющими ни концентрации средств производства, и денег в том числе, в руках меньшинства (эта концентрация — неоспоримый факт), ни полной обездоленности громадной массы населения, — паллиативами, которые в лучшем случае поднимут только кучку отдельных кустарей в ряды мелкой буржуазии. Из идеолога трудящегося вы становитесь идеологом мелкой буржуазии.

Возвратимся однако к г. Струве. Указавши на бессодержательность рассуждений народников о „личности“, он продолжает: „Что социология в самом деле стремится всегда свести элементы индивидуальности к социальным источникам, в этом убеждает любая попытка объяснить тот или другой крупный момент исторической эволюции. Когда дело доходит до „исторической личности“ „великого человека“, всегда является стремление выставить его, как „носителя“ духа известной эпохи, представителя своего времени, — его действия, его успехи и неудачи представить

*) „Практика урезывает ее („возможность нового исторического пути“) беспощадно“; „она убывает, можно сказать, с каждым днем“ (слова г. Михайловского, у П. Струве, с. 16). Убывает, конечно, не „возможность“, которой никогда не было, а убывают иллюзии. И хорошо делают, что убывают.

как необходимые результаты всего предшествующего хода вещей" (32). Эта общая тенденция всякой попытки — объяснить социальные явления, т. е. создать общественную науку, „нашла себе яркое выражение в учении о классовой борьбе, как основном процессе общественной эволюции. Раз личность была сброшена со счетов, нужно было найти другой элемент. Таким элементом оказалась социальная группа" (33). Г. Струве совершенно прав, указывая, что теория классовой борьбы довершает, так сказать, общее стремление социологии сводить „элементы индивидуальности к социальным источникам". Мало этого: теория классовой борьбы впервые проводит это стремление с такой полнотой и последовательностью, что возводит социологию на степень науки. Достигнуто было это материалистическим определением понятия „группы". Само по себе это понятие слишком еще неопределенно и произвольно: критерий различения „групп" можно видеть и в явлениях религиозных, и этнографических, и политических, и юридических и т. п. Нет твердого признака, по которому бы в каждой из этих областей можно было различать те или иные „группы". Теория же классовой борьбы потому именно и составляет громадное приобретение общественной науки, что установляет приемы этого сведения индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью. Во-первых, эта теория выработала понятие общественно-экономической формации. Взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт — способ добывания средств к жизни, она поставила в связь с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений („производственных отношений" по терминологии Маркса) указала ту основу общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм. Этой теорией был применен к социальной науке тот объективный, общенаучный критерий повторяемости, возможность применения которого к социологии отрицали субъективисты. Они рассуждали именно так, что вследствие громадной сложности социальных явлений и разнообразия их нельзя изучать эти явления, не отделив важные от неважных, и для такого выделения необходима точка зрения „критически мыслящей" и „нравственно-развитой" личности, — и они приходили

таким образом благополучно к превращению общественной науки в ряд назиданий мещанской морали, образцы которой мы видели у г. Михайловского, философствовавшего о нецелесообразности истории и о пути, руководимом „светом науки". Вот этим-то рассуждениям и был подрезан корень теорией Маркса. На место различия важного и неважного было поставлено различие между экономической структурой общества, как содержанием, и политической и идейной формой: самое понятие экономической структуры было точно разъяснено опровержением взгляда прежних экономистов, видевших законы природы там, где есть место только законам особой, исторически определенной системы производственных отношений. На место рассуждений субъективистов об „обществе" вообще, рассуждений бессодержательных и не шедших далее мещанских утопий (ибо не выяснена была даже возможность обобщения самых различных социальных порядков в особые виды социальных организмов) — было поставлено исследование определенных форм устройства общества. Во-вторых, действия „живых личностей" в пределах каждой такой общественно-экономической формации, действия, бесконечно разнообразные и, казалось, не поддающиеся никакой систематизации, были обобщены и сведены к действиям групп личностей, различавшихся между собою по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства и, следовательно, по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определялись этой обстановкой, — одним словом, к действиям классов, борьба которых определяла развитие общества. Этим был опровергнут детски-наивный, чисто механический взгляд на историю субъективистов, удовлетворявшихся ничего не говорящим положением, что историю делают живые личности, и не хотевших разобрать, какой социальной обстановкой и как именно обусловливаются их действия. На место субъективизма было поставлено воззрение на социальный процесс, как на естественно-исторический процесс, — воззрение, без которого, конечно, и не могло бы быть общественной науки. Г. Струве очень справедливо указывает, что „игнорирование личности в социологии или, вернее, ее устранение из социологии есть в сущности частный случай стремления к научному познанию" (33), что „индивидуальности" существуют не только в духовном, но и в физическом мире. Все дело в том, что подведение „индивидуальностей" под известные общие законы давным давно завершено для мира физического, а для области социальной оно твердо установлено лишь теорией Маркса.

Дальнейшее возражение г. Струве против социологической

теории российских субъективистов состоит в том, что помимо всех вышеприведенных аргументов — „социология“ ни в каком случае не может признавать то, что мы называем индивидуальностью, за первичный факт, так как самое понятие индивидуальности (не подлежащей дальнейшему объяснению) и соответствующий ему факт есть результат долгого социального процесса“ (36). Это — очень верная мысль, на которой следует остановиться тем более что аргументация автора представляет некоторые неправильности. Он приводит взгляды Зиммеля [39]), который, де, в сочинении своем: „О социальной дифференциации“ доказал прямую зависимость между развитием индивидуальности и дифференциацией той группы, в которую входит эта личность. Г. Струве противополагает это положение теории г. Михайловского об обратной зависимости между развитием индивидуальности и дифференциацией („разнородностью“) общества. „В недифференцированной среде — возражает ему г. Струве — индивидуум будет „гармонически целостен“... в своем „однообразии и безличности“. „Реальная личность не может быть „совокупностью всех черт, свойственных человеческому организму вообще“ просто потому что такая полнота содержания превышает силы реальной личности“ (38 — 39). „Для того, чтобы личность могла быть дифференцированной, она должна находиться в дифференцированной среде“ (39).

Не ясно из этого изложения, каким именно образом ставит вопрос Зиммель и как он аргументирует. Но в передаче г. Струве постановка вопроса грешит тем же недостатком, что и у г. Михайловского. Абстрактное рассуждение о том, в какой зависимости стоит развитие (и благосостояние) индивидуальности от дифференциации общества, — совершенно ненаучно, потому что нельзя установить никакого соотношения, годного для всякой формы устройства общества. Самое понятие „дифференциации“, „разнородности“ и т. п. получает совершенно различное значение, смотря по тому, к какой именно социальной обстановке применить его. Основная ошибка г. Михайловского именно и состоит в абстрактном догматизме его рассуждений, пытающихся обнять „прогресс“ вообще вместо изучения конкретного „прогресса“ какой-нибудь конкретной общественной формации. Когда г. Струве выставляет против г. Михайловского свои общие положения (вышевыписанные), он повторяет его ошибку, отходя от изображения и выяснения конкретного процесса в область туманных и голословных догм. Возьмем пример: „Гармоническая целостность индивидуума в своем содержании определяется степенью развития, т.-е. дифференциации

группы" — говорит г. Струве и пишет эту фразу курсивом. Однако, что следует понимать тут под „дифференциацией" группы? Уничтожение крепостного права усилило эту „дифференциацию" или ослабило? Г. Михайловский решает вопрос в последнем смысле („Что такое прогресс?"); г. Струве решил бы его, вероятно, в первом — ссылаясь на усиление общественного разделения труда. Один имел в виду уничтожение сословных различий; другой—создание экономических различий. Термин так неопределенен, как видите, что его можно натягивать на противоположные вещи. Еще пример. Переход от капиталистической мануфактуры к крупной машинной индустрии можно бы признать уменьшением „дифференциации", ибо детальное разделение труда между специализировавшимися рабочими прекращается. А между тем не может подлежать сомнению, что условия развития индивидуальности гораздо благоприятнее (для рабочего) именно в последнем случае. Вывод отсюда—тот, что неправильна уже самая постановка вопроса. Автор сам признает, что существует также антагонизм между личностью и группой (о чем и говорит Михайловский). „Но жизнь — прибавляет он — никогда не слагается из а б с о л ю т н ы х противоречий: в ней все т е к у ч е и о т н о с и т е л ь н о, и в то же время все отдельные стороны находятся в постоянном взаимодействии" (39). Если так,—то к чему же было и выставлять абсолютные соотношения между группой и личностью?— соотношения, не относящиеся к строго определенному моменту развития определенной общественной формации? почему было и не отнести всю аргументацию к вопросу о конкретном процессе эволюции России? У автора есть попытка поставить вопрос таким образом, и если бы он выдержал ее последовательно. его аргументация много выиграла бы. „Только разделение труда, — это грехопадение человечества, по учению г. Михайловского, — создало условия для развития той „личности", во имя которой г. Михайловский справедливо протестует против современных форм разделения труда" (38). Это превосходно сказано; только бы вместо „разделение труда" следовало сказать „капитализм" и даже еще уже: р у с с к и й к а п и т а л и з м. Прогрессивное значение капитализма состоит именно в том, что он разрушил прежние узкие условия жизни человека, порождавшие умственную тупость и не дававшие возможности производителям самим взять в руки свою судьбу. Громадное развитие торговых сношений и мирового обмена, постоянные передвижения громадных масс населения разорвали исконные узы рода, семьи, территориальной общины и создали то разнообразие развития, „разнообразие талантов, богатство общественных отно-

шений" *), которое играет такую крупную роль в новейшей истории Запада. В России этот процесс сказался с полной силой в пореформенную эпоху, когда старинные формы труда рушились с громадной быстротой и первое место заняла купля-продажа рабочей силы, отрывавшая крестьянина от патриархальной полукрепостнической семьи, от отупляющей обстановки деревни и заменявшая полукрепостнические формы присвоения сверхстоимости — формами чисто капиталистическими. Этот экономический процесс отразился в социальной области „общим подъемом чувства личности", вытеснением из „общества" помещичьего класса разночинцами, горячей войной литературы против бессмысленных средневековых стеснений личности и т. п. Что именно пореформенная Россия принесла этот подъем чувства личности, чувства собственного достоинства, — этого народники не станут, вероятно, оспаривать. Но они не задаются вопросом, какие материальные условия повели к этому. При крепостном праве, разумеется, ничего подобного быть не могло, — и вот народник приветствует „освободительную" реформу, не замечая, что он впадает в такой же близорукий оптимизм, как буржуазные историки, про которых Маркс сказал, что они смотрят на крестьянскую реформу сквозь clair-obscur „эмансипации", не замечая, что эта „эмансипация" состояла только в замене одной формы другою, в замене феодального прибавочного продукта буржуазною прибавочною стоимостью. Совершенно то же самое было и у нас. Именно система „старо-дворянского" хозяйства, привязывавшая население к месту, раздроблявшая его на кучки подданных отдельных вотчинников, и создавала придавленность личности. И далее, — именно капитализм, оторвавший личность от всех крепостных уз, поставив ее в самостоятельные отношения к рынку, сделав ее товаровладельцем (и в качестве такового — равной всякому другому товаровладельцу), и создал подъем чувства личности. Если гг. народники фарисейски ужасаются, когда им говорят о прогрессивности русского капитализма, то это только потому, что они не задумываются над вопросом о материальных условиях тех „благ прогресса", которые знаменуют пореформенную Россию. Если г. Михайловский начинает свою „социологию" с „личности", протестующей против русского капитализма, как случайного и временного уклонения России с правильного пути, то он уже тут побивает сам себя, не понимая, что

*) K. Marx, Der achtzehnte Brumaire, S. 98 u. s. w. (К. Маркс. 18-ое Брюмера Луи Бонапарта, стр. 98 и след. В. И. Ленин ссылается здесь на немецкий текст как по цензурным соображениям, так и потому, что русского перевода этой статьи в то время еще не было. Ред.).

только капитализм и создал условия, сделавшие возможным этот протест личности. — На этом примере мы видим еще раз, в каком изменении нуждается аргументация г. Струве. Вопрос следовало свести целиком на почву русской действительности, на почву выяснения того, что есть, и почему есть именно так, а не иначе: народники не даром всю свою социологию строили на том, что вместо анализа действительности рассуждали о том, что „может быть"; они не могли не видеть, что действительность беспощадно разбивает их иллюзии.

Свой разбор теории „личностей" автор заключает такой формулировкой: „личность для социологии есть функция среды", „личность является тут формальным понятием, содержание которого дается исследованием социальной группы" (40). Последнее противоположение особенно хорошо подчеркивает противоположность субъективизма и материализма: рассуждая о „личности", субъективисты определяли содержание этого понятия (т. е. „помыслы и чувства" этой личности, ее социальные действия) a priori, т. е. подсовывали свои утопии вместо „исследования социальной группы".

Другая „важная сторона" материализма — продолжает г. Струве — „заключается в том, что экономический материализм подчиняет идею факту, сознание и долженствование — бытию" (40). „Подчиняет" — это значит, конечно, в данном случае: отводит подчиненное место в объяснении общественных явлений. Субъективисты-народники поступают как раз наоборот: они исходят в своих рассуждениях из „идеалов", нисколько не задумываясь о том, что эти идеалы могли явиться только известным отражением действительности, что их, следовательно, необходимо проверить фактами, свести к фактам. — Народнику, впрочем, без пояснений будет непонятно это последнее положение. Как это так? — думает он, — идеалы должны осуждать факты, указывать, как изменить их, проверять факты, а не проверяться фактами. Это последнее кажется народнику, привыкшему витать в заоблачных сферах, примирением с фактом. Объяснимся.

Наличность „хозяйничанья за чужой счет", наличность эксплоатации всегда будет порождать как в самих эксплоатируемых, так и в отдельных представителях „интеллигенции" идеалы, противоположные этой системе.

Эти идеалы чрезвычайно ценны для марксиста; он только на их почве и полемизирует с народничеством, он полемизирует исключительно по вопросу о построении этих идеалов и осуществлении их.

Для народника достаточно констатировать факт, порождающий такие идеалы, затем привести указания на законность идеала с точки зрения „современной науки и современных нравственных идей“ [причем он не понимает, что эти „современные идеи „означают только уступки западно-европейского „общественного мнения“ новой нарождающейся силе] и взывать далее к „обществу“ и „государству“: обеспечьте, оградите, организуйте!

Марксист исходит из того же идеала, но сличает его не с „современной наукой и современными нравственными идеями“ *), а с существующими классовыми противоречиями и формулирует его поэтому не как требование „науки“, а как требование такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношениями (которые подлежат объективному исследованию) и достижимое лишь так-то вследствие таких-то свойств этих отношений. Если не свести таким образом идеалы к фактам, то эти идеалы останутся невинными пожеланиями, без всяких шансов на принятие их массой и, следовательно, на их осуществление. —

Указав таким образом общие теоретические положения, заставляющие признать материализм единственно правильным методом общественной науки, г. Струве переходит к изложению взглядов Маркса и Энгельса, цитируя преимущественно сочинения последнего. Это — чрезвычайно интересная и поучительная часть книги.

Чрезвычайно справедливо указание автора, что „нигде не приходится натыкаться на такое непонимание Маркса, как у русских публицистов“ (44). В пример приводится прежде всего г. Михайловский, усматривающий в „историко-философской теории“ Маркса только выяснение „генезиса капиталистического строя“. Г. Струве с полным правом протестует против этого. Действительно, это в высшей степени характерный факт. Г. Михайловский писал о Марксе много раз, но никогда и не заикался о том отношении, в котором находится метод Маркса к „субъективному методу в социологии“. Г. Михайловский писал о „Капитале“, заявлял свою „солидарность“ (?) с экономической доктриной Маркса, но обходил строгим молчанием вопрос — к примеру скажем — о том, не подходят ли российские субъективисты под метод Прудона [40]), желающего переделать товарное хозяйство по своему идеалу спра-

*) Энгельс в своей книге „Herrn E. Dührings Umwälzung der Wissenschaft“ („Переворот в науке, произведенный г-ном Дюрингом“. В русском переводе обыкновенно называется сокращенно „Анти-Дюрингом“. Ред.) превосходно заметил, что это — старый психологический метод: сличать свое понятие не с фактом, который оно отражает, а с другим понятием, с слепком с другого факта.

ведливости?.) * Чем отличается этот критерий (справедливости — justice éternelle) от критерия г-на Михайловского: „современная наука и современные нравственные идеи"? И почему г. Михайловский, так энергично протестовавший всегда против отождествления метода общественных наук с методом наук естественных, не спорил против заявления Маркса, что подобный метод Прудона совершенно так же нелеп, как если-бы химик пожелал вместо „изучения действительных законов обмена веществ" преобразовать этот обмен по законам „сродства"? не спорил против того взгляда Маркса, что социальный процесс есть „естественно-исторический процесс"? Незнакомством с литературой этого не объяснишь: дело, очевидно, в полнейшем непонимании или нежелании понять. Г. Струве первый, кажется, в нашей литературе заявил это, — и в этом его большая заслуга.

Перейдем теперь к тем заявлениям автора по поводу марксизма, которые вызывают критику. „Мы не можем не признать — говорит г. Струве, — что чисто философское обоснование этого учения еще не дано, и что оно еще не справилось с тем огромным конкретным материалом, который представляет всемирная история. Нужен, очевидно, пересмотр фактов с точки зрения новой теории; нужна критика теории на фактах. Быть может, многие односторонности и слишком поспешные обобщения будут оставлены" (46). Не совсем ясно, что́ разумеет автор под „чисто философским обоснованием"? С точки зрения Маркса и Энгельса, философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между разными отраслями положительной науки. Таким образом под философским обоснованием можно разуметь или сопоставление посылок ее с твердо установленными законами других наук [и г. Струве сам признал, что уже психология дает положения, заставляющие отказаться от субъективизма и принять материализм], или опыт применения этой теории. А в этом отношении мы имеем заявление самого г. Струве, что „за материализмом всегда останется та заслуга, что он дал глубоко-научное, поистине философское (курсив автора) истолкование целому ряду (это NB) исторических фактов огромной важности" (50). Последнее заявление автора содержит признание, что материализм — единственно научный метод социологии, и поэтому, конечно, нужен „пересмотр фактов" с этой точки зрения, особенно пересмотр фактов русской истории и действительности, так усердно искажавшихся российскими субъ-

*) Das Kapital. I B. 2-te Aufl., S. 62 и 38. (Капитал, том I, стр. 54 и 37 русского издания под ред. И. Степанова. Гос. Изд. 1920. Р е д.).

ективистами. Что касается до последнего замечания насчет возможных „односторонностей“ и „слишком поспешных обобщений“, то мы не останавливаясь на этом общем и потому неясном замечании, обратимся прямо к одной из тех поправок, которую вносит „не зараженный ортодоксией“ автор в „слишком поспешные обобщения“ Маркса.

Дело идет о государстве. Отрицая государство, „Маркс и его последователи“ „увлеклись“ „слишком далеко в критике современного государства“ и впали в „односторонность“. „Государство“ — исправляет это увлечение г. Струве — есть прежде всего организация порядка; организацией же господства (классового) оно является в обществе, в котором подчинение одних групп другим обусловливается его экономической структурой“ (53). Родовой быт, по мнению автора, знал государство, которое останется и при уничтожении классов, ибо признак государства — принудительная власть.

Можно только подивиться тому, что автор с таким поразительным отсутствием аргументов критикует Маркса с своей профессорской точки зрения. Прежде всего, он совершенно неправильно видит отличительный признак государства в принудительной власти: принудительная власть есть во всяком человеческом общежитии, и в родовом устройстве, и в семье, но государства тут не было. „Существенный признак государства — говорит Энгельс в том самом сочинении, из которого г. Струве взял цитату о государстве — состоит в публичной власти, отдельной от массы народа“ [Ursprung der Familie u. s. w., 2-te Aufl., S. 84; русский пер., с. 109] *), и несколько выше он говорит об учреждении навкрарий [41]), что оно подрывало двояким образом родовое устройство: во-первых, оно создавало публичную власть (oeffentliche Gewalt—в русском переводе неверно передано: общественная сила), которая уже не совпадала просто на просто с совокупностью вооруженного народа“ (ib., S. 79; русский пер., с. 105). Итак, признак государства — наличность особого класса лиц, в руках которого сосредоточивается власть. Общину, в которой „организацией порядка“ заведывали бы поочередно все члены ее, никто, разумеется, не мог бы назвать государством. Далее, по отношению к современному государству рассуждение г-на Струве еще более несостоятельно. Говорить о нем, что оно „прежде всего (sic!?!) организация порядка“ — значит не понимать одного из очень важных пунктов теории Маркса. Тот особый слой, в руках которого находится власть в современном обществе, это — бюрократия. Непосредственная и теснейшая связь этого

*) „Происхождение семьи, частной собственности и государства“. Страницы русского перевода указаны по изданию 1894 года.

органа с господствующим в современном обществе классом буржуазии явствует и из истории (бюрократия была первым политическим орудием буржуазии против феодалов, вообще против представителей „старо-дворянского" уклада, первым выступлением на арену политического господства не породистых землевладельцев, а разночинцев, „мещанства") и из самых условий образования и комплектования этого класса, в который доступ открыт только буржуазным „выходцам из народа" и который связан с этой буржуазией тысячами крепчайших нитей *). Ошибка автора тем более досадна, что именно российские народники, против которых он возымел такую хорошую мысль ополчиться, понятия не имеют о том, что всякая бюрократия и по своему историческому происхождению и по своему современному источнику и по своему назначению представляет из себя чисто и исключительно буржуазное учреждение, обращаться к которому с точки зрения интересов производителя только и в состоянии идеологи мелкой буржуазии.

Стоит остановиться еще несколько на отношении марксизма к этике. Автор приводит на странице 64—5 прекрасное разъяснение Энгельсом отношения свободы к необходимости: „Свобода есть понимание необходимости". Детерминизм [42]) не только не предполагает фатализма, а напротив, именно и дает почву для разумного действования. Нельзя не добавить к этому, что российские субъективисты не съумели разобраться даже в столь элементарном вопросе, как вопрос о свободе воли. Г. Михайловский беспомощно путался в смешении детерминизма с фатализмом и находил выход..., усаживаясь между двумя стульями: не желая отрицать закономерности, он утверждал, что свобода воли — факт нашего сознания (собственно, идея Миртова, перенятая г. Михайловским) и потому может служить основой этики. Понятно, что в применении к социологии эти идеи не могли дать ничего кроме утопии или пустой морали, игнорирующей борьбу классов, происходящую в обществе. Нельзя не признать поэтому справедливости утверждения Зомбарта [43]), что „в самом марксизме от начала до конца нет ни грана этики": в отношении теоретическом, „этическую точку зрения" он подчиняет „принципу причинности"; в отношении практическом — он сводит ее к классовой борьбе.

*) Ср. K. Marx, Bürgerkrieg in Frankreich, S. 23 (Lpz. 1876). (К. Маркс. Гражданская война во Франции. Р е д.) и Der achtzehnte Brumaire, S. 45—46 (Hmb. 1885): „Материальный интерес французской буржуазии теснейшим образом сплетается с сохранением этого широкого и широко разветвляющегося механизма [речь идет о бюрократии]. Сюда сбывает он свое излишнее население и пополняет в форме казенного жалованья то, чего она не смогла заполучить в форме прибыли, процентов, ренты и гонораров".

Изложение материализма г. Струве дополняет оценкой с материалистической точки зрения „двух факторов, играющих весьма важную роль во всех народнических построениях“ — „интеллигенции“ и „государства“ (70). На этой оценке опять таки отразилась та же „неортодоксальность“ автора, которая была отмечена выше по поводу его объективизма. „Если... все вообще общественные группы представляют из себя реальную силу только поскольку... они совпадают с общественными классами или к ним примыкают, то очевидно, что „бессословная интеллигенция“ не есть реальная общественная сила“ (70). В абстрактном теоретическом смысле автор, конечно, прав. Он ловит, так сказать, народников на слове. Вы говорите, что на „иные пути“ должна направить Россию интеллигенция — вы не понимаете, что, не примыкая к классу, она есть нуль. Вы хвастаетесь, что русская бессословная интеллигенция отличалась всегда „чистотой“ идей — поэтому-то и была она всегда бессильна. Критика автора ограничивается сопоставлением нелепой народнической идеи о всемогуществе интеллигенции с своей совершенно справедливой идеей о „бессилии интеллигенции в экономическом процессе“ (71). Но такого сопоставления мало. Чтобы судить о русской „бессословной интеллигенции“, как об особой группе русского общества, которая так характеризует всю пореформенную эпоху — эпоху окончательного вытеснения дворянина разночинцем, — которая, несомненно, играла и продолжает играть известную историческую роль, для этого нужно сопоставить идеи и еще более программы нашей „бессословной интеллигенции“ с положением и интересами данных классов русского общества. Чтобы устранить возможность заподозрить нас в пристрастности, мы не будем делать этого сопоставления сами, а ограничимся ссылкой на того народника, статья которого была комментирована в I главе. Вывод из всех его отзывов вытекает совершенно определенный: русская передовая, либеральная, „демократическая“ интеллигенция была интеллигенцией буржуазной. „Бессословность“ нимало не исключает классового происхождения идей интеллигенции. Всегда и везде буржуазия восставала против феодализма во имя бессословности — и у нас против старо-дворянского, сословного строя выступила бессословная интеллигенция. Всегда и везде буржуазия выступала против отживших сословных рамок и других средневековых учреждений во имя всего „народа“, классовые противоречия внутри которого были еще не развиты, и она была, как на Западе, так и в России, права, так как критикуемые учреждения стесняли действительно всех. Как только сословности в России нанесен

был решительный удар (1861),—тотчас же стал обнаруживаться антагонизм внутри „народа", а на ряду с этим и в силу этого антагонизм внутри бессословной интеллигенции между либералами и народниками, идеологами крестьянства (внутри которого первые русские идеологи непосредственных производителей не видели, да и не могли еще видеть, образования противоположных классов). Дальнейшее экономическое развитие повело к более полному обнаружению социальных противоположностей в русском обществе, заставило признать факт разложения крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат. Народничество совсем уже почти превратилось в идеологию мелкой буржуазии, отделив от себя марксизм. Поэтому русская „бессословная интеллигенция" представляет из себя „реальную общественную силу" поскольку она заступает обще-буржуазные интересы *). Если тем не менее эта сила не смогла создать подходящих для защищаемых ею интересов учреждений, не съумела переделать „атмосферы современной российской культуры" (г. В. В.), если „активный демократизм в эпоху политической борьбы" сменился „общественным индифферентизмом" (г. В. В. в „Неделе" 1894 г. № 47), — то причина этого лежит не только в мечтательном характере отечественной „бессословной интеллигенции", но и главным образом в положении тех классов, из которых она выходила, и от которых черпала силу, в их двуличности. Неоспоримо, что российская „атмосфера" представляла для них много минусов, но она давала им и некоторые плюсы.

В России особенно велика историческая роль того класса, который, по мнению народников, не является носителем „чистой идеи труда"; его „активность" нельзя усыплять „севрюжиной с хреном". Поэтому указания на него со стороны марксистов не только не „обрывают демократической нити", как уверяет г. В. В., специализирующийся на выдумывании самых невероятных нелепостей про марксистов, а напротив, подхватывают эту „нить", которую выпускает из рук индифферентное „общество", требуют ее развития, укрепления, приближения к жизни.

---

*) Мелко-буржуазный характер громадной массы народнических пожеланий отмечен был в I главе. Пожелания, не подходящие под эту характеристику (в роде „обобществления труда"), занимают в современном народничестве совсем уже миниатюрное место. И „Русское Богатство" (1893 № 11—12, ст. Южакова „Вопросы экономического развития России") и г. В. В. („Очерки теоретической экономии", Спб. 1895) протестуют против г. Н.—она, отзывающегося „сурово" (выражение г. Южакова) об истасканной панацее кредитов, расширения землевладения, переселений и т. д.

В связи с неполнотой в оценке интеллигенции стоит у г. Струве не вполне удачная формулировка следующего положения. „Надо доказать, — говорит он, — что разложение старого экономического строя неизбежно“ (71). Во-первых, что разумеет автор под „старым экономическим строем“? Крепостничество? — но разложение его нечего и доказывать. — „Народное производство“? но он сам же говорит ниже и говорит совершенно справедливо, что это словосочетание „не отвечает никакому реальному историческому порядку“ (177), что это, другими словами,—миф, так как после отмены „крепостного права“ у нас ускоренно стало развиваться товарное хозяйство. Вероятно, автор имел в виду ту стадию развития капитализма, когда он не вполне еще выпутался из средневековых учреждений, когда силен еще торговый капитал и мелкое производство еще держится для большой части производителей. Во-вторых, в чем видит автор критерий этой неизбежности? В господстве таких-то классов? в свойствах данной системы производственных отношений? В обоих случаях вопрос сводится к констатированию наличности тех или других (капиталистических) порядков; вопрос сводится к констатированию факта, и его ни в каком случае не следовало переносить в область рассуждений о будущем. Подобные рассуждения следовало бы оставить в монопольном владении гг. народников, ищущих „иных путей для отечества“. Автор сам говорит на следующей же странице, что всякое государство есть „выражение господства известных общественных классов“, что „нужно перераспределение социальной силы между отдельными классами для того, чтобы государство коренным образом изменило свой курс“ (72). Все это — глубоко верно и очень метко направлено против народников, и сообразно с этим вопрос следовало поставить иначе: надо доказать (не „неизбежность разложения“ и т. д.) наличность в России капиталистических производственных отношений; надо доказать, что и на русских данных оправдывается тот закон, что „товарное хозяйство есть хозяйство капиталистическое“, т. е. что и у нас товарное хозяйство повсюду перерастает в капиталистическое; надо доказать, что повсюду господствуют порядки в существе своем буржуазные, что именно господство этого класса, а не пресловутые народнические „случайности“ или „политика“ и т. п. вызывают освобождение производителя от средств производства и повсеместное хозяйничанье его за чужой счет.

Этим закончим разбор первой части книги г. Струве, носящей общий характер.

ГЛАВА III.

Постановка экономических вопросов у народников и у г. Струве.

Покончив с социологией, автор переходит к более „конкретным экономическим вопросам“ (73). Он считает при этом „естественным и законным“ начать с „общих положений и исторических справок“, с „бесспорных, общечеловеческим опытом установленных, посылок“, — как он говорит в предисловии.

Нельзя не заметить, что этот прием грешит той же абстрактностью, которая была отмечена с самого начала как основной недостаток разбираемой книги. В тех главах, к которым мы теперь переходим (третья, четвертая и пятая), этот недостаток привел к двоякого рода нежелательным последствиям. С одной стороны, он ослабил те определенные теоретические положения, которые автор выставил против народников. Г. Струве рассуждает в о о б щ е, обрисовывает переход от натурального к товарному хозяйству, указывает, что бывало на свете дело по большей части вот так-то и так-то, и при этом отдельными, беглыми указаниями переходит и к России, распространяя и на нее общий процесс „исторического развития хозяйственного быта“. Бесспорно, что такое распространение совершенно законно и что „исторические справки“ автора совершенно необходимы для критики народничества, неправильно представляющего историю не одной только России. Но следовало бы конкретнее высказать эти положения, определеннее противопоставить их доводам народников, которые отрицают правильность распространения общего процесса на Россию; следовало бы сопоставить такое-то понимание русской действительности народниками с д р у г и м пониманием т о й ж е действительности марксистами. С другой стороны, абстрактный характер рассуждений автора ведет к недоговоренности его положений, к тому, что он, правильно указывая на наличность такого-то процесса, не разбирает, какие классы складывались при этом, какие классы являлись носителями процесса, заслоняя собой другие, подчиненные им, слои населения; одним словом, объективизм автора

не доходит тут до материализма — в вышеупомянутом значении этих терминов *).

Доказательства такой оценки указанных глав сочинения г. Струве мы приведем сейчас, разбирая отдельные, наиболее важные положения.

Чрезвычайно верно замечание автора, что „в русской истории зависимость (юридическая и экономическая) непосредственных производителей от господ встречается нам чуть не с первых страниц, как исторический спутник идиллии „народного производства" (81). В эпоху натурального хозяйства крестьянин был порабощен землевладельцу, он работал не на себя, а на боярина, на монастырь, на помещика, — и г. Струве с полным правом противопоставляет этот исторический факт россказням наших самобытных социологов о том, как „средства производства принадлежали производителю" (81). Эти россказни представляют из себя одно из тех искажений русской истории в угоду мещанской утопии, на которые так щедры были всегда народники. Боясь прямо взглянуть на действительность, боясь назвать это угнетение его настоящим именем, они обращались к истории, изображая дело таким образом, что принадлежность средств производства производителю была „исконным" началом, „вековым устоем" крестьянского труда и что современная экспроприация крестьянства объясняется поэтому не сменой феодального прибавочного продукта буржуазною сверхстоимостью, не капиталистическою организацией нашего общественного хозяйства, а случайностью неудачной политики, временным „отклонением от пути, предписываемого всею историческою жизнью нации" (г. Южаков, цитировано у П. Струве, стр. 15). И эти вздорные побасенки не стыдились рассказывать про страну, в которой только очень недавно

*) Такое соотношение объективизма и материализма указано, между прочим, Марксом в предисловии к его сочинению: „Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonapartes". Маркс говорит, что об этом же историческом событии писал Прудон (Coup d'état) (Государственный переворот. Ред.) и отзывается о его точке зрения в противоположность своей следующим образом:

„Прудон, с своей стороны, стремится представить государственный переворот [2-го декабря] результатом предшествующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота превращается у него под рукой в историческую апологию героя этого переворота. Он впадает таким образом в ошибку наших так-называемых объективных историков. Я напротив показываю, каким образом классовая борьба во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность дюжинной и смешной личности сыграть роль героя" (Vorwort) (Предисловие. Ред.).

прекратилась *) крепостническая эксплоатация крестьянства в самых грубых, азиатских формах, когда не только средства производства не принадлежали производителю, но и сами производители очень мало отличались от какого-нибудь „средства производства". Г. Струве очень метко противополагает этому „слащавому оптимизму" резкий отзыв Салтыкова [41]) о связи „народного производства" и крепостного права, о том, как „изобилие" эпохи „вековых устоев" „выпадало только [это заметьте] на долю потомков лейбкампанцев [43]) и прочих дружинников" (83).

Далее, отметим следующее замечание г. Струве, определенно касающееся определенных фактов русской действительности и содержащее чрезвычайно верную мысль. „Когда производители начинают работать не на местный, точно отграниченный, а на отдаленный и неопределенный рынок, и развивается конкуренция, борьба за рынок, то эти условия приводят к техническому прогрессу... Раз возможно разделение труда, оно должно быть проведено как можно шире, но, прежде чем производство реорганизуется в техническом отношении, влияние новых условий обмена (сбыта) скажется в том, что производитель попадет в экономическую зависимость от торговца (скупщика), и в социальном отношении этот момент имеет решающее значение. Это упускают из виду наши „истинные марксисты" в роде г. В. В., ослепленные значением чисто технического „прогресса" (98). Это указание на решающее значение появления скупщика — глубоко верно. Решающим является оно в том отношении, что безусловно доказывает уже наличность капиталистической организации производства, доказывает применимость и к России положения, что „товарное хозяйство — денежное хозяйство — есть хозяйство капиталистическое", создает то подчинение производителя — капиталу, из которого не может быть иного выхода, кроме самодеятельности производителя. „С того момента, что между потребителем и производителем становится капиталист-предприниматель, — а это неизбежно при производстве на широкий и неопределенный рынок, — мы имеем перед собой одну из форм капиталистического производства". И автор справедливо добавляет, что, „если под к у с т а р н ы м производством разуметь такое, при котором производитель, работая на неопределенный и отдаленный рынок,

*) Даже еще нельзя сказать, чтобы окончательно прекратилась. С одной стороны, мы имеем выкупные платежи (а известно, что в них вошла не только цена земли, но и выкуп крепостного права); с другой стороны, например, отработки крестьян за „отрезные земли" — прямое переживание феодального способа производства.

пользуется полной экономической самостоятельностью, то окажется, пожалуй, что этого настоящего кустарного производства в русской действительности почти не имеется". Напрасно только употреблено тут выражение „пожалуй" и будущее время: преобладание домашней системы крупного производства и полнейшего порабощения кустарей скупщикам — общераспространенный и преобладающий факт действительной организации наших кустарных промыслов. Эта организация — не только капиталистическая, но, по верному замечанию автора, это еще организация „чрезвычайно выгодная для капиталистов", обеспечивающая им гигантские барыши, безобразно низкую заработную плату и в высшей степени затрудняющая организацию и развитие рабочих (стр. 99 — 101). Нельзя не отметить, что факт преобладания капиталистической эксплоатации в наших кустарных промыслах известен давным давно, но народники игнорируют его самым беззастенчивым образом. В каждом почти номере их журналов и газет, где идет речь об этом предмете, встретите вы сетования на то, что правительство поддерживает „искусственно" крупный капитализм [вся „искусственность" которого состоит в том, что он крупный, а не мелкий, фабричный, а не кустарный, механический, а не ручной] и ничего не делает для „нужд народной промышленности". С полной наглядностью выказывается тут ограниченность мелкого буржуа, борющегося за мелкий капитал против крупного и упорно закрывающего глаза на бесспорно установленный факт, что и в этой „народной" промышленности существует такая же противоположность интересов и что, следовательно, не в жалких кредитах и т. п. заключается выход. Так как для мелкого хозяина, привязанного к своему хозяйству и боящегося постоянно потерять его, все это представляется чем-то ужасным, какой-то „агитацией" „о справедливом вознаграждении за труд, как будто не сам труд в плодах своих создает это вознаграждение", — то понятно, что единственным представителем трудящейся массы кустарей может быть только производитель, стоящий в „искусственных", „тепличных" условиях фабрично-заводской промышленности *).

Остановимся еще на рассуждении г. Струве о земледелии. Паровой транспорт вынуждает переход к меновому хозяйству, он делает сельско-хозяйственное производство товарным. Товарный же характер производства безусловно требует „его экономической

*) „Весь процесс выражается в том, что мелкое производство (ремесло) одними своими элементами сближается с „капитализмом", другими — с наемным трудом, свободным от средств производства" (стр. 104).

и технической рациональности" (110). Положение это автор считает особенно важным аргументом против народников, которые с торжеством указывают на недоказанность (будто бы) преимуществ крупного производства в земледелии. „Тем, кто опирается на учение Маркса — отвечает им автор — не пристало отрицать значение экономических и технических особенностей сельско-хозяйственного производства, благодаря которым в известных случаях мелкие предприятия имеют экономические преимущества над крупными,— хотя бы сам Маркс и отрицал значение этих особенностей" (111). Очень неясное место. О каких это особенностях говорит автор? Почему не указывает их точно? Почему не указывает, где и как выражал об этом свое мнение Маркс и на каких основаниях признается нужным исправить это мнение?

„Мелкое земледельческое производство — продолжает автор — все больше и больше должно принимать товарный характер и для того, чтобы быть жизнеспособными предприятиями, мелкие земледельческие хозяйства должны удовлетворять общим требованиям экономической и технической рациональности" (111). „Дело вовсе не в том, будут ли мелкие земледельческие предприятия поглощены крупными — такого исхода экономической эволюции вряд ли можно ждать — а в том метаморфозе, которому подвергается все народное хозяйство под влиянием обмена. Народники упускают из виду, что вытеснение натурального хозяйства меновым в связи с констатированным выше „рассеянием промышленности" совершенно изменяет всю структуру общества. Прежнее отношение между земледельческим (сельским) и неземледельческим (городским) населением нарушается в пользу последнего. Самый экономический тип и психический склад сельско-хозяйственных производителей коренным образом изменяется под влиянием новых условий хозяйственной жизни" (114).

Приведенное место поясняет нам, что хотел сказать автор своей тирадой о Марксе, и вместе с тем наглядно иллюстрирует вышесделанное замечание, что догматичный способ изложения, не опирающийся на изображение конкретного процесса, затемняет мысли автора и оставляет их недоговоренными. Положение его о неверности народнических взглядов совершенно правильно, но неполно, потому что не сопровождается указанием на те новые формы классового антагонизма, которые развиваются при этой замене нерационального производства рациональным. Автор, например, ограничивается беглым упоминанием, что „экономическая рациональность" означает „наивысшую ренту" (110), но забывает добавить, что рента предполагает буржуазную организа-

цию земледелия, т. е., во-первых, полное подчинение его рынку, и, во-вторых, образование в земледелии таких же классов буржуазии и пролетариата, которые свойственны и капиталистической индустрии.

Народники, рассуждая о некапиталистической, будто-бы, организации нашего земледелия, ставят вопрос безобразно узко и неправильно, сводя все к вытеснению мелких хозяйств крупными, и только. Г. Струве совершенно справедливо говорит им, что при таком рассуждении они упускают из виду общий характер земледельческого производства, который может быть (и действительно является у нас) буржуазным и при мелком производстве, как является буржуазным хозяйство западно-европейских крестьян. Условия, при которых мелкое самостоятельное хозяйство („народное" — по терминологии российской интеллигенции) становится буржуазным, известны: это, во-первых, господство товарного хозяйства, которое при изолированности *) производителей порождает среди них конкуренцию и, разоряя массу, обогащает немногих; это, во-вторых, превращение рабочей силы в товар и средств производств в капитал, т. е. освобождение производителя от средств производства и капиталистическая организация важнейших отраслей промышленности. При этих условиях мелкий самостоятельный производитель становится в исключительное положение по отношению к массе производителей, — как и у нас сейчас действительно самостоятельные хозяева представляют исключение среди массы, работающей за чужой счет, не имеющей не только „самостоятельного" хозяйства, но даже и жизненных средств на неделю. Положение и интересы самостоятельного хозяина обособляют его от массы производителей, живущих главным образом заработной платой. Между тем, как последние выдвигают вопрос о „справедливом вознаграждении", являющийся по необходимости преддверием коренного вопроса об ином устройстве общественного хозяйства, — первого интересует гораздо живее совсем другое: кредит, и особенно мелкий „народный" кредит, улучшенные удешевленные орудия, „организация сбыта", „расширение землевладения" и т. п.

Самый закон о преимуществе крупных хозяйств над мелкими есть закон только товарного производства и, следовательно, не может быть прилагаем к хозяйствам, не втянутым еще окончательно

*) Понятно, что речь идет о хозяйственной изолированности. Общинное землевладение нимало ее не устраняет. При самых „уравнительных" переделах крестьянин в одиночку хозяйничает на своей полосе, следовательно, является изолированным, обособленным производителем.

тельно в товарное производство, не подчиненным рынку. Поэтому такая аргументация (в которой, между прочим, упражнялся г. В. В.), что упадок дворянских хозяйств после реформы и аренда крестьянами частновладельческих земель опровергает мнение о капиталистической эволюции нашего земледелия,— эта аргументация доказывает только полное непонимание дела у прибегавших к ней. Понятно, что разрушение крепостных отношений, при которых культура была в руках крестьян, вызвало кризис помещиков. Но не говоря уже о том, что этот кризис повел только к применению все в больших и больших размерах труда батраков и поденщиков, сменявшего отживающие формы полуфеодального труда (за отработки),— не говоря уже об этом, самое крестьянское хозяйство стало существенно изменять свой характер: оно вынуждено было работать на рынок, что́ и не замедлило повести к расколу крестьянства на деревенскую мелкую буржуазию и сельский пролетариат. Этот раскол окончательно решает вопрос о капитализме в России. Г. Струве поясняет указанный процесс в V главе, где он замечает: „Мелкий земледелец дифференцируется: развивается, с одной стороны, „экономически крепкое“ крестьянство [надо было сказать: буржуазное], с другой — крестьянство пролетарского типа. Черты народного производства соединяются с капиталистическими в одну картину, над которой явственно значится надпись: чумазый идет“ (стр. 177).

Вот на эту сторону дела, на буржуазную организацию нового, „рационального“ земледелия и следовало обратить внимание. Следовало показать народникам, что, игнорируя указанный процесс, они превращаются из идеологов крестьянства в идеологов мелкой буржуазии. „Поднятие народного производства“, которого они жаждут, может означать, при такой организации крестьянского хозяйства, только „поднятие“ мелкой буржуазии. Напротив, те, кто указывает на производителя, живущего в наиболее развитых капиталистических отношениях, выражают правильно интересы не одного только этого производителя, а и всей гигантской массы „пролетарского“ крестьянства.

Неудовлетворительность изложения у г. Струве, его неполнота и недоговоренность привела к тому, что, говоря о рациональном земледелии, он не характеризовал его общественно-экономической организации, — что, показывая, как паровой транспорт заменяет нерациональное производство рациональным, натуральное товарным, он не характеризовал той новой формы классового антагонизма, которая складывается при этом.

Этот же недостаток в постановке вопросов сказывается на

большей части рассуждений в разбираемых главах. Для иллюстрации приведу еще несколько примеров. Товарное хозяйство — говорит автор — и широкое общественное разделение труда „развиваются, опираясь на институт частной собственности, принципы экономической свободы и чувство индивидуализма“ (91). Прогресс национального производства связан с „мерой господства института частной собственности над обществом“. „Быть может, это печально, но так происходит дело в действительности, это — эмпирически, исторически установленное сосуществование. В настоящее время, когда с таким легкомыслием третируются идеи и принципы XVIII века, при чем в сущности повторяется его же ошибка,— слишком часто забывается эта культурно-историческая связь экономического прогресса с институтом частной собственности, принципами экономической свободы и чувством индивидуализма. Только игнорируя эту связь, можно рассчитывать на то, что без осуществления названных начал возможен для экономически и культурно неразвитого общества хозяйственный прогресс. Мы не чувствуем никакой особенной симпатии к этим началам и прекрасно понимаем их исторически-преходящий характер, но в то же время мы не можем не видеть в них огромной культурной силы, не только отрицательной, но и положительной. Не видеть ее может только идеализм, мнящий себя в своих построениях не связанным никакой исторической преемственностью“ (91).

Автор совершенно прав в своем „объективном“ констатировании „исторических сосуществований“, но тем более досады возбуждает недоговоренность его аргументации. Так и хочется сказать ему: договаривайте же! сводите эти общие положения и исторические справки к определенному периоду нашей русской истории, формулируйте их так, чтобы показать, почему и в чем именно отличается ваше понимание от народнического, сопоставляйте их с той действительностью, которая должна служить критерием для русского марксиста, показывайте классовые противоречия, скрадываемые всеми этими прогрессами и культурами *).

Тот „прогресс“ и та „культура“, которые принесла с собой пореформенная Россия, несомненно, связаны с „институтом частной собственности“— он не только был проведен впервые со всей полнотой созданием нового „состязательного“ гражданского процесса, обеспечившего такое же „равенство“ на суде, которое воплоща-

*) Contra principia negantem disputari non potest — говорит автор о споре с народниками. Это зависит от того, как формулировать эти principia,— как общие ли положения и справки, или как иное понимание таких-то и таких-то фактов русской истории и действительности.

лось в жизни „свободным трудом“ и его продажей капиталу; он был распространен на землевладение как помещиков, избавленных от всех государственных повинностей и обязанностей, так и крестьян, превратившихся в крестьян-собственников; он был положен даже в основание политических прав „граждан“ на участие в местном самоуправлении (ценз) и т. д. Еще более несомненна „связь“ нашего „прогресса“ с „принципами экономической свободы“: мы уже слышали в I главе от нашего народника, как эта „свобода“ состояла в освобождении „скромных и бородатых“ собирателей земли русской от необходимости „смиряться перед малым полицейским чином“. Мы уже говорили о том, как „чувство индивидуализма“ создавалось развитием товарного хозяйства. Сводя вместе все эти черты отечественного прогресса, нельзя не притти к выводу (сделанному и народником 70-х годов), что этот прогресс и культура были сплошь буржуазными. Современная Россия гораздо лучше дореформенной, но так как все это улучшение целиком и исключительно обязано буржуазии, ее агентам и идеологам, то производители им и не воспользовались. Для них эти улучшения означали только перемену формы прибавочного продукта, означали только улучшенные и усовершенствованные приемы освобождения производителя от средств производства. Поэтому гг. народники проявляют самое невероятное „легкомыслие“ и забывчивость, когда с протестом против русского капитализма и буржуазности обращаются к тем, кто именно и был их носителем и проводником. Про них только и можно сказать: „своя своих не познаша“.

Согласиться с такой квалификацией пореформенной России и „общества“ современному народнику будет не под силу. А чтобы оспаривать это, ему пришлось бы отрицать буржуазный характер пореформенной России, отрицать то само, во имя чего поднимался его отдаленный предок, народник 70-х годов, и „шел в народ“ искать „залогов будущего“ у самих непосредственных производителей. Конечно, современный народник не только решится, чего доброго, отрицать это, но и станет, пожалуй, доказывать, что в рассматриваемом отношении произошла перемена к лучшему: но этим он только показал бы всем, кто еще этого не видит, что он не представляет из себя решительно ничего более, как самого обыкновенного маленького буржуа.

Как видит читатель, мне приходится только договаривать положения г. Струве, давать им иную формулировку,—„то же слово да иначе молвить“. Спрашивается, есть ли нужда в этом? Стоит ли останавливаться с такою подробностью на этих дополнениях и выводах? Не резумеются ли они сами собой?

Мне кажется, — стоит, по двум причинам. Во-первых, узкий объективизм автора крайне опасен, так как доходит до забвения граней между старыми, так вкоренившимися в нашей литературе, профессорскими рассуждениями о путях и судьбах отечества, — и точной характеристикой действительного процесса, двигаемого такими-то классами. Этот узкий объективизм, эта невыдержанность марксизма — основной недостаток книги г. Струве, и на нем необходимо особенно подробно остановиться, чтобы показать, что он вытекает именно не из марксизма, а из недостаточного проведения его; не из того, что автор видел иные критерии своей теории, кроме действительности, чтобы он делал другие практические выводы из доктрины (они невозможны, повторяю, немыслимы без искалечения всех главнейших ее положений), а потому, что автор ограничился одной, наиболее общей, стороной теории и не провел ее с полной последовательностью. Во-вторых, нельзя не согласиться с той мыслью, которая высказана автором в предисловии, что прежде чем критиковать народничество на частных вопросах, необходимо было „раскрыть самые основы разногласия“ (VII) посредством „принципиальной полемики“. Но именно для того, чтобы эта цель автора не осталась недостигнутой, и необходимо придать более конкретный смысл почти всем его положениям, необходимо свести его слишком общие указания на конкретные вопросы русской истории и действительности. По всем этим вопросам предстоит еще русским марксистам большая работа „пересмотра фактов“ с материалистической точки зрения, — раскрытия классовых противоречий в деятельности „общества“ и „государства“, за теориями „интеллигенции“, — наконец, работа по установлению связи между всеми отдельными, бесконечно разнообразными, формами присвоения прибавочного продукта в российских „народных“ производствах и той передовой, наиболее развитой капиталистической формой этого присвоения, которая содержит в себе „залоги будущего“ и выдвигает в настоящее время на первый план идею и историческую задачу „производителя“. Поэтому, как бы ни казалась смелой попытка указать решение этих вопросов, сколько изменений, исправлений ни принесло бы дальнейшее, детальное изучение, — все-таки стоит труда наметить конкретные вопросы, чтобы вызвать возможно более общее и широкое обсуждение их.

Кульминационной точкой того узкого объективизма г. Струве, который порождает у него неправильность постановки вопросов, является рассуждение его о Листе [16]), о его „замечательном учении“ насчет „конфедерации национальных производительных сил“, о

важности для сельского хозяйства развития фабричной промышленности, о превосходстве мануфактурно-земледельческого государства над земледельческим и т. п. Автор находит, что это „учение“ чрезвычайно „убедительно говорит об исторической неизбежности и законности капитализма в широком смысле слова“ (123), о „культурно-исторической мощи торжествующего товарного производства“ (124).

Профессорский характер рассуждений автора, как бы поднимающегося выше всяких определенных стран, определенных исторических периодов, определенных классов, сказывается тут особенно наглядно. Как ни смотреть на это рассуждение, — с теоретической ли чисто или с практической стороны, — одинаково правильна будет такая оценка. Начнем с первой. Не странно ли думать, что можно „убедить“ кого бы то ни было в „исторической неизбежности и законности капитализма“ для известной страны абстрактными, догматичными положениями о значении фабричной промышленности? Не ошибка ли ставить вопрос на эту почву, столь любезную либеральным профессорам из „Русского Богатства“? Не обязательно ли для марксиста свести все дело к выяснению того, что́ есть и почему есть именно так, а не иначе?

Народники считают наш капитализм искусственным, тепличным растением, потому что не понимают связи его со всей товарной организацией нашего общественного хозяйства, не видят корней его в нашем „народном производстве“. Покажите им эти связи и корни, покажите, что капитализм господствует в наименее развитой и потому в наихудшей форме и в народном производстве, — и вы докажете „неизбежность“ русского капитализма. Покажите, что этот капитализм, повышая производительность труда и обобществляя его, развивает и выясняет ту классовую, социальную противоположность, которая повсюду сложилась в „народном производстве“, — и вы докажете „законность“ русского крупного капитализма. Что касается до практической стороны этого рассуждения, соприкасающегося с вопросом о торговой политике, то можно заметить следующее. Русские марксисты, подчеркивая прежде всего и сильнее всего, что вопрос о свободе торговли и протекционизме есть вопрос капиталистический, вопрос буржуазной политики, должны стоять за свободу торговли, так как в России с особенной силой сказывается реакционность протекционизма, задерживающего экономическое развитие страны, служащего интересам не всего класса буржуазии, а лишь кучке олигархов-тузов, — так как свобода торговли означает ускорение того процесса, который несет средства избавления от капитализма.

Последний § (XI) III-ей главы посвящен разбору понятия „капитализм“. Автор очень справедливо указывает, что это слово употребляется „весьма вольно“, приводит примеры „очень узкого“ и „очень широкого“ его понимания, но никаких точно определенных признаков не устанавливает; понятие—„капитализм“, несмотря на разбор автора, осталось неразобранным. А между тем, казалось бы, это не должно представить особенного труда, потому что понятие это введено в науку Марксом и им же обосновано фактически. Но г. Струве и тут не желал бы заражаться „ортодоксией“ „Маркс сам — говорит он — представлял себе процесс превращения товарного производства в товарно-капиталистическое, быть может, более стремительным и прямолинейным, чем он есть на самом деле“ (стр. 127, прим.). Быть может. Но так как это единственное представление, обоснованное научно и подкрепленное историей капитала, так как с другими представлениями, „быть может“ менее „стремительными“ и менее „прямолинейными“, мы не знакомы, то мы и обратимся к Марксу. Существенными признаками капитализма, по его учению, являются (1) товарное производство, как общая форма производства. Продукт принимает форму товара в самых различных общественных производственных организмах, но только в капиталистическом производстве такая форма продукта труда является общей, а не исключительной, не единичной, не случайной. Второй признак капитализма—(2) принятие товарной формы не только продуктом труда, но и самим трудом, т. е. рабочей силы человека. Степень развития товарной формы рабочей силы характеризирует степень развития капитализма *).—При помощи этого определения мы легко разберемся в приводимых г. Струве примерах неправильного понимания этого термина. Несомненно, что противопоставление русских порядков капитализму, основанное на технической отсталости нашего народного хозяйства, на преобладании ручного производства и т. п., и так часто приводимое народниками,—совершенно нелепо, ибо капитализм существует и при низкой и при высоко развитой технике, и Маркс много раз подчеркивает в „Капитале“, что капитал сначала подчиняет себе производство таким, каким он его находит, и лишь впоследствии преобразует его технически. Несомненно, что немецкая Hausindustrie (домашняя промышлен-

*) Das Kapital, II Band (1885), S. 93. (Капитал, том II-й, стр. 93 русского издания под ред. И. Степанова. Ред.). — Необходимо оговориться, что Маркс в указанном месте вовсе не дает дефиниции (определения. Ред.) капитализма. Он вообще дефинициями не занимался. Здесь указывается лишь на отношение товарного производства к капиталистическому, о чем в тексте и идет речь

ность. Ред.), русская „домашняя система крупного производства“ представляют из себя капиталистическую организацию промышленности, ибо тут не только господствует товарное производство, но и владелец денег господствует над производителем и присваивает себе сверхстоимость. Несомненно, что любимое народническое противопоставление западноевропейскому капитализму русского „владеющего землей“ крестьянства показывает тоже только непонимание того, что такое капитализм. И на Западе, как совершенно справедливо замечает автор, сохраняется кое-где „полунатуральное хозяйство крестьян“ (124), но этот факт ни на Западе, ни в России не устраняет ни преобладания товарного производства, ни подчинения преобладающего большинства производителей капиталу, — подчинения, которое до своего высшего, предельного развития проходит много ступеней, обыкновенно народниками игнорируемых несмотря на совершенное точное разъяснение дела Марксом. Начинается это подчинение торговым и ростовщическим капиталом, затем переходит в индустриальный капитализм, который в свою очередь сначала является технически совершенно примитивным и ничем не отличается от старых систем производства, затем организует мануфактуру,—которая все еще основывается на ручном труде, покоится на преобладающих кустарных промыслах, не нарушая связи наемного рабочего с землей,—и завершает развитие крупной машинной индустрией. Только последняя, высшая стадия представляет кульминационную точку развития капитализма, только она создает совершенно экспроприированного, свободного как птица, рабочего *), только она порождает (и в материальном и в социальном отношении) то „объединяющее значение“ капитализма, которое народники привыкли связывать с капитализмом вообще, только она противополагает капитализму его „кровное детище“.

Четвертая глава книги: „Прогресс экономический и прогресс социальный“ составляет прямое продолжение третьей главы, относясь к той части книги, которая выдвигает против народников данные „общечеловеческого опыта“. Нам придется тут подробно остановиться, во-первых, на одном неправильном взгляде автора [или неудачном выражении?] насчет последователей Маркса и, вовторых, на формулировке задач экономической критики народничества.

Г. Струве говорит, что Маркс представлял себе переход от капитализма к новому общественному строю в виде резкого па-

*) Народники всегда изображают дело так, что обезземеленный рабочий — необходимое условие капитализма вообще, а не только машинной индустрии.

дения, крушения капитализма. (Он находит, что это дают основание думать „некогорые места“ у Маркса, тогда как на самом деле этот взгляд содержится во всех сочинениях Маркса). Последователи его борются за реформы. В точку зрения Маркса 40-х годов „внесен был важный корректив“: вместо „пропасти“, отделяющей капитализм от нового строя, был признан „целый ряд переходов“.

Мы никак не можем признать это правильным. Никакого „корректива“ (исправления по-русски) ни важного ни неважного не вносили „последователи Маркса“ в его точку зрения. Борьба за реформы нисколько не свидетельствует о „коррективе“, нимало не исправляет учения о пропасти и резком падении, так как эта борьба ведется с открыто и определенно признанной целью — дойти именно до „падения“; а что для этого необходим „целый ряд переходов“ — одного фазиса борьбы, одной ступени ее в следующие, — это признавал и Маркс в 1840-х г.г., говоря в „Манифесте“, что нельзя отделять движение к новому строю от рабочего движения (и, следовательно, от борьбы за реформы), выставляя сам в заключение ряд практических мероприятий.

Если г. Струве хотел указать на развитие точки зрения Маркса, то он, конечно, прав. Но тогда мы видим тут не „корректив“ к его взглядам, а как раз наоборот: проведение, осуществление их

Мы не можем также согласиться с отношением автора к народничеству.

„Наша народническая литература — говорит он — подхватила противопоставление национального богатства и народного благосостояния, прогресса социального, прогресса распределения“ (131).

Народничество не „подхватило“ этого противопоставления, а только констатировало наличность в пореформенной России той же противоположности между прогрессом, культурой, богатством и—освобождением производителя от средств производства, уменьшением доли производителя в продукте народного труда, ростом нищеты и безработицы, которая создала это противопоставление и на Западе.

...„В силу своего гуманного, народолюбивого характера, эта литература сразу решила вопрос в пользу народного благосостояния и, так как некоторые народно-экономические формы (община, артель), повидимому, воплощали в себе идеал экономического равенства и таким образом обеспечивали народное благосостояние, а прогресс производства под влиянием усиленного обмена отнюдь не обещал благоприятствовать этим формам, устраняя их эконо-

мические и психические основы, то народники, указывая на печальный опыт Запада с производственным прогрессом, опирающимся на частную собственность и экономическую свободу, противопоставили товарному хозяйству — капитализму так-называемое „народное производство", гарантирующее народное благосостояние, как общественно-экономический идеал, за сохранение и дальнейшее развитие которого надлежит бороться русской интеллигенции и русскому народу".

В этом рассуждении с полной наглядностью выступают недостатки изложения у г. Струве. Народничество изображается как „гуманная" теория, которая „подхватила" противопоставление национального богатства и народной бедности, „решила вопрос" в пользу распределения, ибо „опыт Запада" „не обещал" народного благосостояния. И автор начинает спорить против такого „решения" вопроса, упуская из виду, что он воюет только против идеалистического и притом наивно-мечтательного облачения народничества, а не против его содержания, упуская из виду, что он самым уже допущением обычной у гг. народников профессорской постановки вопроса делает крупную ошибку. — Как уже было замечено, содержание народничеству дает отражение точки зрения и интересов русского мелкого производителя. „Гуманность и народолюбивость" теории была следствием придавленного положения нашего мелкого производителя, терпевшего жестокие невзгоды и от „старо-дворянских" порядков и традиций и от гнета крупного капитала. Отношение народничества к „Западу" и его влиянию на Россию определилось, конечно, уже не тем, что оно „подхватило" у него ту или иную идею, а условиями жизни мелкого производителя: он видел против себя крупный капитализм, заимствующий западно-европейскую технику *), и, будучи угнетаем им, строил наивные теории, объяснявшие не капиталистическую политику капиталистическим хозяйством, а капитализм — политикой, объявлявшие крупный капитализм чем-то чуждым русской жизни, наносным. Прикрепление к своему отдельному маленькому хозяйству отнимало у него возможность понять истинный характер государства, — и он обращался к нему с просьбой о поддержке и развитии мелкого („народного") производства. Неразвитость классовой противоположности, присущей русскому капиталистическому обществу, породила то, что теория этих идеологов мещанства выступила как представительница интересов труда вообще.

---

*) Ср. вышеприведенную статью в „От. Зап.".

Вместо того, чтобы показать нелепость самой уже постановки вопроса у народников и объяснить их „решение“ этого вопроса материальными условиями жизни мелкого производителя, автор сам в своей постановке вопроса проявляет догматизм, напоминающий о народническом „в ы б о р е“ между экономическим и социальным прогрессом.

„Задачей критики экономических основ народничества ...является... доказать следующее:

1) „Прогресс экономический есть необходимое условие прогресса социального; последний исторически вытекает из первого, и на известной ступени развития между обоими процессами должно явиться и на самом деле является органическое взаимодействие, взаимная обусловленность“ (131).

Вообще говоря, положение это, разумеется, совершенно справедливо. Но оно намечает скорее задачи критики социологических, а не экономических основ народничества: в сущности, это — иная формулировка того учения, по которому развитие общества определяется развитием производительных сил и о котором шла речь в I и II главах. Для критики „э к о н о м и ч е с к и х о с н о в народничества“ этого недостаточно. Надо конкретнее формулировать вопрос, свести его от прогресса вообще к „прогрессу“ капиталистического русского общества, к тем неправильностям в понимании э т о г о прогресса, которые породили смешные народнические сказки о tabula rasa, о „народном производстве“, о беспочвенности русского капитализма и т. д. Вместо того, чтобы говорить: между экономическим и социальным прогрессом должно явиться взаимодействие, — надо указать (или хотя бы наметить) определенные явления социального прогресса в России, у которых народники не видят т а к и х - т о экономических корней *).

2) „Поэтому вопрос об организации производства и степени производительности труда есть вопрос, первенствующий над вопросом о распределении; при известных исторических условиях, когда производительность народного труда и абсолютно и относительно очень низка, первостепенное значение производственного момента сказывается особенно резко“.

---

*) Могут возразить, что я просто забегаю вперед: автор, ведь, сказал, что от общих вопросов намерен постепенно переходить к конкретным, которые он и разбирает в VI-й главе. Но дело в том, что указанная абстрактность критики г. Струве составляет отличительное свойство в с е й его книги, и VI-й главы и даже заключительной части. Нуждается в исправлении у него больше всего именно п о с т а н о в к а в о п р о с о в.

Автор опирается тут на учение Маркса о подчиненном значении распределения. Эпиграфом к IV главе взяты слова его из замечаний на Готскую программу [47]), где Маркс противопоставляет вульгарный социализм — научному, который не придает существенного значения распределению, объясняя общественный строй организацией производственных отношений и считая, что данная организация их уже включает в себе определенную систему распределения. Эта идея, по совершенно справедливому замечанию автора, проникает собой все учение Маркса, и она имеет крайне важное значение для уяснения мещанского содержания народничества. Но вторая половина фразы г. Струве сильно затуманивает ее, особенно благодаря неясному термину „производственный момент". Может, пожалуй, возникнуть недоумение, в каком смысле понимать этот термин. Народник стоит на точке зрения мелкого производителя, объясняющего свои невзгоды крайне поверхностно: тем, что он „беден", сосед скупщик „богат", тем, что „начальство" помогает только крупному капиталу и т. д., одним словом, особенностями распределения, ошибками политики и т. п. Какую же точку зрения противополагает ему автор: точку ли зрения крупного капитала, с презрением смотрящего на мизерное хозяйствование крестьянина-кустаря и гордящегося высокой степенью развития своего производства, своей „заслугой", состоящей в повышении и абсолютно и относительно низкой производительности народного труда? или точку зрения его антипода, который живет уже в отношениях настолько развитых, что не может удовлетвориться ссылками на политику да на распределение, который начинает понимать, что причина лежит глубже — в самой организации (общественной) производства, в самом устройстве общественного хозяйства на началах индивидуальной собственности под контролем и руководством рынка? Такой вопрос естественно мог бы возникнуть у читателя, тем более, что автор иногда употребляет выражение „производственный момент" наряду с выражением „хозяйственность" (см. с. 171: „игнорирование производственного момента" у народников, „доходящее до отрицания всякой хозяйственности"), тем более, что автор иногда соотношением „нерационального" и „рационального" производства заслоняет отношение мелкого производителя и производителя, окончательно уже потерявшего средства производства. Спору нет, что верность изложения автора с объективной стороны от этого не уменьшается; что представить себе дело с точки зрения последнего отношения легко для всякого понимающего антагонистичность капиталистического строя. Но так как общеизвестно, что

именно господа российские народники этого не понимают, то в спорах с ними и желательно видеть больше определенности и договоренности и как можно меньше слишком общих абстрактных положений.

Как мы старались показать на конкретном примере в I главе, все отличие народничества от марксизма состоит в характере критики русского капитализма. Народник для критики капитализма считает достаточным констатировать наличность эксплоатации, взаимодействие между ней и политикой и т. п. Марксист считает необходимым объяснить и связать вместе эти явления эксплоатации как систему известных производственных отношений, как особую общественно-экономическую формацию, законы функционирования и развития которой подлежат объективному изучению. Народник считает достаточным для критики капитализма — осудить его с точки зрения своих идеалов, с точки зрения „современной науки и современных нравственных идей". Марксист считает необходимым проследить со всей подробностью те классы, которые образуются в капиталистическом обществе, считает основательной только критику с точки зрения определенного класса, — критику, основывающуюся не на моральных суждениях „личности", а на точной формулировке действительно происходящего общественного процесса.

Если попытаться, исходя из этого, формулировать задачи критики экономических основ народничества, то они выразились бы примерно таким образом:

Надо доказать, что крупный капитализм в России относится к „народному производству" как вполне развитое явление к неразвитому, как высшая стадия развития капиталистической общественной формации к низшей ее стадии*); — что освобождение производителя от средств производства и присвоение продукта его труда владельцем денег должно быть объяснено как на фабрике, так и в самой хотя бы общинной деревне не политикой, не распределением, а теми отношениями производства, которые необходимо складываются в товарном хозяйстве, тем образованием противоположных по своим интересам классов, которое характе-

*) Анализ экономической стороны должен быть, разумеется, дополнен анализом социальных, юридико-политических и идейных надстроек. Непонимание связи капитализма с „народным производством" порождало у народников идеи о не-классовом характере крестьянской реформы, государственной власти, интеллигенции и т. д. Материалистический анализ, сводя все эти явления к классовой борьбе, должен показать конкретно, что наш русский пореформенный „социальный прогресс" был только следствием капиталистического „экономического прогресса".

ризует капиталистическое общество *); — что та действительность (мелкое производство), которую народники хотят поднять на высшую ступень, минуя капитализм, уже включает в себя капитализм и присущую ему противоположность классов и столкновения их, — но только в наихудшей ее форме, затрудняющей самостоятельную деятельность производителя и что поэтому народники, игнорируя сложившиеся уже социальные противоположности и мечтая об „иных путях для отечества", являются утопистами-реакционерами, так как крупный капитализм только развивает, очищает и выясняет содержание этих противоположностей, существующих в России везде и повсюду.

В непосредственной связи с слишком абстрактной формулировкой задач экономической критики народничества стоит и дальнейшее изложение автора, доказывающего „необходимость" и „прогрессивность" не русского капитализма, а западно-европейского. Не затрагивая непосредственно экономического содержания народнической доктрины, это изложение дает однако много интересного и поучительного. В нашей народнической литературе не раз раздавались голоса недоверия к западно-европейскому рабочему движению. Особенно ярко выразилось это во время последней полемики против марксистов гг. Михайловского и К° („Русское Богатство", 1893—4). Мы еще ничего хорошего не видали от капитализма—писал тогда г. Михайловский **). Нелепость этих мещанских взглядов прекрасно опровергается данными г. Струве, тем

*) „Пересмотр фактов" русской экономической действительности, особенно той, из которой народники почерпают материал для своих институтских мечтаний, т. е. крестьянского и кустарного хозяйства, — должен показать, что причина угнетенного положения производителя лежит не в распределении („мужик беден, скупщик богат"), а в самых уже отношениях производства, в самой общественной организации современного крестьянского и кустарного хозяйства. Отсюда выяснится, что и в „народном" производстве „вопрос об организации производства первенствует над вопросом о распределении".

**) Нельзя не отметить, что в ответе г. Струве г. Михайловский усматривает „влюбленность в себя" у Энгельса, который говорит, что доминирующим, гигантским фактом современности, делающим эту современность лучше всякой другой эпохи, оправдывающим историю ее происхождения, является рабочее движение на Западе.

Этот, просто возмутительный, упрек Энгельсу крайне характерен для оценки современного русского народничества.

Эти господа умеют болтать о „народной правде", умеют разговаривать с нашим „обществом", журя его за неправильный выбор пути для отечества, умеют сладко петь о том, что „либо сейчас, либо никогда" и петь это „10 лет, 20 лет, 30 лет и более", — но абсолютно неспособны понять, какое всеобъемлющее значение имеет самостоятельное выступление тех, во имя кого и пелись эти сладкие песни.

более, что данные эти заимствованы из новейшей буржуазной литературы, которую никак нельзя заподозрить в преувеличении. Цитаты, приводимые автором, показывают, что на Западе все, даже буржуа, видят, что переход капитализма в новую общественно-экономическую формацию неизбежен.

Обобществление труда капитализмом подвинулось так далеко, что даже и в буржуазной литературе громко говорят о необходимости „планомерной организации народного хозяйства". Автор совершенно прав, говоря, что это — „признак времени", признак полного разложения капиталистических порядков. Крайне интересны приводимые им заявления не только буржуазных профессоров, но и консерваторов, вынужденных признать то, что и по сю пору хотят отрицать российские радикалы, — именно, что рабочее движение создано теми материальными условиями, которые порождены капитализмом, а не „просто" культурой или иными политическими условиями.

После всего вышеизложенного, нам едва ли уже есть надобность останавливаться на рассуждении автора, что распределение может прогрессировать только опираясь на рациональное производство Ясно, что смысл этого положения — тот, что только крупный капитализм, основанный на рациональном производстве, ставит производителя в условия, позволяющие ему поднять голову, подумать и позаботиться и о себе и о тех, кто благодаря отсталому производству не находится в этих условиях.

Мы заметим только два слова по поводу такой фразы г. Струве: „Крайне неравномерное распределение, задерживающее экономический прогресс, не создано капитализмом: оно перешло к нему по наследству" от той эпохи, в которой романтики видят молочные реки и кисельные берега (стр. 159). Это верно, если при этом автор хочет сказать только, что и до капитализма было неравномерное распределение, о котором склонны забывать гг. народники. Но это неверно, если отрицать усиление неравномерности капитализмом. При крепостном праве не было и быть не могло такого резкого неравенства между совершенно обнищавшим крестьянином или босяком, — и банковским, железнодорожным, промышленным тузом, которое создано пореформенной капиталистической Россией.

Перейдем к V-й главе. Автор дает тут общую характеристику „народничества, как экономического мировоззрения". „Народники", по мнению г. Струве, „идеологи натурального хозяйства и первобытного равенства" (167).

С такой характеристикой невозможно согласиться. Мы не станем здесь повторять доводов, приведенных в I-ой главе, в пользу того, что народники — идеологи мелкого производителя. Там было уже показано, как именно материальные условия жизни мелкого производителя, его переходное, срединное положение между „хозяевами" и „рабочими", — порождает и непонимание классовых противоречий народниками и странную смесь прогрессивных и реакционных пунктов их программы.

Здесь добавим только, что первой, т. е. прогрессивной, своей стороной русское народничество сближается с западно-европейским демократизмом, и потому к нему целиком приложима гениальная характеристика демократизма, данная свыше 40 лет тому назад по поводу событий французской истории:

„Демократ, представляя мелкую буржуазию, т. е. переходный класс, в котором взаимно притупляются интересы двух классов, — воображает поэтому, что он вообще стоит выше классового антагонизма. Демократы допускают, что против них стоит привилегированный класс, но вместе со всем остальным населением нации они составляют народ. Они стоят за народное право; они представляют народные интересы. Поэтому им нет надобности исследовать интересы и положение различных классов. Им нет надобности слишком строго взвешивать свои собственные средства *)... Если оказывается, что их интересы не заинтересовывают, что их сила есть бессилие, то виноваты тут либо вредные софисты, раскалывающие единый народ на различные важдебные лагери **),... либо все рухнуло из-за какой-нибудь детали исполнения, либо, наконец, непредусмотренная случайность повела на этот раз к неудаче. Во всяком случае демократ выходит из самого позорного поражения настолько же незапятнанным, насколько невинным он туда вошел, выходит с укрепившимся убеждением, что он должен победить, что не он сам и его партия должна оставить старую точку зрения, а, напро-

---

*) Точь в точь российские народники. Они не отрицают, что есть на Руси классы, антагонистичные производителю, но они убаюкивают себя рассуждениями о ничтожности этих „хищников" перед „народом" и не хотят заняться точным исследованием положения и интересов каждого отдельного класса, не хотят разобрать, не переплетаются ли интересы некоторого разряда производителей с интересами „хищников", ослабляя силу сопротивления первых против последних.

**) Для российских народников — виноваты зловредные марксисты, искусственно прививающие капитализм и его классовые антагонизмы к почве, на которой так пышно растут цветы „социального взаимоприспособления" и „солидарной деятельности" (г. В. В. у Струве, с. 161).

тив, обстоятельства должны дорасти до него" (ihm entgegenz reifen haben. Der achtzehnte Brumaire u. s. w., S. 39).

О неправильности той характеристики народников, которая видит в них идеологов натурального хозяйства и первобытного равенства, говорят приведенные самим автором примеры. „Как курьез следует отметить" — говорит г. Струве — „что г. — он до сих пор называет Васильчикова либеральным экономистом" (169). Если брать это наименование по существу, то оно вовсе не курьезно. Васильчиков ставит в свою программу дешевый и широко распространенный кредит. Г. Николай — он не может не видеть, что на почве капиталистического общества, каково русское, кредит только усилит буржуазию, поведет к „развитию и упрочению капиталистических отношений" („Очерки", стр. 77). Васильчиков, как и все народники, своими практическими мероприятиями представляет интересы одной лишь мелкой буржуазии. Курьезно тут разве только то, что г. — он, восседая рядом с публицистами „Русского Богатства", „до сих пор" не видит, что они представляют из себя совершенно таких же маленьких „либеральных экономистов", как и кн. Васильчиков. Теория утопизма легко мирится на практике с мещанскими прогрессами. Еще более подтверждает такую квалификацию народничества Головачев [48]), сознающий бессмысленность поголовного надела и предлагающий „дешевый кредит для рабочего люда". Критикуя эту „изумительную" теорию, г. Струве обращает внимание только на ее теоретическую вздорность, но не замечает как будто ее мелко-буржуазного содержания.

Нельзя не остановиться еще, по поводу V главы, на „законе средних потребностей" г. Щербины [49]). Это важно для оценки мальтузианства [50]) г. Струве, которое рельефно выступает в VI главе. „Закон" состоит в том, что при группировке крестьян по наделу получается очень мало колеблющаяся (по группам) средняя величина потребностей крестьянской семьи (т. е. расходов на разные нужды), причем расходы г. Щербина расчисляет на 1 душу населения.

Г. Струве с удовольствием подчеркивает, что этот „закон" „имеет огромное значение", так как, дескать, подтверждает „общеизвестный" закон Мальтуса, что „благосостояние и размножение населения определяется доступными ему средствами существования".

Непонятно, почему обрадовался этому закону г. Струве. Непонятно, каким образом можно усматривать „закон" да еще с „огромным значением" в расчетах г. Щербины. Очень естественно, что

при не особенно больших различиях в образе жизни отдельных крестьянских семей мы получаем мало колеблющиеся средние, если разобьем крестьян по группам; особенно если за основание при делении на группы возьмем размер надела, не определяющий непосредственно благосостояния семьи (так как надел может быть сдан, а может быть и еще арендована земля) и достающийся одинаково и богатому и бедному крестьянину, владеющим одинаковым числом окладных душ. Расчеты г. Щербины только и доказывают, что он избрал неудачный прием группировки. Если г. Щербина видит тут какой-то открытый им закон, — то это совсем странно. Не менее странно усматривать тут подтверждение закона Мальтуса, как будто бы по величине надела можно было судить о „доступных крестьянину средствах существования", не принимая во внимание ни аренды, ни „заработков", ни экономической зависимости крестьянина от помещика и скупщика. — По поводу этого „закона" г. Щербины (изложение его у г. Щербины показывает, что сам автор „закона" придает невероятно большое значение своим совно ничего не доказывающим средним цифрам) г. Струве говорит: „Народное производство" в данном случае означает просто хозяйство без приложения наемного труда. Что при такой организации хозяйства „прибавочная стоимость" остается в руках производителя, — это бесспорно" (176). И автор указывает, что при низкой производительности труда это не мешает представителю такого „народного производства" жить хуже рабочего. Увлечение мальтузианством привело автора к неточной формулировке выписанного положения. Торговый и ростовщический к а п и т а л подчиняет себе труд в каждой русской деревне и — не обращая производителя в наемного рабочего — отнимает у него не меньше прибавочной стоимости, чем капитал индустриальный берет у работника. Г. Струве справедливо указал выше, что капиталистическое производство наступает с того момента, когда между производителем становится к а п и т а л и с т, хотя бы он только покупал у самостоятельного (по виду) производителя готовый товар (стр. 99 и пр. 2), и из русских „самостоятельных" производителей было бы не легко найти таких, которые не работают на капиталиста (купца, скупщика, кулака и пр.). Одна из самых крупных ошибок народников состоит в том, что они не видят теснейшей и неразрывной связи между капиталистической организацией русского общественного хозяйства и полновластным господством в деревне торгового капитала. Поэтому замечательно верно говорит автор, что „самое словосочетание „народное производство" в том смысле, как его употребляют гг. народники, не отвечает никакому

реальному историческому порядку. У нас в России до 1861 года „народное производство“ было тесно связано с крепостным правом, а затем после 1861 года ускоренным темпом происходило развитие товарного хозяйства, которое не могло не искажать чистоты народного производства“ (177). Когда народник говорит, что принадлежность производителю средств производства — исконное начало русского быта, он просто-на-просто извращает историю в угоду своей утопии, извращает посредством словесного ухищрения: при крепостном праве средства производства давались производителю помещиком для того, чтобы производитель мог отрабатывать на него барщину; надел был как бы натуральной заработной платой,—„исконным“ средством присвоения прибавочного продукта. Разрушение крепостного права вовсе не было „освобождением“ производителя; оно означало только перемену формы прибавочного продукта. Если где нибудь в Англии падение крепостного права создало действительно самостоятельных и свободных крестьян, то наша реформа сразу совершила переход от „позорного“ крепостного прибавочного продукта к „свободной“ буржуазной сверхстоимости.

ГЛАВА IV.

Объяснение некоторых черт пореформенной экономики России у г. Струве.

Последняя (шестая) глава книги г. Струве посвящена самому важному вопросу — экономическому развитию России. Теоретическое содержание ее распадается на следующие отделы: 1) переселение в земледельческой России, его характер и причины; 2) разложение крестьянства, его значение и причины; 3) роль промышленного капитализма в разорении крестьянства; 4) частно-владельческое хозяйство; характер его развития, и 5) вопрос о рынках для русского капитализма. Прежде чем перейти к разбору аргументации г. Струве по каждому из этих вопросов, остановимся на замечаниях его о крестьянской реформе.

Автор заявляет протест против „идеалистического" ее понимания и указывает на потребности государства, которые требовали подъема производительности труда, на в ы к у п, на давление „снизу". Жаль, что автор не договорил своего законного протеста до конца. Народники объясняют реформу развитием в „обществе" „гуманных" и „освободительных" идей. Факт этот несомненен, но о б ъ я с н я т ь им реформу значит впадать в бессодержательную тавтологию, сводя „освобождение" к „освободительным" идеям. Для материалиста необходимо особое рассмотрение с о д е р ж а н и я тех мероприятий, которые во имя идей были осуществлены. Не было в истории ни одной важной „реформы", хотя бы и носившей классовый характер, в пользу которой не приводились бы высокие слова и высокие идеи. Точно также и в крестьянской реформе. Если обратить внимание на действительное содержание произведенных ею перемен, то окажется, что характер их таков: часть крестьян была обезземелена, и — главное — остальным крестьянам, которым была оставлена часть их земли, пришлось в ы к у п а т ь ее как совершенно чужую вещь у помещиков и притом еще выкупать по цене, искусственно поднятой. Такие реформы не только у нас в России, но и на Западе облекались теориями „сво-

боды" и „равенства", и было уже показано в „Капитале", что почвой, взрастившей идеи свободы и равенства, было именно товарное производство. Во всяком случае, как ни сложен был тот бюрократический механизм, который проводил реформу в России, как ни далек он был, повидимому*), от самой буржуазии,— остается неоспоримым, что на почве такой реформы только и могли вырости порядки буржуазные. Г. Струве совершенно справедливо указывает, что ходячее противоположение русской крестьянской реформы—западно-европейским неправильно: „совершенно неверно (в столь общей форме) утверждение, что в Западной Европе крестьяне были освобождены без земли или другими словами, обезземелены законодательным путем" (196). Я подчеркиваю слова: „в столь общей форме", так как обезземеление крестьян законодательным путем — несомненный исторический факт всюду, где была произведена крестьянская реформа, но это факт не всеобщий, ибо часть крестьян, при освобождении от крепостной зависимости, выкупила землю у помещиков на Западе, выкупает и у нас. Только буржуа способны затушевывать этот факт выкупа и толковать о том, будто „освобождение крестьян с землей **) сделало из России tabula rasa" (слова некоего г. Яковлева, „от души приветствуемые" г. Михайловским — см. стр. 10 у П. Струве).

I.

Перейдем к теории г. Струве о „характере перенаселения в земледельческой России". Это — один из самых важных пунктов, в которых г. Струве отступает от „доктрины" марксизма к доктрине мальтузианства. Сущность его взглядов, развиваемых им в полемике против г. Н.—она, состоит в том, что перенаселение в земледельческой России — „не капиталистическое, а, так сказать, простое, соответствующее натуральному хозяйству" ***).

Так как г. Струве говорит, что его возражение г. — ону „вполне совпадает с общим возражением Ф. А. Ланге [51]) против теории отно-

---

*) На самом деле, как было указано выше, этот механизм только и мог служить буржуазии и по своему составу и по своему историческому происхождению.

**) Ежели бы говорить правду, то следовало бы сказать: предоставление части крестьян выкупать у помещиков часть их надельной земли за двойную цену. И даже еще не годится слово „предоставление", потому что за отказ крестьянина от такого „обеспечения наделом" ему грозила порка в волостном правлении.

***) Так формулирует г. Струве в своей статье в Socialpolitisches Centralblatt (1893 № 1, от 2 okt.). Он прибавляет, что не считает этого взгляда „мальтузианским".

сительного перенаселения Маркса" (183, пр.), то мы и обратимся сначала к этому „общему возражению" Ланге для его проверки.

Ланге рассуждает о законе народонаселения Маркса в своем „Рабочем вопросе" в главе V-ой (русский перевод, стр. 142 — 178). Он начинает с основного положения Маркса, что „вообще каждому исторически особенному способу производства соответствует свой собственный закон возрастания народонаселения, имеющий только историческое значение. Абстрактный закон размножения существует только для растений и животных". Ланге говорит на это:

„Да будет нам позволено заметить, что и для растений и животных, строго говоря, не существует никакого „абстрактного" закона размножения, так как вообще абстракция есть только выделение в целом ряде однородных явлений" (143), и Ланге с подробностью разъясняет Марксу, что такое абстракция. Очевидно, что он просто не понял смысла заявления Маркса. Маркс противополагает в этом отношении человека — растениям и животным на том основании, что первый живет в различных, исторически сменяющихся, социальных организмах, определяемых системой общественного производства, а следовательно, и распределения. Условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов, и потому закон народонаселения надо изучать для каждого такого организма отдельно, а не „абстрактно", без отношения к исторически различным формам общественного устройства. Разъяснение Ланге, что абстракция есть выделение общего из однородных явлений, обращается целиком против него самого: мы можем считать однородными условия существования только животных и растений, но никак не человека, раз мы знаем, что он жил в различных по типу своей организации социальных союзах.

Изложивши затем теорию Маркса об относительном перенаселении в капиталистической стране, Ланге говорит: „с первого взгляда может показаться, что эта теория порывает длинную нить, проходящую через всю органическую природу вплоть до человека, что она объясняет основания рабочего вопроса так, как будто бы общие изыскания о существовании, размножении и совершенствовании человеческого рода для нашей цели, т. е. для понимания рабочего вопроса, вполне излишни" (154) *).

*) И в чем могут состоять эти „общие изыскания"? Если они будут игнорировать особенные экономические формации человеческого общества, — они сведутся к банальностям. А если они должны обнять несколько формаций, тогда очевидно, что им должны предшествовать особенные изыскания о каждой формации отдельно.

Нити, проходящей через всю органическую природу вплоть до человека, теория Маркса нимало не прерывает: она требует только, чтобы „рабочий вопрос“ — так как таковой существует лишь в капиталистическом обществе — решался не на основании „общих изысканий“ о размножении человека, а на основании особенных изысканий о законах капиталистических отношений. Но Ланге другого мнения: „в действительности же — говорит он — это не так. Прежде всего ясно, что фабричный труд уже в первых начатках своих предполагает нищету“ (154). И Ланге посвящает полторы страницы доказательствам этого положения, которое очевидно само собой и которое ни на волос не двигает нас вперед: во-первых, мы знаем, что капитализм сам создает нищету еще ранее той стадии его развития, когда производство принимает фабричную форму, ранее того, как машины создают избыточное население; во-вторых, и предшествующая капитализму форма общественного устройства — феодальная, крепостническая, сама создавала свою особую нищету, которую она и передала по наследству капитализму.

„Но даже с таким могучим помощником [т. е. с нуждой] первому предпринимателю лишь в редких случаях удается переманить значительное количество рабочих сил к новому роду деятельности. Обыкновенно дело происходит следующим образом. Из местности, где фабричная промышленность отвоевала уже себе права гражданства, предприниматель привозит с собой контингент рабочих; к нему он присоединяет нескольких бобылей *), не имеющих в данный момент работы, и дальнейшее пополнение наличного фабричного контингента производится уже среди подрастающего юношества“ (156). Два последние слова Ланге пишет курсивом. Очевидно, „общие изыскания о существовании, размножении и совершенствовании человеческого рода“ выразились именно в том положении, что фабрикант набирает новых рабочих из „подрастающего юношества“, а не из увядающей старости. Добрый Ланге на целой странице еще (157) продолжает эти „общие изыскания“, рассказывая читателю, что родители стремятся обеспечить своих детей, — что досужие моралисты напрасно осуждают стремление выбиться из того состояния, в котором родился, что стремиться пристроить детей к собственному заработку — вполне естественно.

---

*) Между прочим: откуда взялись эти „бобыли“? Вероятно, по мнению Ланге, это — не остаток крепостных порядков и не продукт господства капитала, а результат того, что „в народных нравах не укрепилась тенденция добровольного ограничения рождений“ (стр. 157)?

Только преодолев все эти рассуждения, уместные разве в прописях, доходим мы до дела:

„В земледельческой стране, почва которой принадлежит мелким и крупным владельцам, неизбежно возникает, если только в народных нравах не укрепилась тенденция добровольного ограничения рождений, постоянный избыток рабочих рук и потребителей, желающих существовать на произведения данной территории“ (157 — 158). Это чисто мальтузианское положение Ланге просто выставляет, без всяких доказательств. Он повторяет его еще и еще раз, говоря, что „во всяком случае, народонаселение такой страны, хотя бы оно абсолютно и было очень редко, представляет обыкновенно признаки относительного перенаселения“, что „на рынке п о с т о я н н о п р е о б л а д а е т предложение труда, между тем как спрос остается незначительным“ (158), — но все это остается совершенно голословным. Откуда это следует, чтобы „избыток рабочих“ получался действительно „неизбежно“? Откуда явствует связь этого избытка с отсутствием в народных нравах тенденции добровольного ограничения рождений? Не следовало ли, прежде чем рассуждать о „народных нравах“, посмотреть на те производственные отношения, в которых живет этот народ? Представим себе, например, что те мелкие и крупные владельцы, о которых говорит Ланге, были соединены по производству материальных ценностей таким образом: мелкие владельцы получали от крупных земельные наделы на свое содержание и за это работали на крупных барщину, обрабатывая их поля. Представим далее, что эти отношения разрушены, что гуманные идеи до того закружили голову крупным владельцам, что они „освободили своих крестьян с землей“, *т. е.* отрезали у них, примерно, 20% наделов, а за остальные 80% заставили платить покупную цену земли, повышенную вдвое. Понятно, что эти крестьяне, обеспеченные таким образом от „язвы пролетариата“, по-прежнему должны работать на крупных владельцев, чтобы существовать, но работают они теперь уже не по наряду крепостного бурмистра, как прежде, а по свободному договору — следовательно, перебивают друг у друга работу, так как теперь они уже вместе не связаны и каждый хозяйничает за свой счет. Этот порядок перебивания работы неизбежно вытолкнет некоторых крестьян: так как они вследствие уменьшения наделов и увеличения платежей стали слабее по отношению к помещику, то конкуренция их увеличит норму прибавочного продукта, и помещик обойдется меньшим числом крестьян. Сколько бы ни укреплялась в народных нравах тенденция добровольного ограничения рождений, — образование „избытка“ все

давно неизбежно. Рассуждение Ланге, игнорирующее общественно-экономические отношения, служит только наглядным доказательством негодности его приемов. А Ланге ничего не дает еще кроме таких же рассуждений. Он говорит, что фабриканты охотно переносят производство в деревенскую глушь, по той причине, что там „всегда имеется наготове потребное количество детского труда для любого дела“ (161), не исследуя, какая история, какой способ общественного производства создал эту „готовность“ родителей отдавать своих детей в кабалу. Его приемы всего рельефнее выясняются на таком его рассуждении: он цитирует Маркса, который говорит, что машинная индустрия, давая возможность капиталу покупать труд женщин и детей, делает рабочего „работорговцем“.

„Так вот к чему клонилась речь!“ — победоносно восклицает Ланге. — „Но разве можно думать, что рабочий, который из нужды продает свою собственную рабочую силу, так легко перешел бы и к торговле женой и детьми, если бы его и к этому шагу не побуждали, с одной стороны, нужда, а с другой — соблазн?“ (163).

Добрый Ланге довел свое усердие до того, что защищает рабочего от Маркса, доказывая Марксу, что рабочего „толкает нужда“.

...„Да и что иное в сущности представляет собою эта, все дальше развивающаяся нужда, как не метаморфозу борьбы за существование?“ (163).

Вот к каким открытиям приводят „общие изыскания о существовании, размножении и совершенствовании человеческого рода“! Узнаем ли мы хоть что-нибудь о причинах „нужды“, об ее политико-экономическом содержании и ходе развития, если нам говорят, что это — метаморфоза борьбы за существование? Ведь это можно сказать про все, что угодно, и про отношения рабочего к капиталисту, и землевладельца к фабриканту и к крепостному крестьянину и т. д. и т. д. Ничего, кроме подобных бессодержательных банальностей или наивностей, не дает нам попытка Ланге исправить Маркса. Посмотрим теперь, что дает в подкрепление этой поправки последователь Ланге, г. Струве—на рассуждении о конкретном вопросе, именно перенаселении в земледельческой России.

Товарное производство — начинает г. Струве — увеличивает емкость страны. „Обмен проявляет такое действие не только путем полной, технической и экономической, реорганизации производства, но и в тех случаях, когда и техника производства остается на прежней ступени, и натуральное хозяйство удерживает, в общей экономии населения, прежнюю доминирующую роль. Но в этом

случае после короткого оживления совершенно неизбежно наступает „перенаселение“; в нем, однако, товарное производство если и виновато, то только: 1) как возбудитель, 2) как усложняющий момент“ (182). Перенаселение наступило бы и без товарного хозяйства: оно носит некапиталистический характер.

Вот те положения, которые выставляет автор. С самого начала они поражают той же голословностью, какую мы видели у Ланге утверждается, что натурально-хозяйственное перенаселение неизбежно, но не поясняется, каким именно процессом оно создается. Обратимся к тем фактам, в которых автор находит подтверждение своих взглядов.

Данные за 1762 — 1846 год показывают, что население в общем размножалось вовсе не быстро: ежегодный прирост — 1,07 — 1,5%. При этом быстрее размножилось оно, по словам Арсеньева [52]), в губерниях „хлебопашественных“. „Факт“ этот, заключает г. Струве, „чрезвычайно характерен для примитивных форм народного хозяйства, где размножение стоит в непосредственной зависимости от естественного плодородия, зависимости, которую можно, так сказать, осязать руками“. Это — действие „закона соответствия между размножением населения и средствами существования“ (185). „Чем шире земельный простор и чем выше естественное плодородие земли, тем больше естественный прирост населения“ (186). Вывод совершенно бездоказательный: на основании одного того факта, что в губерниях центральной области Европ. России население всего менее возросло с 1790 по 1846 год в Владимирской и Калужской губерниях, строится целый закон о соответствии между размножением населения и средствами существования. Да разве по „земельному простору“ можно судить о средствах существования населения? (Если бы даже и признать, что столь немногочисленные данные позволяют делать общие выводы). Ведь „население“ это не прямо обращало на себя добытые им продукты „естественного плодородия“: оно делилось ими с помещиками, с государством. Не ясно ли, что та или другая система помещичьего хозяйства, — оброк или барщина, размер повинностей и способы их взимания и т. д. — неизмеримо более влияли на величину достающихся населению „средств существования“, чем земельный простор, находившийся не в исключительном и свободном владении производителей? Да мало этого. Независимо от тех общественных отношений, которые выражались в крепостном праве, население связано было и тогда обменом: „отделение обрабатывающей промышленности от земледелия — справедливо говорит автор — т. е. общественное, национальное разделение труда суще-

ствовало и в дореформенную эпоху" (189). Спрашивается, почему же в таком случае должны мы думать, что „средства существования" были менее обильны у владимирского кустаря или прасола, живших на болоте, чем у тамбовского серого земледельца со всем его „естественным плодородием земли"?

Затем г. Струве приводит данные об уменьшении крепостного населения перед освобождением. Экономисты, мнение которых он сообщает, приписывают это явление „упадку благосостояния" (189). Автор заключает:

„Мы остановились на факте уменьшения числа крепостного населения перед освобождением, потому что он — по нашему мнению — бросает яркий свет на экономическое положение России в ту эпоху. Значительная часть страны была... насыщена населением при данных технико-экономических и социально-юридических условиях: последние были прямо неблагоприятны для сколько-нибудь быстрого размножения почти 40% всего населения" (189). При чем же тут „закон" Мальтуса о соответствии размножения со средствами существования, когда крепостнические общественные порядки направляли эти средства существования в руки кучки крупных землевладельцев, минуя массу населения, размножение которой подвергается изучению? Можно ли признать какую-нибудь цену за таким, например, соображением автора, что наименьший прирост оказался или в малоплодородных губерниях со слабым развитием промышленности, или в густо населенных чисто-земледельческих губерниях? Г. Струве хочет видеть в этом проявление „некапиталистического перенаселения", которое должно было бы наступить и без товарного хозяйства, которое „соответствует натуральному хозяйству". Но с таким же, если не с бо́льшим правом можно было бы сказать, что это перенаселение соответствует крепостному хозяйству, что медленный рост населения всего более зависел от того усиления эксплоатации крестьянского труда, которое произошло вследствие роста товарного производства в помещичьих хозяйствах вследствие того, что они стали употреблять барщинный труд на производство хлеба для продажи, а не на свои только потребности. Примеры автора говорят против него: они говорят о невозможности построить абстрактный закон народонаселения, по формуле о соответствии размножения со средствами существования, игнорируя исторически особые системы общественных отношений и стадии их развития.

Переходя к пореформенной эпохе, г. Струве говорит: „в истории населения после падения крепостного права мы видим ту же основную черту, что и до освобождения. Энергия размножения

в общем стоит в прямой зависимости от земельного простора и земельного надела" (198). Это доказывается табличкой, группирующей крестьян по размеру надела и показывающей, что прирост населения тем больше, чем больше размер надела. „Да оно и не может быть иначе при условии натурального, „самопотребительского"... хозяйства, служащего прежде всего для непосредственного удовлетворения нужд самого производителя" (199).

Действительно, если бы это было так, если бы наделы служили прежде всего для непосредственного удовлетворения нужд производителя, если бы они представляли единственный источник удовлетворения этих нужд, — тогда и только тогда можно было бы выводить из подобных данных общий закон размножения. Но мы знаем, что это не так. Наделы служат „прежде всего" для удовлетворения нужд помещиков и государства: они отбираются от владельцев, если эти „нужды" не удовлетворяются в срок; они облагаются платежами, превышающими их доходность. Далее, это — не единственный рессурс крестьянина. Дефицит в хозяйстве — говорит автор — должен превентивно и репрессивно отражаться на населении. Отхожие промыслы, отвлекая взрослое мужское население, сверх того задерживают размножение (199). Но если дефицит надельного хозяйства покрыт арендой или промысловым заработком, то средства существования крестьянина могут оказаться вполне достаточными для „энергичного размножения". Бесспорно, что так благоприятно обстоятельства могут сложиться лишь для меньшинства крестьян, но — при отсутствии специального разбора производственных отношений внутри крестьянства — ни откуда не видно, чтобы этот прирост шел равномерно, чтобы он не вызывался преимущественно благосостоянием меньшинства. Наконец, автор сам ставит условием доказательности своего положения — натуральное хозяйство, а после реформы, по его собственному признанию, широкой волной проникло в прежнюю жизнь товарное производство. Очевидно, что для установления общего закона размножения данные автора абсолютно недостаточны. Мало того — абстрактная „простота" этого закона, предполагающего, что средства производства в рассматриваемом обществе „служат прежде всего для непосредственного удовлетворения нужд самого производителя", дает совершенно неправильное, ничем не доказанное освещение в высшей степени сложным фактам. Например: после освобождения — говорит г. Струве — помещикам выгодно было сдавать крестьянам земли в аренду. „Таким образом, пищевая площадь, доступная крестьянству, т. е. его средства существования увеличились" (200). Это прямолиней-

ное отнесение всей аренды на счет „пищевой площади“ совершенно голословно и неверно. Автор сам указывает, что помещики брали себе львиную долю продукта, производимого на их земле (200), так что еще вопрос, не ухудшала ли такая аренда (за отработки, например) положение арендаторов, не возлагала ли она на них обязательств, приводивших в конце концов к уменьшению пищевой площади. Далее, автор сам указывает, что аренда под силу лишь зажиточным (216) крестьянам, в руках которых она должна являться скорее средством расширения товарного хозяйства, чем укрепления „самопотребительского“. Если бы даже было доказано, что в общем аренда улучшила положение „крестьянства“,— то какое значение могло бы иметь это обстоятельство, когда, по словам самого автора, бедняки разорялись арендами (216) — т. е. это улучшение для одних означало ухудшение для других? В крестьянской аренде, очевидно, переплетаются старые, крепостнические отношения и новые, капиталистические; абстрактное рассуждение автора, не принимающего во внимание ни тех, ни других, не только не помогает разобраться в этих отношениях, а напротив, запутывает дело.

Остается еще одно указание автора на данные, подтверждающие, якобы, его взгляды. Это именно ссылка на то, что „старое слово малоземелье есть только общежитейский термин для того явления, которое наука называет перенаселением“ (186). Автор как бы опирается таким образом на всю нашу народническую литературу, которая бесспорно установила тот факт, что крестьянские наделы „недостаточны“, которая тысячи раз „подкрепляла“ свои пожелания о „расширении крестьянского землевладения“ таким „простым“ соображением: население увеличилось — наделы измельчали — естественно, что крестьяне разоряются. Едва ли однако это избитое народническое рассуждение о „малоземелье“ имеет какое-нибудь научное *) значение, едва ли оно может годиться на что-нибудь иное, кроме как на „благонамеренные речи“ в комиссии по вопросу о безболезненном шествовании отечества по правильному пути. В этом рассуждении за деревьями не видно леса, за внешними контурами явления не видно основного общественно-экономического фона картины. Принадлежность огромного земельного фонда представителям „старо-дворянского“ уклада — с одной стороны, приобретение земли покупкой, с другой — вот тот основной фон, при котором всякое „расширение землевладе-

*) Т. е. это рассуждение совершенно не пригодно для объяснения разорения крестьянства и перенаселения, хотя самый факт „недостаточности“ стоит вне спора, равно как и обострение его вследствие роста населения. Требуется не констатировать факт, а объяснить, откуда он вышел.

ния" останется жалким паллиативом. И народнические рассуждения о малоземелье, и Мальтусовы „законы" о соответствии размножения со средствами существования грешат именно своей абстрактной „простотой", игнорирующей данные, конкретные общественно-экономические отношения.

Этот обзор аргументов г. Струве приводит нас к тому выводу, что положение его, будто перенаселение в земледельческой России объясняется несоответствием размножения со средствами существования, решительно ничем не доказано. Свои аргументы он заключает таким образом: „и вот—перед нами картина натурально-хозяйственного перенаселения, осложненного товарно-хозяйственными моментами и другими важными чертами, унаследованными от социального строя крепостной эпохи" (200). Конечно, про всякий экономический факт, происходящий в стране, которая переживает переход от „натурального" хозяйства к „товарному", можно сказать, что это — явление „натурально-хозяйственное, осложненное товарно-хозяйственными моментами". Можно и наоборот сказать: „товарно-хозяйственное явление, осложненное натурально-хозяйственными моментами", — но все это не в состоянии дать не только „картины", но даже и малейшего представления о том, как именно создается перенаселение на почве данных общественно-экономических отношений. Окончательный вывод автора против г. Н. — она и его теории капиталистического перенаселения в России гласит: „наши крестьяне производят недостаточно пищи" (237).

Земледельческое производство крестьян до сих пор дает продукты, идущие помещикам, получающим чрез посредство государства выкупные платежи, — оно служит постоянным объектом операций торгового и ростовщического капитала, отбирающего громадные доли продукта у преобладающей массы крестьянства, — наконец, среди самого „крестьянства" это производство распределено так сложно, что общий и средний плюс (аренда) оказывается для массы минусом, и всю эту сеть общественных отношений г. Струве разрубает как Гордиев узел абстрактным и голословнейшим решением: „недостаточно производство". Нет, эта теория не выдерживает никакой критики: она только загромождает то, что подлежит исследованию, — производственные отношения в земледельческом хозяйстве крестьян. Мальтузианская формула изображает дело так, как будто перед нами tabula rasa *), а не крепостнические и буржуазные отношения, переплетающиеся в современной организации русского крестьянского хозяйства.

*) — чистое место. Ред.

Разумеется, мы никак не можем удовлетвориться одной критикой взглядов г. Струве. Мы должны еще задаться вопросом: в чем основания его ошибки? и кто из противников (г. Н. — он и г. Струве) прав в своих объяснениях перенаселения?

Г. Н. — он основывает свое объяснение перенаселения на факте „освобождения" массы рабочих вследствие капитализации промыслов. При этом он приводит только данные о росте крупной фабрично-заводской промышленности и оставляет без внимания параллельный факт роста кустарных промыслов, выражающий углубление общественного разделения труда *). Он переносит свое объяснение на земледелие, даже и не пытаясь обрисовать точно его общественно-экономическую организацию и степень ее развития.

Г. Струве указывает в ответ на это, что „капиталистическое перенаселение в смысле Маркса тесно связано с прогрессом техники" (183) и так как он, вместе с г. — оном находит, что „техника" крестьянского „хозяйства почти не прогрессировала" (200), — то он и отказывается признать перенаселение в земледельческой России капиталистическим и ищет других объяснений.

Указание г. Струве в ответ г. Н. — ону правильно. Капиталистическое перенаселение создается тем, что капитал овладевает производством и, уменьшая число необходимых (для производства данного количества продуктов) рабочих, создает излишнее население. Маркс говорит о капиталистическом перенаселении в земледелии следующее:

„Как скоро капиталистическое производство овладевает сельским хозяйством или по мере того, как оно овладевает им,—спрос на сельских рабочих абсолютно уменьшается вместе с накоплением функционирующего в этой области капитала, при чем выталкивание рабочих не сопровождается, как в промышленности не земледельческой, большим привлечением их. Поэтому часть сельского населения постоянно готова перейти в городское или мануфактурное население **). (Мануфактура—здесь в смысле всякой

*) Известен факт роста наших кустарных промыслов и появления массы новых после реформы. Известно также теоретическое объяснение этого факта наряду с капитализацией других промыслов, данное Марксом при объяснении „создания внутреннего рынка для промышленного капитала. [Das Kapital, S Aufl., S. 776 u. ff („Капитал", I том, стр. 768 и след. русского издания под ред. И. Степанова. Р е д.)].

**) Между прочим. Наблюдение этого факта и подало, вероятно, повод Ланге сочинять поправку к теории Маркса, которую он недостаточно понял. Вместо того, чтобы, анализируя этот факт, взять исходным пунктом данный (капиталистический) способ общественного производства и следить за его проявлением в земледелии, он вздумал сочинять из головы разные особенности „народных нравов".

неземледельческой промышленности). Этот источник относительного перенаселения течет таким образом постоянно. Но его постоянное течение предполагает уже в деревне постоянное скрытое перенаселение, размер которого становится виден только тогда, когда отводные каналы открываются необыкновенно широко. В силу этого сельский рабочий вынужден ограничиваться минимумом заработной платы и постоянно стоит одной ногой в болоте пауперизма" (Das Kapital, 2 Aufl., S. 668) **).

Г. Н. — он не доказал капиталистического характера перенаселения в земледельческой России потому, что не поставил его в связь с капитализмом в земледелии: ограничившись беглым и неполным указанием на капиталистическую эволюцию частновладельческого хозяйства, он совершенно упустил из виду буржуазные черты организации крестьянского хозяйства. Г-ну Струве следовало исправить эту неудовлетворительность изложения г. Н. — она, имеющую очень важное значение, ибо игнорирование капитализма в земледелии, его господства и в то же время его слабого еще развития, естественно повело к теории об отсутствии или сокращении внутреннего рынка. Вместо того, чтобы свести теорию г. Н. — она к конкретным данным нашего земледельческого капитализма, г. Струве впал в другую ошибку, отрицая совершенно капиталистический характер перенаселения.

Вторжением капитала в земледельческое хозяйство характеризуется вся пореформенная история. Помещики переходили (медленно или быстро, это — другой вопрос) кв ольнонаемному труду, который получил весьма широкое распространение и определил собой даже характер преобладающей части крестьянских заработков; они повышали технику и вводили в употребление машины. Даже вымирающая крепостническая система хозяйства — отдача крестьянам земли за отработки — подвергалась буржуазному превращению вследствие конкуренции крестьян, поведшей к ухудшению положения съемщиков, к более тяжелым условиям *) и, следовательно, к уменьшению числа рабочих. В крестьянском хозяйстве обнаружилось совершенно ясно разложение крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат. „Богатеи" расширяли запашку, улучшали хозяйство [ср. *В. В.* „Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве"] и вынуждены были прибегать к наемному труду. Все это — давно установленные, общепризнанные

*) См., например, Карышева [53] („Итоги земской статистики", т. II, стр. 266) — указание сборника по Ростовскому-на-Дону уезду на постепенное уменьшение доли крестьян в общине. Там же, глава V, § 9 — о доплатах крестьян трудом при издольной аренде.

**) Капитал", I том, стр. 660—661 русск. изд. под. ред. И. Степанова. Ред.

факты, которые указывает (как сейчас увидим) и сам г. Струве. Возьмем еще для иллюстрации самый обыкновенный в русской деревне случай: „кулак“ оттягал у „общины“, вернее, у сообщинников пролетарского типа, лучший кусок надельной земли и ведет на нем хозяйство трудом и инвентарем тех же „обеспеченных наделом“ крестьян, которые опутаны долгами и обязательствами и привязаны к своему благодетелю — для социального взаимоприспособления и солидарной деятельности — силою излюбленных народниками общинных начал. Его хозяйство ведется, конечно, лучше хозяйства разоренных крестьян и требует гораздо меньше рабочих сравнительно с тем временем, когда этот кусок был в руках нескольких мелких хозяев. Что подобные факты не единичны, а всеобщи,— этого ни один народник отрицать не может. Самобытность их теорий состоит только в том, что они не хотят назвать эти факты их настоящим именем, не хотят видеть, что они означают господство капитала в земледелии. Они забывают, что первичной формой капитала всегда и везде был капитал торговый, денежный, что капитал всегда берет технический процесс производства таким, каким он его застает, и лишь впоследствии подвергает его техническому преобразованию. Они не видят поэтому, что, „отстаивая“ (словами, разумеется,— не более того) современные земледельческие порядки от „грядущего“ (?!) капитализма, они отстаивают только средневековые формы капитала от натиска его новейших, чисто буржуазных форм.

Таким образом нельзя отрицать капиталистического характера перенаселения России, как нельзя отрицать господства капитала в земледелии. Но совершенно нелепо, разумеется, игнорировать степень развития капитала, как это делает г. Н.— он, который в своем увлечении представляет его почти завершившимся, и потому сочиняет теорию о сокращении или отсутствии внутреннего рынка, тогда как на самом деле капитал, хотя уже и господствует, но в очень неразвитой сравнительно форме; до полного развития, до полного отделения производителя от средств производства еще много промежуточных ступеней, и каждый шаг вперед земледельческого капитализма означает рост внутреннего рынка, который, по теории Маркса, именно земледельческим капитализмом и создается,— который в России не сокращается, а напротив, складывается и развивается.

Далее, мы видим из этой, хотя бы и самой общей, характеристики нашего земледельческого капитализма *), что он не покры-

*) О нем будет подробнее говориться ниже, по отношению к крестьянам и помещикам отдельно.

вает собой в с е х общественно-экономических отношений в деревне. Рядом с ним мы видим все еще и крепостнические отношения — и в хозяйственной области (напр., сдача отрезных земель за отработки и взносы натурой — тут на-лицо все признаки крепостнического хозяйства: и натуральный „обмен услуг" между производителем и владельцем средств производства, и эксплоатация производителя посредством п р и к р е п л е н и я его к земле, а не отделения от средств производства), и еще более в социальной и юридико-политической „(обязательное обеспечение наделом", прикрепление к земле, т. е. отсутствие свободы передвижения, платеж выкупных, т. е. того же оброка помещику, подчинение привилегированным землевладельцам в области суда и управления и т. д.); эти отношения тоже ведут, несомненно, к разорению крестьян и к безработице, „перенаселению" прикрепленных к земле батраков. Капиталистическая основа современных отношений не должна скрывать этих все еще могущественных остатков „стародворянского" наслоения, которые е щ е н е р а з р у ш е н ы капитализмом именно вследствие его неразвитости. Неразвитость капитализма, „отсталость России", которую народники считают „счастьем" *), является „счастьем" только для эксплоататоров благородного звания. В современном „перенаселении" кроме основных капиталистических черт есть, следовательно, еще крепостнические.

Если мы сравним это последнее положение с положением г-на Струве о том, что в „перенаселении" есть натурально-хозяйственные и товарно-хозяйственные черты, то увидим, что первое не исключает второго, а, напротив, включается в него: крепостное право относится к явлениям „натурально-хозяйственным", капитализм—к „товарно-хозяйственным". Положение г-на Струве, с одной стороны, точно не указывает, какие именно о т н о ш е н и я натурально-хозяйственные и какие товарно-хозяйственные, а с другой стороны, ведет нас назад к голословным и бессодержательным „законам" Мальтуса.

Из этих недостатков естественно вытекла неудовлетворительность последующего изложения. „Каким же образом,— спрашивает автор, — на каких началах м о ж е т быть реорганизовано наше народное хозяйство?" (202). Странный вопрос, формулированный опять-таки совершенно по-профессорски, совершенно так, как привыкли ставить вопросы г.г. народники, констатирующие неудовлетворительность настоящего и выбирающие лучшие пути для отечества. „Наше народное хозяйство" есть капиталистиче-

*) Г. Южаков „Р. Богатство".

ское хозяйство, организация и „реорганизация“ которого определяется буржуазией, „заведующей“ этим хозяйством. Вместо вопроса о возможной реорганизации и следовало поставить вопрос о последовательных ступенях развития этого буржуазного хозяйства,— следовало с точки зрения той именно теории, во имя которой автор так прекрасно отвечает г-ну В. В., аттестующему г. Н. — она „несомненным марксистом“, что этот „несомненный марксист“ понятия не имеет о классовой борьбе и о классовом происхождении государства. Изменение постановки вопроса в указанном смысле гарантировало бы автора от таких сбивчивых рассуждений о „крестьянстве“, которые мы читаем на стр. 202—204.

Автор начинает с того, что крестьянству недостаточно надельной земли, что если оно и покрывает этот недостаток арендой, то „у значительной части его“ тем не менее всегда бывает дефицит; говорить о крестьянстве, как о целом, нельзя, ибо это значит говорить о фикции*) (стр. 203). И непосредственно из этого выводится:

„Во всяком случае, недостаточное производство — основной, доминирующий факт нашего народного хозяйства“ (стр. 204). Совершенно голословно и ни в какой связи не стоит с предыдущим: почему „основным, доминирующим фактом“ не является тот, что крестьянство как целое есть фикция, ибо внутри его складываются враждебные классы? Автор делает свой вывод без всяких данных, без всякого анализа фактов, относящихся к „недостаточному производству“ [которое однако не мешает меньшинству обзаводиться достатком на счет большинства] или к расчленению крестьянства,— просто в силу какого-то предубеждения в пользу мальтузианства.—„Поэтому,— продолжает он,— увеличение производительности земледельческого труда прямо выгодно и благодетельно для русского крестьянства“ (206). Мы в недоумении: сейчас только автор выставил против народников серьезное (и в высшей степени справедливое) обвинение за рассуждения о „фикции“— „крестьянстве“ вообще, а теперь сам вводит в свой анализ эту фикцию! Если отношения внутри этого „крестьянства“ таковы, что меньшинство становится „экономически крепким“, а большинство пролетаризуется, если меньшинство расширяет землевладение и богатеет, а большинство имеет всегда дефицит и разоряется, то каким образом можно говорить о „выгодности и благодетельности“ процесса вообще? Вероятно, автор хотел сказать, что про-

*) „Главный недостаток рассуждений г. Голубева [51]) в его замечательных статьях состоит именно в том, что он никак не может отделаться от этой фикции“ (203).

цесс выгоден и для той и для другой части крестьянства. Но тогда, во-первых, он должен был разобрать положение каждой отдельной группы и исследовать его особо, а во-вторых, при наличности антагонизма между группами, необходимо было определенно установить, с точки зрения к а к о й группы говорится о „выгодности и благодетельности". Неудовлетворительность, недоговоренность объективизма г-на Струве еще и еще раз подтверждается на этом примере.

Так как г. Н.— он по данному вопросу держится противного мнения, утверждая, что „увеличение производительности земледельческого труда *), если продукты будут производиться в виде товара, не может служить к поднятию народного благосостояния" („Очерки", стр. 266),— то г. Струве и переходит теперь к опровержению этого мнения.

Во-первых, говорит он, тот крестьянин, на которого современный кризис обрушился всей своей тяжестью, производит хлеб для собственного потребления; он не продает хлеб, а прикупает его. Для такого крестьянина — а их до 50% (однолошадные и безлошадные) и уже никак не менее 25% (безлошадные) — увеличение производительности труда во всяком случае выгодно, несмотря на понижение цены хлеба.

Да, конечно, увеличение производительности было бы для такого крестьянина выгодно, если бы он мог удержать свое хозяйство и поднять его на высшую ступень. Но ведь этих-то условий и нет у однолошадных и безлошадных крестьян. Им не под силу удержать теперешнее свое хозяйство, с его примитивными орудиями, с небрежной обработкой почвы и т. д., а не то чтобы повышать технику. Это повышение техники является результатом роста товарного хозяйства. И если уже на данной ступени развития товарного производства продажа хлеба является необходимостью даже для тех крестьян, которым приходится прикупать хлеб, то последующая ступень сделает эту продажу еще более обязательной (автор сам признает необходимость перехода от натурального хозяйства к товарному), и конкуренция повысивших культуру хозяев неминуемо и немедленно экспроприирует его до конца, обратит из пролетария, прикрепленного к земле, в пролетария, свободного как птица. Я вовсе не хочу сказать, чтобы такая перемена была д л я н е г о невыгодна. Напротив, раз производитель уже попал в лапы капитала — а это бесспорно совершившийся факт по отношению к рассматриваемой группе кре-

*) „Как бы ни было" оно „желательно и необходимо",— добавляет г. Н.— он

стьянства — ему весьма „выгодна и благодетельна“ полная свобода позволяющая менять хозяев, развязывающая ему руки. Но полемика г.г. Струве и Н. — она ведется совсем не в области таких соображений.

Во-вторых, продолжает г. Струве, г. Н. — он „забывает, что повышение производительности земледельческого труда возможно только путем изменений в технике и в системе хозяйства или полеводства“ (206). Действительно, г. Н. — он забывает это, но это соображение только усилит положение о неизбежности окончательной экспроприации несостоятельных крестьян, крестьян „пролетарского типа“. Для изменения техники к лучшему нужны свободные денежные средства, а у этих крестьян нет даже продовольственных средств.

В-третьих — заключает автор — не прав г. Н. — он, утверждая, что повышение производительности земледельческого труда заставит конкурентов понизить цену. Для такого понижения — справедливо говорит г. Струве — необходимо, чтобы производительность нашего земледельческого труда не только догнала западно-европейскую [в этом случае мы будем продавать продукт по уровню общественно-необходимого труда], но и перегнала ее. — Это возражение вполне основательно, но оно ничего еще не говорит о том, для какой именно части „крестьянства“ и в силу чего будет выгодно это повышение техники.

„Вообще г. Н. — он напрасно так боится увеличения производительности земледельческого труда“ (207). Происходит это у него, по мнению г. Струве, оттого, что он не может себе иначе представить прогресс сельского хозяйства, как в виде прогресса экстенсивного земледелия, сопровождающегося все большим и большим выталкиванием рабочих машинами.

Автор очень метко характеризует отношение г. Н.—она к росту земледельческой техники словом: „боязнь“; он совершенно прав, что эта боязнь—нелепа. Но его аргументация затрогивает, кажется нам, не основную ошибку г. Н.—она.

Г. Н. — он, придерживаясь будто бы со всей строгостью доктрины марксизма, резко отличает тем не менее капиталистическую эволюцию земледелия в капиталистическом обществе от эволюции обрабатывающей промышленности, — различает в том отношении, что для последней он признает прогрессивную работу капитализма, обобществление труда, а для первой не признает. Поэтому для обрабатывающей промышленности он „не боится“ увеличения производительности труда, а для земледелия — „боится“, хотя общественно-экономическая сторона дела и отра-

жение этого процесса на разных классах общества совершенно одинаковы в обоих случаях... Маркс выразил это положение особенно рельефно в следующем замечании: „Филантропические английские экономисты, как Милль, Роджерс, Гольдвин Смит, Фаусетт [55]) и т. д., и либеральные фабриканты, как Джон Брайт [56]) и К°, спрашивают английских поземельных аристократов, как Бог спрашивал Каина о его брате Авеле, — куда девались тысячи наших крестьян? — Да откуда же вы-то произошли? Из уничтожения этих крестьян. И почему вы не спрашиваете, куда девались самостоятельные ткачи, прядильщики, ремесленники?" („Das Kapital", I, S. 780, Anm. 237) *). Последняя фраза наглядно отождествляет судьбу мелких производителей в земледелии с судьбой их в обрабатывающей промышленности, подчеркивает образование классов буржуазного общества в обоих случаях **). Основная ошибка г. Н. — она состоит именно в том, что он игнорирует эти классы, их образование в нашем крестьянстве, не задается целью проследить со всей точностью каждую последовательную ступень развития противоположности этих классов.

Но г. Струве совсем не так ставит вопрос. Он не только не исправляет указанной ошибки г. Н. — она, а, напротив, сам повторяет ее, рассуждая с точки зрения профессора, стоящего над классами, о „выгодности" прогресса для „крестьянства". Это покушение подняться выше классов приводит к крайней туманности положений автора, туманности, доходящей до того, что из них могут быть сделаны буржуазные выводы: против неоспоримо верного положения, что капитализм в земледелии (как и капитализм в индустрии) ухудшает положение производителя — он выдвигает положение о „выгодности" этих изменений вообще. Это все равно, как если бы кто-нибудь, рассуждая о машинах в буржуазном обществе, стал опровергать теорию экономиста-романтика, что они ухудшают положение трудящихся, доказательствами „выгодности и благодетельности" процесса вообще.

На соображение г-на Струве народник, вероятно, ответит: г. Н.—он боится не увеличения производительности труда, а буржуазности.

Что прогресс техники в земледелии при наших капиталистических порядках связан с буржуазностью, — это несомненно, но „боязнь", проявляемая народниками, разумеется, совершенно нелепа. Буржуазность — уже факт действительной жизни, труд под-

*) „Капитал", I том, стр. 773, прим. 284 русск. изд. под ред. И. Степанова. Ред.

**) См. особенно параграф 4 главы XXIV: „Генезис капиталистических арендаторов". SS. 773 — 776 (стр. 766 — 768 русск. изд. под ред. И. Степанова. Ред.).

чинен капиталу уже и в земледелии, — и „бояться“ надо не буржуазности, а отсутствия сознания этой буржуазности у производителя, отсутствия у него способности отстаивать свои интересы против нее. Поэтому надо желать не задержки развития капитализма, а, напротив, полного его развития, развития до конца.

Чтобы подробнее и точнее указать основания той ошибки, которую допустил г. Струве, трактуя о земледелии в капиталистическом обществе, попробуем обрисовать (в самых общих чертах) процесс образования классов рядом с теми изменениями в технике, которые подали повод к рассуждению. Г. Струве различает при этом строго экстенсивное земледелие и интенсивное, усматривая корень заблуждений г. Н.— она в том, что он кроме экстенсивного земледелия не хочет ничего знать. Мы постараемся доказать, что **основная** ошибка г. Н.— она не в этом, что, при переходе земледелия в интенсивное, образование классов буржуазного общества в сущности однородно с тем, которое происходит при развитии экстенсивного земледелия.

Об экстенсивном земледелии говорить много не приходится, потому что и г. Струве признает, что тут получается выталкивание буржуазией „крестьянства“. Отметим только два пункта. Во-первых. Прогресс техники вызывается товарным хозяйством; для осуществления его необходима наличность у хозяина свободных, избыточных [по отношению к его потреблению и воспроизведению его средств производства] **денежных** средств. Откуда могут взяться эти средства? Очевидно, они не могут взяться ни откуда, кроме как из того, что обращение: товар — деньги — товар превратится в обращение: деньги — товар — деньги с плюсом. Другими словами, средства эти могут взяться исключительно от капитала, **от торгового и ростовщического капитала**, от тех самых „коштанов, кулаков, купцов“ и т. д., которых наивные российские народники относят *не* к капитализму, *а* к „хищничеству“ (как будто капитализм не есть хищничество, как будто русская действительность не показывает нам взаимной связи всевозможных форм этого „хищничества“ — от самого примитивного и первобытного кулачества до самого новейшего, рационального предпринимательства!) *). Во-вторых, отметим

*) Есть у г.г. народников еще один, весьма глубокий, прием затушевывать корни нашего промышленного капитализма в „народном производстве“, т.-е. в „народном“ ростовщичестве и кулачестве. Кулак несет свои „сбережения“ в государственный банк; вклады его позволяют банку, опираясь на рост народного богатства, народных сбережений, народной предприимчивости, народной кредитоспособности, занять денег у англичанина. Занятые деньги „государство“ обращает на помощь...—

странное отношение г. Н.— она к этому вопросу. В примечании 2-м на стр. 233-й он опровергает автора „Южно-русского крестьянства“ В. Е. Постникова, который указывает, что машины повысили рабочую площадь крестьянского двора ровно вдвое, с 10 дес. до 20 дес. на рабочего, и что поэтому причина „бедности России“ — „малый размер крестьянского хозяйства“. Другими словами: рост техники в буржуазном обществе ведет к экспроприации мелких и отсталых хозяйств. Г. Н.— он возражает: завтра техника может еще втрое повысить рабочую площадь. Тогда 60-десятинные хозяйства надо будет превратить в 200 или 300-десятинные. — Такой аргумент против положения о буржуазности нашего земледелия так же смешон, как если бы кто-нибудь стал доказывать слабость и бессилие фабричного капитализма на том основании, что сегодняшнюю паровую машину придется „завтра“ заменить электрической. „Также остается неизвестным, куда деваются миллионы освободившихся рабочих сил“ — добавляет г. Н.— он, призывая на суд перед собой буржуазию и забывая, что судить-то ее некому, кроме самого производителя. Образование резервной армии безработных — такой же необходимый результат применения машин в буржуазном земледелии, как и в буржуазной индустрии.

Итак, по отношению к развитию экстенсивного земледелия нет сомнения, что прогресс техники при товарном хозяйстве ведет к превращению „крестьянина“ в фермера, с одной стороны (понимая под фермером предпринимателя, капиталиста в земледелии),— в батрака и поденщика, с другой. Посмотрим теперь на тот случай, когда экстенсивное земледелие переходит в интенсивное. Г. Струве именно от этого процесса ждет „выгод“ для „крестьянина“. Чтобы устранить спор о пригодности того материала, по которому мы описываем этот переход, воспользуемся сочинением: „Влияние парового транспорта на сельское хозяйство“ г-на А. И. Скворцова*) [53]), которого так безмерно восхваляет г. Струве.

какая недальновидная политика! какое печальное игнорирование „современной науки“ и „современных нравственных идей“! —...к а п и т а л и с т а м. Спрашивается теперь, неужели не ясно, что ежели бы государство обращало эти деньги (капиталистов) не на капитализм, а на „народное производство“, — то у нас на Руси был бы не капитализм, а „народное производство“?

*) В нашей литературе принято относить его к марксистам. На это так же мало оснований, как и на зачисление в марксисты г-на Н.— она. Г. А. Скворцов тоже не знаком с учением о классовой борьбе и классовом характере государства. Его практические предложения в „Экономических этюдах“ ничем не отличаются от обыкновенных буржуазных предложений. Если он гораздо трезвее смотрит на русскую действительность, чем г.г. народники, то на этом о д н о м основании следовало бы зачислять в марксисты и г. Б. Чичерина и многих других

В главе 3-ей отдела IV своей книги г. А. Скворцов рассматривает „изменение техники земледелия под влиянием парового транспорта“ в странах экстенсивных и интенсивных. Возьмем описание этого изменения в густо населенных экстенсивных странах. Можно думать, что центральная Европейская Россия подойдет под такую характеристику. Г. Скворцов предсказывает для такой страны те же изменения, которые неминуемо должны произойти, по мнению г. Струве, и в России, именно: превращение в страну интенсивного земледелия с развитым фабричным производством.

Последуем за г. А. Скворцовым (§§ 4—7, стр. 440—451).

Страна экстенсивная*). Весьма значительная часть населения занята земледелием. Однообразие занятий вызывает отсутствие рынка. Население бедно, во-первых, вследствие малого размера хозяйства и, во-вторых, вследствие отсутствия обмена: „удовлетворение остальных потребностей, кроме пищи, производимой самим земледельцем, совершается, можно сказать, исключительно на счет произведений первобытного ремесла, так называемого у нас кустарного промысла“.

Проведение железной дороги повышает цену земледельческих продуктов и, следовательно, увеличивает покупательную силу населения. „Вместе с железной дорогой страна наводняется дешевыми произведениями мануфактур и фабрик“, которые разоряют местных кустарей. Это — первая причина „крушения многих хозяйств“.

Вторая причина того же явления — неурожаи. „Земледелие также велось до сих пор первобытным способом, т.-е. всегда нерационально, и, следовательно, неурожаи составляют нередкое явление, а с проведением железной дороги вздорожание продукта бывшее прежде последствием неурожая, или совсем не имеет места, или, во всяком случае, значительно уменьшается. Поэтому естественным последствием первого же неурожая здесь является обыкновенно крушение многих хозяйств. Такой результат является тем скорее, чем вообще меньше были избытки нормальных урожаев и чем более население должно было полагаться на заработок от кустарных промыслов“.

Для того, чтобы обойтись без кустарных промыслов и обес-

*) Г. А. Скворцов указывает, что обыкновенно под экстенсивной страной разумеют малонаселенную (стр. 439, пр.). Он считает это определение неправильным, указывая следующие признаки экстенсивности: 1) сильные колебания урожаев; 2) однообразие культур и 3) отсутствие внутренних рынков, т.-е. больших городов, концентрирующих в себе обрабатывающую промышленность.

печить себя от неурожаев переходом к интенсивному (рациональному) земледелию,—необходимы, во-первых, большие избытки денежных средств (от продажи по более высоким ценам земледельческих продуктов) и, во-вторых, интеллигентная сила населения, без которой невозможно повышение рациональности и интенсивности. У массы населения, конечно, этих условий нет: им удовлетворяет лишь меньшинство *).

„Избыточное население, образовавшееся таким образом [т.-е. вследствие „ликвидации" многих хозяйств, разоренных падением кустарных промыслов и более высокими требованиями от земледелия], частью будет поглощено теми хозяйствами, которые выйдут из этого положения более счастливо и будут иметь возможность увеличить интенсивность производства" — (т.-е., конечно, будут „поглощены" в качестве наемных рабочих, батраков и поденщиков. Г. А. Скворцов не говорит этого, считая, может быть, что это слишком ясно). Потребуется большая затрата живой силы, ибо близость рынка, достигаемая улучшенными путями сообщения, дает возможность производить трудно транспортируемые продукты, „производство которых по большей части требует значительной затраты живой рабочей силы". „Обыкновенно, однако,—продолжает г. Скворцов,—процесс разрушения идет гораздо быстрее процесса улучшения сохранившихся хозяйств, и часть разоренных хозяев должна выселиться если не вон из страны, то, по крайней мере, в города. Эта-то часть составила главный контингент прироста населения европейских городов со времени проведения железных дорог".

Далее. „Избыток населения означает дешевые рабочие руки". „При плодородной почве (и благоприятном климате...) здесь даны все условия для культуры растений и вообще производства земледельческих продуктов, требующих большого расхода рабочей силы на единицу пространства" (443), тем более, что мелкие размеры хозяйств („хотя они, быть может, и увеличатся против прежнего") затрудняют введение машин. „Рядом с этим не останется без изменений и основной капитал, и прежде всего должен изменить свой характер мертвый инвентарь". И помимо машин „необходимость лучшей обработки почвы поведет к замене прежних первобытных орудий более совершенными, к замене дерева железом и сталью. Это преобразование необходимо вызовет образо-

*) „Для такой страны (насыщенной населением при данной степени хозяйственной культурности) мы должны допустить, что, с одной стороны, малые избытки, с другой—низкая образовательная ступень населения заставляет, при изменившихся условиях, многие хозяйства притти к ликвидации" (442).

вание здесь фабрик, занятых приготовлением таких орудий, ибо они не могут быть изготовляемы сколько-нибудь сносно кустарным путем". Развитию этой отрасли промышленности благоприятствуют следующие условия: 1) необходимость получить машину или часть ее в скором времени; 2) „рабочих рук здесь изобилие и они дешевы"; 3) топливо, постройки и земля дешевы; 4) „мелкость хозяйственных единиц ведет к тому, что потребление орудий увеличивается, ибо известно, что мелкие хозяйства требуют относительно больше инвентаря". Развиваются и производства иного рода. „Вообще развивается городская жизнь". Развиваются в силу необходимости горные промыслы, „так как, с одной стороны, является масса свободных рук, а с другой — благодаря железным дорогам и развитию перерабатывающей машинной и другой промышленности усиливается запрос на продукты горного промысла".

„Таким образом, такой район, бывший до проведения железной дороги густонаселенным районом экстенсивного земледелия, более или менее быстро обращается в район очень интенсивного земледелия с более или менее развитым фабричным производством". Увеличение интенсивности проявляется изменением системы полеводства. Трехполье невозможно вследствие колебания урожаев. Необходим переход к „плодосменной системе полеводства", устраняющий колебания урожаев. Конечно, полная плодосменная система*), требующая очень высокой интенсивности, не может войти в употребление сразу. Сначала поэтому введется зерновой плодосменный севооборот [правильное чередование растений], разовьется скотоводство, посев кормовых трав.

„В конце концов, следовательно, наш густонаселенный экстенсивный район более или менее быстро, по мере развития путей сообщения, превратится в район высоко-интенсивного хозяйства, при чем интенсивность его, как сказано, будет расти прежде всего на счет увеличения переменного капитала".

Это подробное описание процесса развития интенсивного хозяйства показывает наглядно, что и в этом случае прогресс техники при товарном производстве ведет к буржуазному хозяйству, раскалывает непосредственного производителя на фермера, пользующегося всеми выгодами от интенсивности, улучшения орудий и т. д., — и рабочего, доставляющего своей „свободой"

*) Признаки ее: 1) вся земля обращается в пашню; 2) пар, по возможности, исключается; 3) в севообороте правильно чередуются растения; 4) возможно тщательная обработка; 5) стойловое содержание скота.

и своей „дешевизной“ самые „благоприятные условия“ для „прогрессивного развития всего народного хозяйства“.

Основная ошибка г. Н.— она не в том, что он игнорирует интенсивное земледелие, ограничиваясь одним экстенсивным, а в том, что он вместо анализа классовых противоречий в области русского земледельческого производства угощает читателя бессодержательными ламентациями, что „мы“ идем неверным путем. Г. Струве повторяет эту ошибку, заслоняя классовые противоречия „объективными“ рассуждениями, и исправляет лишь второстепенные ошибки г. Н.— она. Это тем более странно, что сам же он совершенно справедливо упрекает этого „несомненного марксиста“ в непонимании теории классовой борьбы. Это тем более досадно, что такой ошибкой г. Струве ослабляет доказательное значение своей совершенно верной мысли, что „боязнь“ технического прогресса в земледелии нелепа.

Чтобы покончить с этим вопросом о капитализме в земледелии, резюмируем вышеизложенное. Как ставит вопрос г. Струве? Он исходит из априорного, голословного объяснения перенаселения несоответствием размножения со средствами существования, указывает далее, что производство пищи у нашего крестьянина „недостаточно“, и решает вопрос тем, что прогресс техники выгоден для „крестьянства“, что „земледельческая производительность должна быть повышена“ (211). Как должен он был поставить вопрос, если бы был „связан доктриной“ марксизма? Он должен был *начать* с анализа данных производственных отношений в русском земледелии и — показавши, что угнетение производителя объясняется не случайностью и не политикой, а господством *капитала*, необходимо складывающегося на почве товарного хозяйства,— следить, далее, за тем, как этот капитал разрушает мелкое производство и какие формы при этом принимают классовые противоречия. Он должен был затем показать, как дальнейшее развитие ведет к тому, что капитал перерастает из торгового в индустриальный (принимая такие-то формы при экстенсивном, такие-то при интенсивном хозяйстве), развивая и обостряя ту классовую противоположность, основа которой была вполне уже положена при старой ее форме, окончательно противополагая „свободный“ труд „рациональному“ производству. Тогда достаточно уже было бы простого сопоставления этих двух последовательных форм буржуазного производства и буржуазной эксплоатации, чтобы „прогрессивный“ характер изменения, его „выгодность“ для производителя выступили с полной очевидностью: в первом случае подчинение труда капиталу прикрыто

тысячами обломков средневековых отношений, которые мешают производителю видеть сущность дела и порождают у его идеолога нелепые и реакционные идеи о возможности ждать помощи от „общества“ *и т. п.*; во втором случае подчинение это совершенно свободно от средневековых пут, и производитель получает возможность и понимает необходимость самостоятельной, сознательной деятельности против своего „антипода“. На место рассуждений о „трудном, болезненном переходе“ к капитализму выступила бы теория, не только говорящая о классовых противоречиях, но и действительно вскрывающая их в каждой форме „нерационального“ и „рационального“ производства, „экстенсивного“ и „интенсивного“ хозяйства.

Результаты, к которым привел нас разбор первой части VI главы книги г. Струве, посвященной „характеру перенаселения в земледельческой России“, можно формулировать следующим образом: 1) Мальтузианство г-на Струве не подкреплено никакими фактическими данными и основано на методологически неправильных догматических посылках.— 2) Перенаселение в земледельческой России объясняется господством капитала, а не отсутствием соответствия между размножением и средствами существования населения.— 3) Положение г-на Струве о натурально-хозяйственном характере перенаселения верно только в том смысле, что земледельческий капитал задерживается в неразвитых и потому особенно тяжелых для производителя формах переживанием крепостнических отношений.— 4) Г. Н. — он не доказал капиталистического характера перенаселения в России потому, что не исследовал господства капитала в земледелии.— 5) Основная ошибка г. Н. — она, повторяемая и г. Струве, состоит в отсутствии анализа тех классов, которые складываются при развитии буржуазного земледелия.— 6) Это игнорирование классовых противоречий у г. Струве естественно привело к тому, что совершенно верное положение о прогрессивности и желательности технических улучшений выражено было в крайне неудачной и туманной форме.

II.

Перейдем теперь ко второй части главы VI, посвященной вопросу о разложении крестьянства. Эта часть стоит в прямой и непосредственной связи с предыдущей частью, служа дополнением к вопросу о капитализме в земледелии.

Указавши на повышение цен на сельско-хозяйственные продукты в течение первых 20 лет после реформы, на расширение

товарного производства в земледелии, г. Струве совершенно справедливо говорит, что от этого „выиграли по преимуществу землевладельцы и зажиточные крестьяне“ (214). „Дифференциация в среде крестьянского населения должна была увеличиться, и к этой эпохе относятся первые ее успехи“. Автор цитирует указания местных исследователей, что проведение железных дорог подняло только благосостояние зажиточной части крестьянства, что аренда порождает среди крестьян „чистый бой“, приводящий всегда к победе экономически сильных элементов (216 — 217). Он цитирует исследование В. Постникова, по которому хозяйство крестьян зажиточных настолько уже подчиняется рынку, что 40% посевной площади дают продукт, идущий на продажу, и — добавляя, что на противоположном полюсе крестьяне „теряют свою экономическую самостоятельность и, продавая свою рабочую силу, находятся на границе батрачества“,— справедливо заключает: „Только проникновением менового хозяйства объясняется тот факт, что экономически сильные крестьянские хозяйства могут извлекать выгоду из разорения слабых дворов“ (223). „Развитие денежного хозяйства и рост населения — говорит автор, — приводит к тому, что крестьянство распадается на две части, одну экономически крепкую, состоящую из представителей новой силы, капитала во всех его формах и степенях, и другую, состоящую из полу-самосостоятельных землевладельцев и настоящих батраков“ (239).

Как ни кратки замечания автора об этой „дифференциации“, тем не менее они дают нам возможность отметить следующие важные черты рассматриваемого процесса: 1) Дело не ограничивается созданием одного только имущественного неравенства: „создается „новая сила“— к а п и т а л“. 2) Создание этой новой силы сопровождается созданием новых типов крестьянских хозяйств: во-первых, зажиточного, экономически крепкого, ведущего развитое товарное хозяйство, отбивающего аренду у бедноты, прибегающего к эксплоатации чужого труда *);—во-вторых, „пролетарского“ крестьянства, продающего свою рабочую силу капиталу. 3) Все эти явления прямо и непосредственно выросли на почве товарного хозяйства. Г. Струве сам указал,— что без товарного производства они были невозможны, а с его проникновением

*) Г. Струве не упоминает об этой черте. Она выражается и в употреблении наемного труда, играющем не малую роль в хозяйстве зажиточных крестьян, и в операциях ростовщического и торгового капитала в их руках, равным образом отнимающего сверхстоимость у производителя. Без этого признака нельзя и говорить о „капитале“.

стали необходимы. 4) Явления эти („новая сила", новые типы крестьянства) относятся к области производства, а не ограничиваются областью обмена, товарного обращения: капитал проявляется в земледельческом производстве; тоже и продажа рабочей силы.

Казалось бы, эти черты процесса прямо определяют, что мы имеем дело с чисто капиталистическим явлением, что в крестьянстве складываются классы, свойственные капиталистическому обществу,— буржуазия и пролетариат. Мало этого: эти факты свидетельствуют не только о господстве капитала в земледелии, но и о том, что капитал сделал уже, если можно так выразиться, второй шаг. Из торгового капитала он превращается в индустриальный, из господствующего на рынке — в господствующий в производстве; классовая противоположность богача-скупщика и бедняка-крестьянина превращается в противоположность рационального буржуазного хозяина и свободного продавца свободных рук.

Но г. Струве и тут не мог обойтись без своего мальтузианства; в указанном процессе, по его мнению, выражается лишь одна сторона дела („только прогрессивная сторона"), рядом с которой есть и другая: „техническая нерациональность всего крестьянского хозяйства": „в ней выражается, так сказать, регрессивная сторона всего процесса", она „нивеллирует" крестьянство, сглаживает неравенство, действуя „в связи с ростом населения" (223—224).

В этом довольно туманном рассуждении только и видно, что автор предпочитает крайне абстрактные положения конкретным указаниям, что он ко всему припутывает „закон" о соответствии размножения со средствами существования. Говорю: припутывает,— потому что, если даже строго ограничиться фактами, приводимыми самим автором, невозможно найти указания на такие конкретные черты процесса, которые бы не подходили под „доктрину" марксизма и требовали признания мальтузианства. Наметим еще раз этот процесс: сначала мы имеем натуральных производителей, крестьян, сравнительно однородных *). Проникновение товарного производства ставит богатство отдельного двора в зависимость от рынка, создавая таким образом, путем рыночных колебаний, неравенство и обостряя его, сосредоточивая у одних

*) Работающих на помещика. Эта сторона отодвигается, чтобы яснее представить переход от натурального хозяйства к товарному.—Что остатки „стародворянских" отношений ухудшают положение производителя и придают разорению особенно тяжелые формы,— об этом было уже говорено.

в руках свободные деньги и разоряя других. Эти деньги служат, естественно, для эксплоатации неимущих, превращаются в капитал. Покуда еще разоряющиеся крестьяне держатся за свое хозяйство, капитал может эксплоатировать их, оставляя их хозяйничать по прежнему, на старых, технически нерациональных основаниях, может основывать эксплоатацию на покупке продукта их труда. Но разорение достигает, наконец, такой степени развития, что крестьянин вынужден совсем бросить хозяйство: он не может уже продавать продукта своего труда, ему остается только продавать труд. Капитал берет тогда хозяйство в свои руки, при чем он вынужден уже — силою конкуренции — организовать его рационально: он получает возможность к тому благодаря „сбереженным" ранее свободным денежным средствам, он эксплоатирует уже не хозяина, а батрака, поденщика. Спрашивается, какие же это две стороны отличает автор в этом процессе? Каким образом находит он возможным делать такой чудовищный мальтузианский вывод: „Техническая нерациональность хозяйства, а не капитализм [заметьте это „а не"] — вот тот враг, который отнимает хлеб насущный у нашего крестьянства" (224). Как будто бы этот насущный хлеб доставался когда-нибудь целиком производителю, а не делился на необходимый продукт и прибавочный, получаемый помещиком, кулаком, „крепким" крестьянином, капиталистом!

Нельзя не добавить однако, что по вопросу о „нивеллировке" у автора есть некоторое дальнейшее разъяснение. Он говорит, что „результатом указанной выше нивеллировки" является „констатируемое во многих местах уменьшение или даже исчезновение среднего слоя крестьянского населения" (223). Приведя цитату из земского издания, констатирующего „еще большее увеличение расстояния, отделяющего сельских богатеев от безземельного и безлошадного пролетариата", он заключает: „Нивеллировка в данном случае, конечно, в то же время и дифференциация, но на почве такой дифференциации развивается только одна кабала, могущая быть лишь тормозом экономического прогресса" (236). — Итак, оказывается уже теперь, что дифференциацию, создаваемую товарным хозяйством, следует противополагать не „нивеллировке", а тоже дифференциации, но только дифференциации иного рода, а именно кабале. А так как кабала „тормозит" „экономический прогресс", то автор и называет эту „сторону" — „регрессивной".

Рассуждение построено по крайне странным, никак уже не марксистским приемам. Сравниваются „кабала" и „дифференци-

ация", как какие-то две самостоятельные, особые „системы"; одна восхваляется за то, что содействует „прогрессу"; другая осуждается за то, что тормозит прогресс. Куда делось у г. Струве то требование анализа классовых противоположностей, за неисполнение которого он так справедливо нападал на г. Н. — она, то учение о „стихийном процессе", о котором он так хорошо говорил? Ведь эта кабала, которую он сейчас уничтожил за ее регрессивность, представляет из себя не что иное, как первоначальное проявление капитализма в земледелии, того самого капитализма, который ведет далее к прогрессивному подъему техники. В самом деле, что такое кабала? Это — зависимость владеющего своими средствами производства хозяина, вынужденного работать на рынок, от владельца денег, — зависимость, которая, как бы она различно ни выражалась (в форме ли ростовщического капитала или капитала скупщика, который монополизировал сбыт),— всегда ведет к тому, что громадная часть продукта труда достается не производителю, а владельцу денег. Следовательно, сущность ее — чисто капиталистическая *), и вся особенность заключается в том, что эта первичная, зародышевая форма капиталистических отношений целиком опутана прежними, крепостническими отношениями: тут нет свободного договора, а есть сделка вынужденная (иногда приказом „начальства", иногда желанием сохранить хозяйство, иногда старыми долгами и т. д.); производитель тут привязан к определенному месту и к определенному эксплоататору: в противоположность безличному характеру товарной сделки, свойственному чисто капиталистическим отношениям, здесь сделка носит непременно личный характер „помощи", „благодеяния", — и этот характер сделки неизбежно ставит производителя в зависимость личную, полу-крепостническую. Такие выражения автора, как „нивеллировка", „тормоз прогресса", „регрессивность",— не означают ничего иного, кроме того, что капитал овладевает сначала производством на старом основании, подчиняет производителя, технически отсталого. Указание автора, что наличность ка-

*) Тут на-лицо все признаки: товарное производство, как почва, — монополизация продукта общественного труда в форме денег, как результат,—и обращение этих денег в капитал.—Я нисколько не забываю, что эти первичные формы капитала встречались в отдельных случаях и до капиталистических порядков. Но дело именно в том, что они являются в современном русском крестьянском хозяйстве не как единичные случаи, а как правило, как господствующая система отношений. Они связались уже (торговыми оборотами, банками) с крупным фабрично-заводским машинным капитализмом и тем показали свою тенденцию, — показали, что представители этой „кабалы"—только боевые солдаты единой и нераздельной армии буржуазии.

питализма не дает еще права считать его „виновным во всех бедствиях", верно в том смысле, что наш работающий на других крестьянин страдает не только от капитализма, но и от недостаточного развития капитализма. Другими словами: в громадной массе крестьянства нет почти уже вовсе самостоятельного производства на себя; на-ряду с работой на „рациональных" буржуазных хозяев мы видим только работу на владельцев денежного капитала, т.-е. тоже капиталистическую эксплоатацию, но только неразвитую, примитивную, которая в силу этого, во-первых, вдесятеро ухудшает положение трудящегося, опутывая его сетью особых, добавочных прижимок, а, во-вторых, отнимает у него (и его идеолога-народника) возможность понять классовый характер совершаемых по отношению к нему „неприятностей" и сообразовать свою деятельность с таковым их характером. Следовательно, „прогрессивная сторона" „дифференциации" (говоря языком г. Струве) состоит в том, что она выводит на свет ту противоположность, которая прячется в форме кабалы, и отнимает у нее ее „старо-дворянские" черты. „Регрессивность" народничества, отстаивающего крестьянское равнение (пред... кулаком), состоит в том, что оно желает задержать капитал в его средневековых формах, соединяющих эксплоатацию с раздробленным, технически отсталым производством, с личным давлением на производителя. В обоих случаях (и в случае „кабалы", и в случае „дифференциации") причиной угнетения является капитализм, и противоположные заявления автора, что дело „не в капитализме", а в „технической нерациональности", что „не капитализм — виновник крестьянской бедности" и т. п.,— показывают только, что г. Струве слишком увлекся, защищая правильную мысль о предпочтительности развитого капитализма перед неразвитым, и благодаря абстрактности своих положений противопоставил первое второму не как две последовательные стадии развития данного явления, а как особые случаи *).

---

*) На каком основании — спросит, пожалуй, читатель — относится это лишь к увлечению г-на Струве?— На том основании, что автор вполне определенно признает капитализм, как основной фон, на котором совершаются все описываемые явления. Он совершенно ясно указал на быстрый рост товарного хозяйства, на разложение крестьянства, на „распространение улучшенных орудий" (245) и т. п., с одной стороны,—на „освобождение крестьян от земли, создание сельского пролетариата" (238),—с другой. Он сам, наконец, характеризовал это, как создание новой силы—капитала, и отметил решающее значение появления капиталиста между производителем и потребителем.

III

Увлечение автора сказывается и на следующем рассуждении о том, что причину разорения крестьянства нельзя видеть собственно в крупном промышленном капитализме. Он вступает тут в полемику с г. Н. — оном.

Дешевое производство фабричных продуктов — говорит г. Н.— он о фабричной одежде,— вызвало сокращение домашней их выработки (стр. 227 у г. Струве).

„Дело представлено тут как раз навыворот, — восклицает г. Струве,— и это не трудно показать. Уменьшение крестьянского производства прядильных материалов повело к увеличению производства и потребления продуктов капиталистической хлопчатобумажной промышленности, а не наоборот" (227).

Автор едва ли удачно ставит вопрос, загромождая суть дела второстепенными частностями. Если исходить из наблюдения над фактом развития фабричной промышленности (а г. Н. — он именно из наблюдения этого факта и исходит), то невозможно отрицать, что и дешевизна фабричных продуктов ускоряет рост товарного хозяйства, ускоряет вытеснение домашних продуктов. Возражая против такого заявления г. Н.—она, г. Струве только ослабляет этим свою аргументацию против этого автора, основная ошибка которого состоит в том, что он пытается представить „фабрику" чем-то оторванным от „крестьянства", случайно, извне нагрянувшим на него, тогда как на самом деле „фабрика" является (и по той теории, которой г. Н.— он хочет верно следовать, и по данным русской истории) только завершением развития товарной организации всего общественного, следовательно, и крестьянского хозяйства. Крупно-буржуазное производство на „фабрике"— прямое и непосредственное продолжение мелко-буржуазного производства в деревне, в пресловутой „общине" или в кустарном промысле. „Для того, чтобы „фабричная форма" стала „более дешевой" — совершенно справедливо говорит г. Струве — крестьянин должен стать на точку зрения экономической рациональности при условии денежного хозяйства". „Если бы крестьянство держалось... за натуральное хозяйство, никакие ситцы... его не соблазнили бы".

Другими словами: „фабричная форма" — это не более как развитое товарное производство, а развилось оно из того неразвитого товарного производства, которое мы имеем в крестьянском и кустарном хозяйстве. Автор желает доказать г. Н.— ону, что „фабрика" и „крестьянство" взаимно связаны, что

хозяйственные „начала“ их порядков не антагонистичны *), а тождественны. Для этого ему и следовало свести вопрос к экономической организации крестьянского хозяйства, выставить против г. Н.— она положение, что наш мелкий производитель (крестьянин-земледелец и кустарь) есть мелкий буржуа. Такой постановкой вопроса он свел бы его из области рассуждений о том, что „должно“ быть, что „может“ быть и т. д., в область выяснения того, что есть, и объяснения, почему оно есть именно так, а не иначе. Чтобы опровергнуть это положение, народникам пришлось бы либо отрицать общеизвестные и бесспорные факты о росте товарного хозяйства и разложении крестьянства [а эти факты доказывают мелко-буржуазность крестьянства], либо отрицать азбучные истины политической экономии. Принять это положение — значит признать нелепость противопоставления „капитализма“—„народному строю“, признать реакционность прожектов „искать иных путей для отечества“ и обращаться с своими пожеланиями об „обобществлении“ к буржуазному „обществу“ или на половину еще „старо-дворянскому“ „государству“.

А г. Струве вместо того, чтобы начать с начала **), начинает с конца: „мы отвергаем — говорит он — одно из самых краеугольных положений народнической теории экономического развития России,— положение, что развитие крупной обрабатывающей промышленности разоряет крестьянина-земледельца“ (246). Это уже значит, как говорят немцы, выплескивать из ванны вместе с водой и ребенка! „Развитие крупной обрабатывающей промышленности“ означает и выражает развитие капитализма. А что разоряет крестьянина именно капитализм, это — краеугольное положение совсем не народничества, а марксизма. Народники видели и видят причины освобождения производителя от средств производства не в той специфической организации русского общественного хозяйства, которая носит название капитализма, а в политике правительства, которая, де, была неудачна („мы“ шли неверным путем и т. д.), в косности общества, недостаточно сплотившегося против хищников и пройдох и т. п. Поэтому и „мероприятия“ их сводились к деятельности „общества“ и „государства“. Напротив, указание причин экспроприации в наличности капита-

*) Народники это говорили открыто и прямо, а „несомненный марксист“ г-н Н.— он преподносит эту же бессмыслицу в туманных фразах о „народном строе“ и „народном производстве“, уснащенных цитатами из Маркса.

**) Т.-е. начать с мелко-буржуазности „крестьянина-земледельца“ для доказательства „неизбежности и законности“ крупного капитализма.

листической организации общественного хозяйства приводит неминуемо к учению о борьбе классов (ср. у Струве, стр. 101, 288 и мн. др.). Неточность выражения автора состоит в том, что он говорит о „земледельце" вообще, а не о противоположных классах буржуазного земледелия. Народники говорят, что капитализм губит земледелие и потому неспособен обнять все производство страны и ведет это производство неправильным путем, марксисты говорят, что капитализм как в обрабатывающей промышленности, так и в земледелии давит производителя, но, поднимая производство на высшую ступень, создает условия и силы для „обобществления" *).

Заключение г. Струве по этому вопросу таково: „одна из самых коренных ошибок г. Н.— она заключается в том, что он на современное, до сих пор более натуральное, чем денежное, крестьянское хозяйство целиком перенес представления и категории сложившегося капиталистического строя" (237).

Мы видели выше, что только полное игнорирование конкретных данных русского земледельческого капитализма повело к смешной ошибке г. Н.— она, толкующего о „сокращении" внутреннего рынка. Но произошла эта ошибка не оттого, что он перенес на крестьянство все категории капитализма, а оттого, что он никаких категорий капитализма не приложил к данным о земледелии. Важнейшей „категорией" капитализма являются, конечно, классы буржуазии и пролетариата. Г. Н.— он не только не „перенес" их на „крестьянство" (т.-е. не проанализировал, к каким именно группам или разрядам крестьянства приложимы эти категории и насколько они развиты), а напротив, рассуждал чисто по-народнически, игнорируя противоположные элементы внутри „общины", рассуждая о „крестьянстве" вообще. Это и повело к тому, что положение его о капиталистическом характере перенаселения, о капитализме, как причине экспроприации земледельца, осталось не доказанным и послужило лишь для реакционной утопии.

---

*) „Великая заслуга капиталистического способа производства состоит, с одной стороны, в рационализировании земледелия, возможность общественного ведения которого создает только этот способ производства,— а с другой стороны, в доведении поземельной собственности до абсурда. Как и все его другие исторические прогрессы, так и этот был куплен капитализмом ценой полного обнищания непосредственного производителя". („Das Kapital", III B., 2 Th., стр. 157) („Капитал", III том, 2 часть, стр. 155 русского перевода под ред. В. Базарова и И. Степанова, изд. 1908 г. Ред.).

IV.

В параграфе VIII шестой главы г. Струве излагает свои мысли о частновладельческом хозяйстве. Он совершенно справедливо указывает на тесную и непосредственную зависимость тех форм, которые принимает это хозяйство, от крестьянского разорения. Разоренный крестьянин не „соблазняет" уже помещика „баснословными арендными ценами", и помещик переходит к батрацкому труду. В доказательство приводятся выписки из статьи Распопина, [53]), обработавшего данные земской статистики помещичьего хозяйства, и из земского издания по текущей статистике; отмечающего „вынужденный" характер увеличения экономических запашек. В ответ г.г. народникам, столь охотно загромождающим рассуждениями о „будущности" капитализма в земледелии и его „возможности" факт господства его в настоящем, автор дает точное указание на действительность.

Мы должны остановиться тут лишь на оценке этого явления автором, который говорит, что это — „прогрессивные течения в частновладельческом хозяйстве" (244), что эти течения создаются „неумолимой логикой экономической эволюции" (240). Мы боимся, что эти совершенно верные положения, по своей абстрактности, останутся невразумительны для читателя, незнакомого с марксизмом; что читатель не поймет—без определенного указания на смену таких-то систем хозяйства, таких-то форм классовой противоположности,— почему это данное течение „прогрессивно" (с той точки зрения, разумеется, с которой только и может ставить вопрос марксист,— с точки зрения определенного класса), в чем именно „неумолимость" происходящей эволюции. Попробуем поэтому обрисовать эту смену (хотя бы в самых общих чертах) в параллель с народническим изображением дела.

Народник изображает процесс развития батрацкого хозяйства как переход от „самостоятельного" крестьянского хозяйства к подневольному, и — естественно — считает это регрессом, упадком и т. д. Такое изображение процесса прямо фактически неверно, совершенно не соответствует действительности, а потому нелепы и выводы из него. Изображая дело таким оптимистическим (по отношению к прошлому и настоящему) образом, народник просто отворачивается от фактов, установленных народнической же литературой, в сторону утопий и возможностей.

Возьмем за исходный пункт дореформенное крепостническое хозяйство.

Основное содержание производственных отношений при этом было таково: помещик давал крестьянину землю, лес для постройки, вообще средства производства (иногда и прямо жизненные средства) для каждого отдельного двора, и, предоставляя крестьянину самому добывать себе пропитание, заставлял *все прибавочное время* работать на себя, на барщине. Подчеркиваю: „все прибавочное время", чтобы отметить, что о „самостоятельности" крестьянина при этой системе не может быть и речи *). „Надел", которым „обеспечивал" крестьянина помещик, служил не более как *натуральной заработной платой*, служил всецело и исключительно для эксплоатации крестьянина помещиком, для „обеспечения" помещику рабочих рук, никогда для действительного обеспечения самого крестьянина **).

Но вот вторгается товарное хозяйство. Помещик начинает производить хлеб на продажу, а не на себя. Это вызывает усиление эксплоатации труда крестьян, — затем, затруднительность системы наделов, так как помещику уже невыгодно наделять подрастающие поколения крестьян новыми наделами, и появляется возможность расплачиваться деньгами. Становится удобнее отграничить раз навсегда крестьянскую землю от помещичьей (особенно ежели отрезать при этом часть наделов и получить „справедливый" выкуп) и пользоваться трудом *тех же* крестьян, поставленных материально в худшие условия и вынужденных конкурировать *с* бывшими дворовыми, и *с* „дарственниками", и с более обеспеченными бывшими государственными и удельными крестьянами и т. д.

Крепостное право падает.

Система хозяйства, — рассчитанного уже на рынок (это особенно важно), — меняется, но меняется не сразу. К старым чертам и „началам" присоединяются новые. Эти новые черты состоят в том, что основой Plusmacherei делается уже не снабжение крестьянина средствами производства, а, напротив, „свобода" его от средств производства, его нужда в деньгах; основой становится уже не натуральное хозяйство, не натуральный обмен „услуг" (помещик дает крестьянину землю, а крестьянин — продукты прибавочного труда, хлеб, холст и т. п.), а товарный, денежный „свободный" договор. Эта именно форма хозяйства, совмещающая старые и новые черты, и воцарилась в России после реформы. К старинным

*) Я ограничиваюсь *исключительно* хозяйственной стороной дела.

**) Поэтому ссылаться на крепостническое „наделение землей" для доказательства „исконности" принадлежности средств производства производителю — сплошная фальшь.

приемам ссуды земли за работу (хозяйство за отрезные земли, напр.) присоединилась „зимняя наемка" — ссуда денег под работу в такой момент, когда крестьянин особенно нуждается в деньгах и в тридешева продает свой труд, ссуда хлеба под отработки и т. п. Общественно-экономические отношения в бывшей „вотчине" свелись, как видите, к самой обыкновенной ростовщической сделке: это операции—совершенно аналогичные с операциями скупщика над кустарями.

Неоспоримо, что именно такое хозяйство стало типом после реформы, и наша народническая литература дала превосходные описания этой особенно непривлекательной формы Plusmacherei, соединенной с крепостническими традициями и отношениями, с полной беспомощностью связанного своим „наделом" крестьянина.

Но народники не хотели и не хотят видеть, в чем же экономическая основа этих отношений?

Основой господства здесь является уже не только владение землей, как в старину, а еще владение деньгами, в которых нуждается крестьянин (а деньги, это — продукт общественного труда, организованного товарным хозяйством), — и „свобода" крестьянина о средств к жизни. Очевидно, что это — отношение капиталистическое, буржуазное. „Новые" черты — не что иное, как первичная форма господства капитала в земледелии, форма, не высвободившаяся еще от „старо-дворянских" пут, форма, создавшая классовую противоположность, присущую капиталистическому обществу, но еще не фиксировавшая ее.

Но вот с развитием товарного хозяйства ускользает почва из-под этой первичной формы господства капитала: разорение крестьянства, дошедшее теперь уже до полного краха, означает потерю крестьянами своего инвентаря,—на основании которого держалась и крепостная, и кабальная форма труда—и тем вынуждает помещика переходить к своему инвентарю, крестьянина — делаться батраком.

Что этот переход и начал совершаться в пореформенной России,— это опять-таки бесспорный факт. Факт этот показывает тенденцию той кабальной формы, которую народники рассматривают чисто метафизически—вне связи с прошлым, вне стремления к развитию; факт этот показывает дальнейшее развитие капитализма, дальнейшее развитие той классовой противоположности, которая присуща нашему капиталистическому обществу и которая в предыдущую эпоху выражалась в отношении „кулака" к крестьянину, а теперь начинает выражаться в отношении рационального хозяина к батраку и поденщику.

И вот эта-та последняя перемена и вызывает отчаяние и ужас народника, который начинает кричать об „обезземелении", о „потере самостоятельности", о „водворении капитализма" и „грозящих" от него бедствиях и т. д., и т. д.

Посмотрите на эти рассуждения беспристрастно, — и вы увидите в них, во-первых, ложь, хотя бы и благонамеренную, так как предшествует этому батрацкому хозяйству не „самостоятельность" крестьянина, а другие формы отдавания прибавочного продукта тому, кто не участвовал в его создании. Во-вторых, вы увидите поверхностность, мелкость народнического протеста, обращающую его, по меткому выражению г. Струве, в вульгарный социализм. Почему это „водворение" усматривается лишь во второй форме, а не в обеих? почему протест направляется не против того основного исторического факта, который сосредоточил в руках „частных землевладельцев" средства производства, а лишь против одного из приемов утилизации этой монополии? почему корень зла усматривается не в тех производственных отношениях, которые везде и повсюду подчиняют труд владельцу денег, а лишь в той неравномерности распределения, которая так рельефно выступает в последней форме этих отношений? Именно это основное обстоятельство — протест против капитализма, остающийся на почве капиталистических же отношений — и делает из народников идеологов мелкой буржуазии, боящейся не буржуазности, а лишь обострения ее, которое одно только и ведет к коренному изменению.

V.

Переходим к последнему пункту теоретических рассуждений г-на Струве, к „вопросу о рынках для русского капитализма" (245).

Разбор построенной народниками теории об отсутствии у нас рынков автор начинает вопросом: „что понимает г. В. В. под капитализмом?" Такой вопрос поставлен очень уместно, так как г. В. В. (да и все народники вообще) всегда сличали русские порядки с какою-нибудь „английской формой" (247) капитализма, а не с основными его чертами, изменяющими свою физиономию в каждой стране. Жаль только, что г. Струве не дает полного определения капитализма, указывая вообще на „господство менового хозяйства" [это — один признак; второй — присвоение прибавочной стоимости владельцем денег, господство этого последнего над трудом], на „тот строй, который мы видим на западе Европы" (247), „со всеми его последствиями", с „концентрацией

промышленного производства, капитализмом в узком смысле слова" (247).

„Г. В. В. — говорит автор — в анализ понятия: „капитализм" не вдался, а заимствовал его у Маркса, который имел в виду, по преимуществу, капитализм в узком смысле, как уже вполне сложившийся продукт отношений, развивающихся на почве подчинения производства обмену" (247). С этим невозможно согласиться. Во-первых, если бы г. В. В. действительно заимствовал свое представление о капитализме у Маркса, то он имел бы правильное представление о нем и не мог бы смешивать „английскую форму" с капитализмом. Во-вторых, совершенно несправедливо, что Маркс по преимуществу имел в виду „централизацию или концентрацию промышленного производства" [это разумеет г. Струве под капитализмом в узком смысле]. Напротив, он проследил развитие товарного хозяйства с первых его шагов, он анализировал капитализм в его примитивных формах простой кооперации и мануфактуры,— формах, на целые века отстоящих от концентрации производства машинами,— он показал связь промышленного капитализма с земледельческим. Г. Струве сам суживает понятие капитализма, говоря: „...объектом изучения г-на В. В. являлись первые шаги народного хозяйства на пути от натуральной организации к товарной". Надо было сказать: последние шаги. Г. В. В., насколько известно, изучал только пореформенное хозяйство России. Начало товарного производства относится к дореформенной эпохе, как указывает сам г. Струве (189—190), и даже капиталистическая организация хлопчато-бумажной промышленности сложилась до освобождения крестьян. Реформа дала толчок окончательному развитию в этом смысле; она выдвинула на первое место не товарную форму продукта труда, а товарную форму рабочей силы; она санкционировала господство не товарного, а уже капиталистического производства. Неясное различие капитализма в широком и узком смысле *) приводит г. Струве к тому, что он смотрит, повидимому, на русский капитализм, как на нечто будущее, а не настоящее, вполне уже и окончательно сложившееся. Он говорит, например:

„Прежде чем ставить вопрос: неизбежен ли для России капитализм в английской форме, г. В. В. должен был поставить и разрешить другой, более общий и потому более важный вопрос:

*) Не видно, по какому признаку отличает автор эти понятия? Если под капитализмом в узком смысле разуметь машинную индустрию только, тогда непонятно, почему не выделить особо и мануфактуру? Если под капитализмом в широком смысле разуметь товарное только хозяйство, тогда тут нет капитализма.

неизбежен ли для России переход от натурального хозяйства к денежному и каково отношение капиталистического производства sensu stricto *) к товарному производству вообще?" (247). Едва ли удобно так ставить вопрос. Если данная, существующая теперь в России, система производственных отношений будет выяснена, тогда вопрос о „неизбежности" того или другого развития будет уже решен eo ipso **). Если же она не будет выяснена, тогда он неразрешим. Вместо рассуждений о будущем (излюбленных г.г. народниками) следует объяснять настоящее. В пореформенной России крупнейшим фактом выступило внешнее, если можно так выразиться, проявление капитализма, т.-е. проявление его „вершин" (фабричного производства, железных дорог, банков и т. п.), и для теоретической мысли тотчас же стал вопрос о капитализме в России. Народники старались доказать, что эти вершины—случайны, не связаны со всем экономическим строем, беспочвенны и потому бессильны; при этом они оперировали с слишком узким понятием „капитализма", забывая, что порабощение труда капиталу проходит очень длинные и различные стадии от торгового капитала до „английской формы". Марксисты и должны доказать, что эти вершины — не более как последний шаг развития товарного хозяйства, давно сложившегося в России и повсюду, во всех отраслях производства, порождающего подчинение капиталу труда.

С особенной наглядностью воззрение г-на Струве на русский капитализм как на нечто будущее, а не настоящее,— сказалось в следующем рассуждении: „пока будет существовать современная община, закрепленная и укрепленная законом, на ее почве разовьются такие отношения, которые с „народным благосостоянием" не имеют ничего общего. [Неужели только еще „разовьются", а не развились уже так давно, что вся народническая литература, с самого своего возникновения, более четверти века тому назад, описывала эти явления и протестовала против них?] На Западе мы имеем несколько примеров существования парцеллярного [60]) хозяйства рядом с крупным капиталистическим. Наша Польша и наш юго-западный край представляют явления того же порядка. Можно сказать, что и подворная и общинная Россия, поскольку разоренное крестьянство остается на земле, и в его среде нивеллирующие влияния оказываются сильнее дифференцирующих, приближается к этому типу" (280). Неужели только еще приближается, а не представляет уже сейчас именно этот тип? Для определения „типа" надо брать, конечно, основные экономические

*) — в узком смысле. Ред.

**) — тем самым. Ред.

черты порядков, а не юридические формы. Если мы посмотрим на эти основные черты экономики русской деревни, то увидим изолированное хозяйство крестьянских дворов на мелких участках земли, увидим растущее товарное хозяйство, играющее доминирующую роль уже сейчас. Это именно те черты, которые дают содержание понятию: „парцеллярное хозяйство". Мы видим далее ту же задолженность крестьян ростовщикам, ту же экспроприацию, о которой свидетельствуют данные Запада. Вся разница — в особенности наших юридических порядков (гражданская неравноправность крестьян; формы землевладения), которые сохраняют цельнее следы „старого режима" вследствие более слабого развития у нас капитализма. Но однородности типа наших крестьянских порядков с западными эти особенности нимало не нарушают.

Переходя к самой теории рынков, г. Струве замечает, что г.г. В. В. и Н. — он путаются в порочном круге: для развития капитализма нужен рост рынка, а капитализм разоряет население. Автор исправляет этот порочный круг своим мальтузианством крайне неудачно, относя причину разорения крестьянства не к капитализму, а к „росту населения"!! Ошибка указанных авторов совсем иная: капитализм не разоряет только, а разлагает крестьянство на буржуазию и пролетариат. Процесс этот не сокращает внутренний рынок, а создает его: товарное хозяйство растет у обоих полюсов разлагающегося крестьянства, и у „пролетарского", вынужденного продавать „свободный труд", и у буржуазного, поднимающего технику своего хозяйства (машины, инвентарь, удобрения и т. д. Ср. „Прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве" г. В. В.) и развивающего потребности. Несмотря на то, что такое понимание процесса непосредственно основано на теории Маркса о соотношении индустриального и земледельческого капитализма, г. Струве игнорирует его,—может быть, оттого, что введен в заблуждение „теорией рынков" г-на В. В. Этот последний, опираясь якобы на Маркса, преподнес российской публике „теорию", будто бы в капиталистическом развитом обществе неизбежен „излишек товаров"; внутренний рынок не может быть достаточным, необходим внешний. „Эта теория верна (?!) — заявляет г. Струве — поскольку она констатирует тот факт, что прибавочная стоимость не может быть реализована в потреблении ни капиталистов, ни рабочих, а предполагает потребление третьих лиц" (251). С заявлением этим нет никакой возможности согласиться. „Теория" г-на В. В. (если можно тут говорить о теории) состоит просто в игнорировании того различия личного и производительного потребления, различия средств производства и пред-

метов потребления, без которого (различия) невозможно уяснение воспроизводства всего общественного капитала в капиталистическом обществе. Маркс показал это со всею подробностью во II томе „Капитала“ (третий отдел: „Воспроизводство и образование всего общественного капитала“), и отметил рельефно и в I-м, критикуя то положение классической политической экономии, по которому накопление капитала состоит в превращении сверхстоимости в заработную плату только, а не в постоянный капитал (средства производства) плюс заработная плата. Для подтверждения такой характеристики теории г-на В. В. ограничимся двумя цитатами из указанных г-ном Струве статей.

„Каждый рабочий, — говорит г. В. В. в статье „Излишек снабжения рынка товарами“, — производит больше, чем он потребляет, и все эти излишки скопляются в немногих руках; владельцы этих излишков потребляют их сами, для чего обменивают их внутри страны и за границей на разнообразные продукты необходимости и комфорта; но сколько бы они ни пили, ни ели и ни плясали (sic!!) — всей прибавочной стоимости им не извести“ („От. Зап.“ 1883 г., № 5, стр. 16), и „для большей наглядности“ автор „рассматривает главнейшие траты“ капиталиста вроде обедов, поездок и т. д. Еще рельефнее в статье „Милитаризм и капитализм“: „Ахиллесова пята капиталистической организации промышленности заключается в невозможности для предпринимателей потребить весь свой доход“ („Русская Мысль“ 1889 г., № 9, стр. 81). „Ротшильд не сумеет потребить всего приращения своего дохода... просто потому, что это приращение... представляет такую значительную массу предметов потребления, что Ротшильд, все прихоти которого и без того исполняются, решительно затруднился бы“ и т. д.

Все эти рассуждения, как видите, основаны на том наивном мнении, будто капиталист имеет целью личное потребление, а не накопление сверхстоимости, — на той ошибке, будто общественный продукт распадается на $v+m$ (переменный капитал плюс сверхстоимость), как учил А. Смит[61]) и вся политическая экономия до Маркса, а не на $c+v+m$ (постоянный капитал, средства производства, и затем уже заработная плата и сверхстоимость), как показал Маркс. Раз исправлены эти ошибки и принято во внимание то обстоятельство, что в капиталистическом обществе громадную и все растущую роль играют средства производства (та часть общественных продуктов, которая идет не на личное, а на производительное потребление, на потребление не людей, а капитала), рушится совершенно и вся пресловутая „теория“. Маркс доказал во II томе, что вполне мыслимо капиталистическое про-

изводство без внешних рынков, с растущим накоплением богатства и без всяких „третьих лиц", привлечение которых г-ном Струве в высшей степени неудачно. Рассуждение г. Струве об этом предмете тем более вызывает недоумение, что сам же он указывает на преобладающее значение для России внутреннего рынка и ловит г. В. В. на „программе развития русского капитализма", опирающегося на „крепкое крестьянство". Процесс образования этого „крепкого" (сиречь буржуазного) крестьянства, идущий в настоящее время в нашей деревне, прямо показывает нам зарождение капитала, пролетаризирование производителя и рост внутреннего рынка: „распространение улучшенных орудий", напр., означает именно накопление капитала на счет средств производства. По этому вопросу особенно необходимо было бы вместо изложения „возможностей" дать изложение и объяснение того действительного процесса, который выражается в создании внутреннего рынка для русского капитализма *).

Заканчивая этим разбор теоретической части книги г. Струве, мы можем теперь попытаться дать общую, сводную, так сказать, характеристику основных приемов его рассуждений и подойти таким образом к разрешению вопросов, выставленных в начале: „что именно в этой книге может быть отнесено на счет марксизма?", „какие положения доктрины (марксизма) автор отвергает, пополняет или поправляет, и что в этих случаях получается?".

Основная черта рассуждений автора, отмеченная с самого начала, это его узкий объективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма, — объективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс.

Мы вполне понимаем, что для такого ограничения своих „заметок" одной „объективной" и притом наиболее общей частью у автора были свои основания: во-первых, желая противопоставить народникам основы враждебных воззрений, он излагал одни principia, предоставляя развитие и более конкретное их выяснение дальнейшему развитию полемики, во-вторых, мы в I главе старались показать, что все отличие народничества от марксизма состоит в характере критики русского капитализма, в ином

*) Так как это очень важный и сложный вопрос, то мы намерены посвятить ему отдельную статью. (См. III том собр. соч. Н. Ленина: „Развитие капитализма в России". Ред.).

объяснении его, — откуда естественно и проистекает то, что марксисты ограничиваются иногда одними общими „объективными“ положениями, напирают исключительно на то, что отличает наше понимание (общеизвестных фактов) от понимания народнического.

Но у г. Струве, кажется нам, дело зашло уже слишком далеко в этом отношении. Абстрактность изложения давала часто положения, не могущие не вызвать недоразумений; постановка вопроса не отличалась от ходячих, царящих в нашей литературе приемов рассуждать по-профессорски, сверху — о путях и судьбах отечества, а не об отдельных классах, идущих таким-то и таким-то путем; чем конкретнее становились рассуждения автора, тем более становилось невозможным разъяснить principia марксизма, оставаясь на высоте общих абстрактных положений, тем необходимее было давать определенные указания на такое-то положение таких-то классов русского общества, на такое-то соотношение разных форм Plusmacherei к интересам производителей.

Поэтому и казалась нам не совсем неуместной попытка дополнить и пояснить положения автора, проследить шаг за шагом его изложение, чтобы отметить необходимость иной постановки вопросов, необходимость более последовательного проведения теории классовых противоречий.

Что касается до прямых отступлений г. Струве от марксизма — по вопросам о государстве, о перенаселении, о внутреннем рынке — то об них достаточно было уже говорено.

VI.

В книге г. Струве кроме критики теоретического содержания народничества помещены, между прочим, еще некоторые замечания, касающиеся народнической экономической политики. Хотя замечания эти брошены бегло и не развиты автором, но мы не можем, тем не менее, не коснуться их, чтобы не оставлять места никаким недоразумениям.

В этих замечаниях содержатся указания на „рациональность“, прогрессивность, „разумность“ и т. п. либеральной, т.-е. буржуазной политики по сравнению с политикой народнической *).

*) Укажем образчики этих замечаний: „Если государство... желает укрепить не крупное, а мелкое землевладение, то при данных экономических условиях оно может достигнуть этой цели не тем, что будет гоняться за неосуществимым экономическим равенством в среде крестьянства, а только—путем поддержания его жизнеспособных элементов, путем создания из них экономически крепкого крестьянства“ (240)

Очевидно, автор хотел сопоставить две политики, остающиеся на почве существующих отношений, — и в этом смысле он совершенно справедливо указал, что „разумна“ политика, развивающая, а не задерживающая капитализм, — „разумна“, конечно, не потому, что, служа буржуазии, все сильнее подчиняет ей производителя [как пытаются истолковать разные „простяки“ или „акробаты“], а потому, что, обостряя и очищая капиталистические отношения, она просветляет разум того, от кого только и зависит перемена, и развязывает ему руки.

Мы не можем не заметить, однако, что это совершенно верное положение выражено г-ном Струве неудачно, высказано им благодаря свойственной ему абстрактности так, что иногда хочется сказать ему: предоставьте мертвым погребать своих мертвецов. Никогда не было в России недостатка в людях, всю душу полагавших на создание теорий и программ, выражающих интересы нашей буржуазии, выражающих все эти „долженствования“ сильного и крупного капитала раздавить маленький капитал и разрушить его примитивные и патриархальные приемы эксплоатации.

Если бы автор и тут строго выдержал требования „доктрины“ марксизма, обязывающей сводить изложение к формулировке действительного процесса, обязывающей вскрывать классовые противоречия за каждой формой „разумной“, „рациональной“ и прогрессивной политики,—он высказал бы ту же мысль иначе, дал другую постановку вопроса. Он привел бы те теории и программы либерализма, т.-е. буржуазии, которые как грибы после дождя росли после великой реформы, в параллель с фактическими данными о развитии капитализма в России. Он бы показал таким образом на русском примере ту связь общественных идей с экономическим развитием, которую он доказывал в первых главах и которая может быть окончательно установлена только материалистическим анализом русских данных. Он бы показал таким образом, во-вторых, как наивны народники, воюющие в своей литературе против буржуазных теорий так, как будто бы эти теории представляли только ошибочные рассуждения, а не интересы могущественного класса, который глупо усовещевать, который может быть „убежден“ только внушительной силой

„Я не могу не видеть, что политика, которая направится на создание такого крестьянства (именно: „экономически крепкого, приспособленного к товарному производству“) будет единственной разумной и прогрессивной политикой“ (281). „Россия из бедной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной“ (251) и т. д. вплоть до заключительной фразы: „пойдем на выучку к капитализму“.

другого класса. Он показал бы таким образом, в-третьих, какой класс на самом деле определяет у нас „долженствование„ и „прогресс", и как смешны народники, рассуждающие о том, какой „путь" „выбрать".

Г.г. народники с особенным удовольствием подхватили эти выражения г-на Струве, злорадствуя по поводу того, что неудачная формулировка их позволила разным буржуазным экономистам (вроде г. Янжула) [62]) и крепостникам (вроде г. Головина) [63]) цепляться за отдельные, вырванные из общей связи, фразы. Мы видели, в чем состоит неудовлетворительность г. Струве, давшая противникам такое оружие в руки.

Попытки критиковать народничество просто как теорию, неправильно указывающую пути для отечества*), привели автора к неясной формулировке своего отношения к „экономической политике" народничества. Тут могут увидеть, пожалуй, огульное отрицание этой политики, а не одной только ее половины. Необходимо поэтому остановиться на этом пункте.

Философствование о возможности „иных путей для отечества", это — только внешнее облачение народничества. Содержание же его — представительство интересов и точки зрения русского мелкого производителя, мелкого буржуа. Поэтому народник в теории точно так же является Янусом, который смотрит одним ликом в прошлое, другим — в будущее, как в жизни является Янусом мелкий производитель, который смотрит одним ликом в прошлое, желая укрепить свое мелкое хозяйство, не зная и знать ничего не желая об общем экономическом строе и о необходимости считаться с заведующим им классом,— а другим ликом в будущее, настраиваясь враждебно против разоряющего его капитализма.

Понятно отсюда, что отвергать всю народническую программу целиком, без разбора, было бы абсолютно неправильно. В ней надо строго отличать ее реакционную и прогрессивную стороны. Народничество реакционно, поскольку оно предлагает мероприятия, привязывающие крестьянина к земле и к старым способам производства, вроде неотчуждаемости наделов и т. п.**), поскольку они хотят задержать развитие денежного хозяйства, поскольку они ждут не частичных улучшений, а перемены пути от „общества" и от воздействия представителей бюрократии (пример: г. Южа-

*) Автор „Критических заметок" указывает на экономическую почву народничества (стр. 166—167), но его указание представляется нам недостаточным.

**) Чрезвычайно верно говорит г. Струве, что эти меры могли бы лишь „осуществить пламенные мечтания некоторых западно-европейских и российских землевладельцев о крепких земле батраках" (279).

ков, рассуждавший в „Рус. Бог." 1894, № 7, об общественных запашках, проектируемых одним земским начальником, и занимавшийся внесением поправок в эти проекты). Против подобных пунктов народнической программы необходима, конечно, безусловная война. Но есть у них и другие пункты, относящиеся к самоуправлению, свободному и широкому доступу знаний к „народу", к „подъему" „народного" (сиречь мелкого) хозяйства посредством дешевых кредитов, улучшений техники, упорядочений сбыта и т. д., и т. д., и т. д. Что подобные, обще-демократические, мероприятия прогрессивны,— это признает, конечно, вполне и г. Струве. Они не задержат, а ускорят экономическое развитие России по капиталистическому пути, ускорят создание внутреннего рынка, ускорят рост техники и машинной индустрии улучшением положения трудящегося и повышением его уровня потребностей, ускорят и облегчат его самостоятельное мышление и действие.

Тут может только разве возникнуть вопрос: кто вернее и лучше указывает подобные, безусловно желательные, меры,— народники ли или публицисты à la г. А. Скворцов, который тоже распинается за технический прогресс и к которому так чрезвычайно расположен г. Струве? Мне кажется, что с марксистской точки зрения нельзя сомневаться в абсолютной предпочтительности народничества в этом отношении. Мероприятия г.г. Скворцовых так же относятся к интересам всего класса мелких производителей, мелкой буржуазии, как программа „Московских Ведомостей" к интересам крупной. Они рассчитаны не на всех*), а только на отдельных избранников, удостоивающихся внимания начальства. Они безобразно грубы, наконец, потому что предполагают полицейское вмешательство в хозяйство крестьян. Взятые в совокупности, эти меры не дают никаких серьезных гарантий и шансов на „производственный прогресс крестьянского хозяйства".

Народники неизмеримо правильнее понимают и представляют в этом отношении интересы мелких производителей, и марксисты должны, отвергнув все реакционные черты их программы, не только принять обще-демократические пункты, но и провести их точнее, глубже и дальше. Чем решительнее будут такие реформы в России, чем выше поднимут жизненный уровень трудящихся масс,— тем резче и чище выступит важнейшая и основная (уже сейчас) социальная противоположность русской жизни. Марксисты не только не „обрывают демократической нити" или течения, как клеплет на них г. В. В.,— напротив, они хотят

*) Т.-е., конечно, на всех, кому доступен технический прогресс.

развития и усиления этого течения, хотят приближения его к жизни, хотят поднять ту „нить", которую выпускает из рук „общество" и „интеллигенция" *).

Это требование — не бросать „нити", а напротив укреплять ее — вовсе не случайно вытекает из личного настроения тех или других „марксистов", а необходимо определяется положением и интересами того класса, которому они хотят служить, необходимо и безусловно предписывается коренными требованиями их „доктрины". Я не могу, по легко понятным причинам, останавливаться здесь на разборе первой части этого положения, на характеристике „положения" и „интересов"; да тут, кажется, дело само говорит за себя. Коснусь только второй части, именно отношения марксистской доктрины к вопросам, выражающим „обрывающуюся нить".

Марксисты должны иначе ставить эти вопросы, чем это делали и делают г.г. народники. У последних вопрос становится с точки зрения „современной науки, современных нравственных идей"; дело изображается так, будто нет каких-нибудь глубоких, в самых производственных отношениях лежащих причин неосуществления подобных реформ, а есть препятствия только в грубости чувств: в слабом „свете разума" и т. п., будто Россия — tabula rasa, на которой остается только правильно начертать правильные пути. При такой постановке вопроса ему обеспечивалась, понятно, „чистота", которой хвастается г. В. В. и которая на самом деле означает лишь „чистоту" институтских мечтаний, которая делает народнические рассуждения столь пригодными для бесед в кабинетах.

Постановка этих же вопросов у марксистов необходимо должна быть совершенно иная **). Обязанные отыскивать корни общественных явлений в производственных отношениях, обязанные сводить их к интересам определенных классов, они должны формулировать те же desiderata, как „пожелания" таких-то общественных элементов, встречающие противодействие таких-то дру-

*) „Неделя" 1894 г. № 44, г. В. В.: „В пореформенный период нашей истории социальные отношения в некоторых чертах приблизились к западно-европейским, с активным демократизмом в эпоху политической борьбы и общественным индифферентизмом в последующее время". Мы старались показать в I главе, что этот „индифферентизм" — не случайность, а неизбежный результат положения и интересов того класса, из которого выходят представители „общества" и который рядом с минусами от современных отношений получает от них весьма немаловажные плюсы.

**) Если они будут последовательно проводить свою теорию. Мы много уже говорили о том, что неудовлетворительность изложения у г. Струве произошла именно оттого, что он не выдержал со всей строгостью этой теории.

гих элементов и классов. Такая постановка будет уже абсолютно устранять возможность утилизации их „теорий“ для профессорских поднимающихся выше классов, рассуждений, для каких-нибудь обещающих „блестящий успех“ *) проектов и докладов. Это, конечно, только еще косвенное достоинство указываемой перемены точки зрения, но и оно очень велико, если принять во внимание, по какой крутой наклонной плоскости катится современное народничество в болото оппортунизма. Но одним косвенным достоинством дело не ограничивается. Если ставить те же вопросы применительно к теории классового антагонизма [для чего нужен, конечно, „пересмотр фактов“ русской истории и действительности], — тогда ответы на них будут давать формулировку насущных интересов таких-то классов,— эти ответы будут предназначаться на практическую утилизацию **) их именно этими заинтересованными классами и исключительно одними ими,— они будут рваться, говоря прекрасным выражением одного марксиста, из „тесного кабинета интеллигенции“, к самим участникам производственных отношений в наиболее развитом и чистом их виде, к тем, на ком всего сильнее сказывается „обрыв нити“, для кого „идеалы“ „нужны“, потому что без них им приходится плохо. Такая постановка вдохнет новую живую струю во все эти старые вопросы — о податях, паспортах, переселениях, волостных правлениях и т. п.— вопросы, которые наше „общество“ обсуждало и трактовало, жевало и пережевывало, решало и перерешало, и к которым оно стало теперь терять всякий вкус.

Итак, как бы ни подходили мы к вопросу,— разбирая ли содержание царящей в России системы экономических отношений и разные формы этой системы в их исторической связи и в их отношении к интересам трудящихся, — или же разбирая вопрос об „обрыве нити“ и о причинах этого „обрыва“,— в обоих случаях мы приходим к одному выводу, к выводу о великом значении той исторической задачи „дифференцированного от жизни труда“, которая выдвигается переживаемой нами эпохой, к выводу о всеобъемлющем значении идеи этого класса

---

*) Выражение г. Южакова.

**) Конечно, для этой „утилизации“ требуется громадная подготовительная работа, притом работа, по самому существу своему, невидная. До этой утилизации может пройти более или менее значительный период времени, в течение которого мы будем прямо говорить, что нет еще никакой силы, способной дать лучшие пути для отечества,— в противоположность „слащавому оптимизму“ г.г. народников, уверяющих, что силы есть и остается лишь посоветовать им „сойти с неправильного пути“.

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Начало девяностых годов прошлого столетия ознаменова лось, с одной стороны, грандиозным голодом 1891—1892 г.г., с другой стороны — первыми симптомами сознательного рабочего движения (речи рабочих на праздновании 1-го мая 1891 г., адрес, поднесенный рабочими Шелгунову, стачки 1892—1893 г.г. и пр.). Эти обстоятельства не могли не вызвать значительного оживления в тогдашней публицистике. Вместе с первыми крупными выступлениями на арену борьбы нового фактора русской общественной жизни — городского промышленного пролетариата,— в легальную литературу „впервые пробрался марксизм". На-ряду с прежними „властителями дум"—народниками—в легальной литературе впервые появляются статьи „русских учеников" Маркса, в которых они выступают с безжалостной критикой господствовавших до того мелко-буржуазных народнических теорий, с их надеждами на „самобытное" экономическое развитие России, идеализацией натурального хозяйства и скептицизмом по отношению к возможности развития в России капитализма с его „язвой пролетариатства".

Первой попыткой систематического изложения взглядов русских марксистов в борьбе с народниками явилась работа В. И. Ленина: „Что такое „друзья народа" и как они борются с социал-демократами", написанная в середине 1894 года. Но она была распространена лишь в гектографированном виде. В легальной же печати первой появилась вышедшая в сентябре 1894 г. книга П. Б. Струве под названием: „Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России", разбору которой и посвящена данная статья Вл. Ильича. Но П. Струве был одним из тех пришедших в „легальный марксизм" литераторов, о которых Вл. Ил. говорит, что это были „буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму",—и это тогда уже значительно отразилось в положениях, выдвинутых П. Струве в его книге. Необходимость противопоставить этим, внешне прикрытым якобы марксистской формой, буржуазно-либеральным положениям взгляды подлинно революционного марксизма побудила Вл. Ил. выступить открыто с резкою критикой одного из тогдашних своих „союзников".

О происхождении направленной против П. Струве статьи сам Вл. Ил. рассказывает следующее:

„...в основу ее положен реферат, читанный мною осенью 1894 г. в небольшом кружке тогдашних марксистов *). От группы с.-д., работавших тогда в Петербурге и создавших, год спустя, Союз Борьбы за освобождение рабочего класса, в этом кружке были Ст., Р. и я. Из легальных литераторов-марксистов были П. Б. Струве, А. Н. Потресов и К.**). В этом кружке я читал реферат, озаглавленный: „Отражение марксизма в буржуазной литературе". Как видно из заглавия, полемика со Струве была здесь несравненно более резка и определенна (по социал-демократическим выводам), чем в напечатанной весной 1895 г. статье. Смягчения были сделаны частью по цензурным соображениям, частью ради „союза" с легальным марксизмом для совместной борьбы с народниками. Что „толчек влево", данный тогда г-ну Струве петербургскими социал-демократами, не остался совсем безрезультатен, это ясно доказывает статья г-на Струве в сожженном сборнике (1895 г.) и некоторые статьи его в „Новом Слове" (1897 г.)".

Подробнее см. предисловие к сборнику „За 12 лет", напечатанное полностью в VIII томе С. с. Н. Ленина и частично здесь.

²) Подзаголовок „Отражение марксизма в буржуазной литературе", т.-е. первоначальное заглавие реферата, легшего в основу этой статьи — вставлен Вл. Ильичем при составлении сборника „За 12 лет", в котором эта статья была перепечатана в 1907 г.

³) Сборник „Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития" не вышел в свет, а погиб в цензуре в апреле 1895 года. Интересные сведения о нем дает в своих воспоминаниях Л. Мартов, в то время как раз приехавший в Петербург, чтобы вступить в группу „стариков", руководившую с.-д. работой среди петербургских рабочих, во главе которой стоял В. И. Ленин. Указав на появление под одной кровлей статей Плеханова, Ленина и Струве, Л. Мартов говорит:

„...Этот „блок", представивший эмигрантский, подпольный и легальный марксизм как единое политическое целое, был организован Потресовым после его удачи с выпуском в легальном издании книги Бельтова ***). Он рассказывал мне, что Струве и окружавшие его „легальные марксисты" охотно шли навстречу членам кружка „стариков", с которыми Потресов свел их через Ст. Ив. Радченко, на что сами „старики", во главе с юристом Ульяновым, проявили изрядную подозрительность к тенденциям Струве и, соглашаясь на совместное выступление, как будто боялись быть обманутыми. В конце концов Ульянов получил возможность подробной критикой Струве подчеркнуть, поскольку это мыслимо было в легальной книге, действенно-революционный характер марксистской идеологии; Струве воспользовался представившимся случаем, чтобы в ответе своим народническим критикам, помещенном в том же сборнике, взять более боевую

---

*) Реферат читался на квартире А. Потресова—Озерный пер., д. 9, кв. 6. *И. Т.*

**) Ст.—В. В. Старков; Р.—С. И. Радченко; К.—Р. Э. Классон. *И. Т.*

***) Т. е. книги Плеханова: „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю". Вышла в свет 29 декабря 1894 года. *И. Т.*

по отношению к капитализму ноту и сгладить впечатление, оставшееся у читателей от некоторых страниц его книги..

„Сборник“ вызвал в цензурных сферах настоящий переполох и к нему применена была редкая в то время мера: конфискация и сожжение. Потресову удалось спасти нелегальным путем сотню экземпляров, которая сыграла свою роль, распространившись по социалистическим кругам столицы и провинции“ (*Мартов*, „Записки социал-демократа“, Берлин 1922).

Сборник содержал следующие статьи:

П. Скворцов. Итоги крестьянского хозяйства по земским статистическим исследованиям.

В. И. Борьба общины с хутором. (Автор статьи — В. А. Ионов, саратовский земский статистик, умерший в начале девятисотых годов).

А. Потресов. Кризис в замочном промысле Павловского уезда Нижегородской губернии.

Третий том „Капитала“. (Перевод, без указания автора, очерка Эд. Бернштейна о только что тогда вышедшем III-м томе „Капитала“. Переводчиком был Р. Классон.)

К. Тулин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве.

П. Струве. Моим критикам.

Д. Кузнецов. Пессимизм, как отражение экономической действительности.

Утис. Несколько слов нашим противникам (Материалы для истории цивилизации в русской литературе).

Последние две статьи, подписанные Д. Кузнецовым и Утисом, принадлежали Г. В. Плеханову. Первая была посвящена Чаадаеву, вторая отвечала на критику его книги: „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ Н. Михайловским и Н.—оном.

[4]) П. Б. Струве — в 90-х годах с.-д., один из авторов и редактор „Манифеста Р. С.-Д. Р. П.“, выпущенного по постановлению I-го съезда партии; участник Международного Социалистического Конгресса в Лондоне в 1896 году. Наиболее видный представитель „легального марксизма“ 90-х г.г. Уже в своих первых работах, стоя еще под знаменем марксизма, под видом „критической проверки“ Маркса подменил революционные идеи марксизма идеями о сотрудничестве классов, мирной эволюции социализма и т. д. Участник легальных марксистских органов („Новое Слово“, „Начало“, „Жизнь“, „Научное Обозрение“). В начале 900-х годов порывает с марксизмом и переходит в лагерь либералов, становясь во главе организации земцев-конституционалистов— „Союза Освобождения“ (1904 — 1905 г.г.) и редактируя орган этого „Союза“—„Освобождение“ (Штутгарт). С образованием к.-д. („конституционно-демократической“) партии — член ее Ц. К. После поражения революции 1905 года становится лидером самого правого крыла либералов, скатываясь к черносотенному национализму. В 1909 году участник реакционно-мистического сборника „Вехи“. Во время гражданской войны принимает участие в правительстве Деникина, а затем становится министром у Врангеля.

В настоящее время редактирует в Софии журнал „Русская Мысль", объединяя в нем правых кадетов с монархистами.

[5]) Субъективный метод в социологии — был одним из основных пунктов народнических воззрений, вызывавшим специальный разбор и критику марксистов.

[6]) Критике учения К. Маркса в русской литературе стали посвящаться статьи вскоре же после появления перевода I-го тома „Капитала". В 1872 г., в год выхода русского перевода, в майской книжке „Вестника Европы" появилась рецензия И. Кауфмана под названием „Точка зрения политико-экономической критики Карла Маркса", правильно излагавшая сущность работы К. Маркса. Первым злобствующим критиком был Ю. Жуковский, поместивший в „Вестнике Европы", сентябрь 1877 г., статью: „Карл Маркс и его книга о Капитале", где он пытался при помощи цифр опровергнуть положения К. Маркса. С ответом ему выступил Н. Михайловский в статье: „К. Маркс перед судом г. Ю. Жуковского" („Отеч. Записки", октябрь 1877 г.) и Н. Зибер: „Несколько замечаний по поводу статьи г. Ю. Жуковского" („Отеч. Записки", декабрь 1877 г.). Более объективными критиками явились проф. Э. Вреден (в его „Курсе политической экономии", 1874) и А. Антонович („Теория ценности", Варшава 1877). В 80-х годах в поход против Маркса выступил Б. Чичерин („Немецкие социалисты: II. К. Маркс" в „Сборнике государственных знаний" Безобразова, 1888), пытавшийся опровергнуть диалектический материализм Маркса. Более злобствующим был А. II. Тарасов („О социализме", публичн. лекция, Ярославль, 1888). С более спокойною критикой выступили: проф. Л. Ходский („Политическая экономия в связи с финансами", 1884), Н. Х. Бунге (статьи, вошедшие потом в его книгу „Очерки политико-экономической литературы") и проф. Георгиевский („Политическая экономия"). В 1880 г. на страницах „Отечественных Записок" „научный марксист" Н.—он начинает серию своих „Очерков", вошедших позже в сборник „Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства" (1893), и В. В. в „Северном Вестнике" 1887 г. „приемлет" экономическую теорию Маркса в статьях, позже вместе с другими статьями против марксизма вошедших в его „Очерки теоретической экономии" (1895).

Особо следует поставить работы Н. Зибера, первого в России популяризатора и пропагандиста научных идей марксизма (см. прим. 73).

В 90-х годах—до появления книги Струве—против марксизма больше всего выступало „Русское Богатство" (статьи В. В. 1892 г., вышедшие в его сборнике „Наши направления" (1893); Н. Кареева „Источники исторических перемен" в № 1 за 1892 г.; С. Кривенко „По поводу культурных одиночек" в № 12 за 1893 г.; Н. Михайловского „Литература и жизнь" в №№ 1 и 2 за 1894 г., где он приводит, между прочим, письмо-протест одного из первых русских марксистов-революционеров — Н. Е. Федосеева; Н.—она „Нечто об условиях нашего хозяйственного развития"

в №№ 4 и 6 за 1894 г.). См. также отдельную книгу Л. Е. Оболенского „Изложение и критика нео-марксизма“ (СПБ. 1893).

Особенно же ожесточенная критика началась тотчас после появления книг Струве и Бельтова. Против марксизма двинулись в поход почти все народнические публицисты, как напр.: В. В. („Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм“ в №№ 47—49 „Недели“ за 1894 г.; „Экономический материализм на русской почве“ в №№ 2—3 „Нового Слова“ за 1895 г.; „Очерки современных направлений“ в № 6 и „Милостивый критик“ в № 7 „Нов. Сл.“ за 1896 г.); Ч. Ветринский („Модная теория“ в № 11 „Нов. Сл.“ за 1894 г.); Н. Михайловский („Литература и жизнь“ в № 10 „Русс. Бог.“ за 1894 г., № 1 за 1895 г., №№ 1-2, 4-5 за 1896 г., № 10 за 1897 г.); С. Кривенко (заметка в № 10 „Р. Бог.“ за 1894 г.); Н.—он („Апология власти денег, как признак времени“ в №№ 1—2 „Р. Бог.“ за 1895 г.; „Что же значит экономическая необходимость“ в № 3 за тот же год; „Несколько слов об основных положениях теории К. Маркса“ в № 1 „Р. Б.“ за 1897 г.); С. Южаков („Из современной хроники“ в № 2 „Р. Бог.“ за 1895 г.); Н. Кудрин („На высотах объективной мысли“ в № 5 „Р. Б.“ за 1896 г.); В. Яроцкий („Односторонняя теория экономического развития“ в январ. номере „Нов. Слова“ за 1896 г.); Н. Г. („Научно исторические теории и общественная деятельность“ в декабр. номере „Н. Сл.“ за 1896 г.) и др. В либеральном „Вестнике Европы“ за 1896 г. (№№ 3, 4-5, 7-9) и 1897 г. (№ 2) присяжный экономист этого журнала вульгарный Л. З. Слонимский помещает ряд статей, вышедших потом отдельной книгой — „Экономическое учение К. Маркса“ (СПБ. 1898). В 1895 г. он же издал книгу: „Очерки политико-экономич. литературы. Карл Маркс“. Кроме того см. книги: К. Головина — „Мужик без прогресса или прогресс без мужика (К вопросу об экономическом материализме“) (СПБ. 1896) и И. Гофштеттера — „Доктринеры капитализма“ (СПБ. 1897).

[7]) Нововременский — по имени „Нового Времени“, консервативно-дворянской газеты, выходившей под руководством Суворина.

[8]) „Русское Богатство“ — ежемесячный журнал, основанный Л. Оболенским, в начале 90-х годов перешедший к народникам и ставший в 90-х г.г. главным органом борьбы против марксизма. По выходе из него Кривенко, выходил под редакцией Н. Михайловского и Вл. Короленко. В 900-х годах группировал вокруг себя радикально-народническую интеллигенцию, организовавшуюся потом в народно-социалистическую (н.-с.) партию.

[9]) „Отечественные Записки“ — основаны в 1818 году П. П. Свиньиным, в 1838 г. перешли к Краевскому, который привлек к участию в них Белинского. С 1868 г. становятся органом народничества под руководством Некрасова, Михайловского и Салтыкова-Щедрина и оказывают громадное влияние на революционную русскую интеллигенцию. В 1884 году закрыты правительством.

[10]) Статья „Новые всходы на народной ниве", напечатанная в февральской книжке „Отечественных Записок" за 1879 год, включена в 1-й том „Собрания сочинений С. Н. Кривенко", вышедший в 1911 году. Не исключена возможность того, что неизвестным издателем „Собрания сочинений С. Н. Кривенко" статья эта приписана Кривенко ошибочно. Есть указания, что статья на самом деле принадлежит Елисееву.

[11]) Н. Н. Златовратский (1845 — 1911) — писатель народнического направления, в своих произведениях идеализировавший общинный строй русского крестьянства. Главные сочинения: „Деревенские будни", „Устои" и др.

[12]) Гл. Успенский (1840 — 1902) — писатель - народник, посвятивший себя изображению русского быта пореформенной эпохи, в котором он описывал контрасты между ломающимися старыми устоями и надвигающимся молодым хищным капитализмом. Другая характерная черта его произведений — тщетное искание гармонии между интеллигенцией, горящею жаждой „отдачи долга народу", и этим народом, уходящим от „власти земли" и „лесной правды" и начинающим терять свой прежний „гармоничный" облик.

[13]) К. Т. — инициалы К. Тулина — псевдонима В. И. Ленина, которым была подписана настоящая статья.

[14]) Truck-system — система выплаты заработка товарами. Один из наиболее грубых способов эксплоатации рабочих.

[15]) В. В.—псевдоним В. П. Воронцова, одного из главных теоретиков народничества 80 — 90-х годов. Главные сочинения: „Судьбы капитализма в России" (1883), „Наши направления" (1893), „Очерки теоретической экономии" (1895). Сотрудничал во всех руководящих органах народничества — от Лавровского „Вперед" (в 70-х г.г.) до „Русского Богатства" Михайловского, с которым в начале 90-х г.г. разошелся. Решительно выступал против марксистов и был объектом критических статей чуть ли не всех первых марксистов в России. В частности критике его взглядов много внимания уделил и Ленин. Систематическую критику взглядов В. В. дал Г. В. Плеханов в своем сочинении: „Обоснование народничества в трудах г. Воронцова".

[16]) Каблуков — экономист и статистик, профессор московского университета и заведывающий статистическим отделом московского земства, проведший ряд образцово разработанных обследований хозяйственной жизни московской губернии. В главном своем труде: „Об условиях развития крестьянского хозяйства в России" пытался доказать преимущественность мелкой хозяйственной единицы в земледелии.

[17]) Н. — он — псевдоним Н. Ф. Даниельсона, писателя-экономиста 80 — 90-х годов. Один из наиболее ярких представителей народничества. В 1893 году издал книгу: „Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства", которая вместе с работами В. В. служила главным экономическим обоснованием народничества. Разбор именно этой книги П. Струве положил начало полемике между марксистами и народниками в легальной русской

печати. Книга Н. Даниельсона неоднократно разбиралась В. И. Лениным (в частности см. его „Развитие капитализма в России“ — Собр. сочинений, том III-й). Н.—он был первым в России переводчиком „Капитала“ Маркса. Перевод этот вызвал оживленную переписку между Н.—оном и Марксом и Энгельсом (см. „Письма К. Маркса и Ф. Энгельса к Н.—ону“. Перев. Г. Лопатина, СПБ. 1908). Н.—он принял большое участие в полемике между народниками и марксистами в 90-х г.г.

[18]) А. Суворин—журналист, вначале радикал и либерал, потом редактор влиятельного органа консервативно-дворянских кругов „Нового Времени“, антисемитствующего и лакействующего перед бюрократией.

[19]) „Московские Ведомости“—выходившая сначала под руководством Каткова, потом Грингмута консервативно-националистическая газета, отражавшая мнения дворянских кругов. Позже—главный орган „черносотенцев“.

[20]) „Весть“ — реакционно-крепостническая рептилия, выходившая в 60—70-х г.г. прошлого столетия.

[21]) С. Южаков — публицист народнического направления с оттенком славянофильства и национализма. Сотрудничал в „Отечественных Записках, был одним из редакторов „Русского Богатства“. Разбору его взглядов посвящена перепечатанная в томе II Собр. соч. Н. Ленина статья Влад. Ильича: „Перлы народнического прожектерства“.

[22]) С. Кривенко — публицист народнического направления, сотрудник „Отечественных Записок“, „Русского Богатства“, народнического „Нового Слова“ и др. Собрание сочинений его вышло в 1911 г. Одним из первых выступил против русских марксистов и был осмеян Г. В. Плехановым („К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“). Еще раньше жестокой критике подверг его Н. Ленин в брошюре: „Что такое “друзья народа“ и т. д.“ (см. I том Собр. соч.).

[23]) „Неделя“ — главный орган консервативного народничества, теории „малых дел“ и т. д., выходивший под редакцией П. Гайдебурова.

В „Неделе“ В. В. поместил свою статью: „Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм“, направленную против Струве. Полемику В. В. со Струве см. также в сборнике В. В.: „Очерки теоретической экономии“, статья „Русский марксизм“.

[24]) „Диктатурой сердца“ названа была политика начальника „Верховной распорядительной комиссии“ по борьбе с крамолой в 1880 году, Лорис-Меликова. Эта политика была попыткой русской бюрократии путем заигрывания с либералами и обывателем отвлечь их симпатии от растущего в стране революционного движения.

[25]) Вернадский — либеральный экономист, горячий защитник свободы торговли в 50—60-х г.г., полемизировавший с Чернышевским по вопросу о поземельной ренте. Редактировал журнал „Экономический Указатель“.

[26]) Б. Чичерин—юрист и философ, профессор московского университета. В своих работах по государственному праву являлся защитником конституционной монархии. В философии пытался весьма неудачно исправить диалектику Гегеля. Решительный враг социализма и критик Маркса.

[27]) Д. Менделеев — известный русский ученый - химик. В своих политических взглядах был реакционером. В вопросах экономической политики был защитником протекционизма (см. его книгу: „Толковый тариф", 1892).

[28]) Н. Михайловский (1842—1904)—рядом с П. Л. Лавровым виднейший теоретик народничества, „властитель дум" русской интеллигенции 70—80-х г.г., давший ей собственную теорию „исторического процесса", признававшую за „критически мыслящими личностями" важную роль в направлении исторического процесса по „желательному" руслу. Примыкал к народовольцам, составляя и редактируя их издания, был автором известного письма Исполнительного Комитета Народной Воли к Александру III после 1 марта 1881 года с требованием амнистии, политических свобод и Учредительного Собрания. Был руководителем „Отечественных Записок", а с 90-х г.г. редактировал „Русское Богатство", на страницах которого с самого начала 90-х г.г. и до смерти в 1904 г. вел ожесточенную полемику с марксистами. Эс-эры считают Михайловского одним из основоположников их партии. Его полемические статьи против марксистов собраны в 2-х томах под заголовком: „Литературные воспоминания и современная смута".

[29]) Патримониальный суд—суд, творимый владельцем вотчины.

[30]) Васильчиков—публицист и общественный деятель, писавший по вопросам местного самоуправления, мелкого земельного кредита, сельского хозяйства и землевладения. В своих сочинениях стоял за сохранение „векового хода нашего общественного построения", т.-е. общинного землевладения, хотя и видел в нем препятствие к улучшению земледельческой культуры.

[31]) Конституция 1849 года—общегерманская конституция, выработанная известным Франкфуртским парламентом, была попыткой умеренных элементов либеральной буржуазии уничтожить политическую раздробленность Германии и влияние реакционного прусского абсолютизма. Вновь усилившаяся реакция вскоре отменила эту конституцию.

[32]) Триады—введенная Гегелем трехчленная формула диалектического развития каждого понятия: тезис—первоначальное состояние равновесия, антитезис—нарушение равновесия и синтез—восстановление равновесия на новой основе.

[33]) „Современные Известия"—ежедневная консервативная газета, выходившая в Москве с 1867 по 1887 г.г. под редакцией Гилярова-Платонова.

[34]) Прусский регирунгсрат—речь идет о немецком экономисте крайних консервативных взглядов, прусском бароне Ф. Гакстгаузене, в сороковых годах прошлого столетия бывшем в России и в своих исследованиях описавшем русскую

крестьянскую общину. Идеализируя общину и артель, Гакстгаузен являлся горячим поклонником крепостного права и высоко превозносил николаевскую Россию перед Зап. Европой за отсутствие в ней пролетариата.

[35]) Настоящее место представляет из себя один из образчиков того „эзоповского" языка, к которому приходилось прибегать, дабы пройти сквозь игольные уши тогдашней цензуры. Владимир Ильич не указывает прямо на ряд марксистских работ, которые были к тому времени изданы уже („Группы Освобождения Труда", сочинения Плеханова и др.), а вынужден ссылаться на В. В., полемизирующего с марксистами.

[36]) „Sozialpolitisches Centralblatt" (Центральный социально-политический листок) — орган правого крыла немецкой с.-д-ии. Струве поместил здесь в № 1 за 1893 г. свою, посвященную критике теории Н.—она, статью: „Zur Beurteilung der kapitalistischen Entwicklung Russlands" (К вопросу о капиталистическом развитии России).

[37]) Миртов — П. Л. Лавров (1823—1900), виднейший представитель революционного народничества, член общества „Земля и Воля", потом партии „Народной Воли", член I-го Интернационала, эмигрант. Издавал за границей свой орган „Вперед", в котором развивал взгляды о необходимости „итти в народ" с целью длительной пропаганды и перевоспитания народных масс — в противоположность бунтарям-бакунистам, шедшим туда с целью агитации за немедленное народное восстание. В своих „Исторических Письмах", имевших громадное влияние на русскую интеллигенцию, является родоначальником русской социологической теории, основанной на субъективном методе, по которому историю делают „одинокие борющиеся критически мыслящие личности".

[38]) А. В. Яковлев — автор ряда работ по вопросам мелкого земельного кредита, артелей и пр. П. Струве приводит в „Крит. Заметках" одно место из его сочинения „Ассоциация и артель".

[39]) Г. Зиммель — немецкий философ и социолог идеалистического направления, последователь Канта. Его сочинения: „Социальная дифференциация", „Проблемы философии истории", „Социологический метод" и др.

[40]) Прудон (1809—1865) — идеолог мелкой буржуазии, один из теоретиков анархизма. Видя причину всех зол капиталистического общества в современной форме обмена, он, в целях реорганизации этого общества, выдвигает не план коллективной организации производства, а утопическую систему, строящую общество на началах мутуализма (взаимности) путем организации дарового кредита и меновых банков и увековечивающей мелкую частную собственность. Теория Прудона вызвала резкую критику со стороны К. Маркса (см. его „Нищету философии") и борьбу его с последователями Прудона в I-м Интернационале.

[41]) Навкрарии — у древних греков организации небольших территориальных округов, которые должны были каждый соорудить, вооружить и снабдить экипажем одно военное судно и выставить двух всадников.

[42]) Струве цитировал следующее место из „Анти-Дюринга" Энгельса:

„Гегель был первый, который правильно указал отношение между свободой и необходимостью. Для него свобода есть понимание необходимости. Необходимость слепа только поскольку мы ее не понимаем. Свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, но в познании этих законов и из вытекающей из него возможности планомерно пользоваться ими для определенных целей. Это относится одинаково, как к законам внешней природы, так и к тем, которые управляют телесною и духовною жизнью человека — два рода законов, которые мы можем разъединять только в представлении, а не в действительности. Свобода воли поэтому есть не что иное, как способность сознательно (mit Sachkenntniss) принимать какое нибудь решение. Чем свободнее, стало быть, суждение человека о каком-нибудь вопросе, тем более необходимым является содержание этого суждения, тогда как вытекающая из незнания неуверенность, которая делает, повидимому, совершенно произвольный выбор между разнообразными и противоречивыми решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свое подчинение тому предмету, который должен бы был быть ей подчинен. Свобода заключается, таким образом, в основанном на познании законов природы господстве людей над собой и над внешней природой; поэтому свобода может быть только продуктом исторического развития" (ср. „Анти-Дюринг" в изд. „Моск. Раб." 1922).

[43]) В. Зомбарт — виднейший из представителей современной немецкой буржуазной науки, много работающий над вопросами происхождения и развития современного капитализма. Один из типичнейших буржуазных критиков Маркса. Главные сочинения Зомбарта: „К критике политической экономии К. Маркса", „Социализм и социальное движение в XIX веке", „Современный капитализм" и др., в которых он пытается также дополнить принцип классовой борьбы принципом „борьбы наций". Зомбарта усиленно пропагандировали „ревизионисты" как в Европе, так и в России. Об его отношении к с.-д. см. любопытные „Воспоминания социалистки" Лили Браун (есть русск. перевод).

[44]) Струве цитировал следующее место из „Пошехонских рассказов" Салтыкова-Щедрина:

„Многие и до сих пор повествуют, что пошехонская страна кишела млеком и медом... Что касается меня, то хотя я остаюсь при особом мнении насчет подлинности и размеров пошехонского изобилия, но должен все-таки признать, что лет тридцать тому назад жилось здесь как будто ходчее. Действительно, что-то такое было вроде полной чаши, напоминавшей об изобилии. Но когда я спрашиваю себя, на чью собственно долю выпадало это изобилие? — то, по совести, вынужден сознаться что оно выпадало только на долю потомков лейбкампанцев, истопников и прочих дружинников, и что подлинные пошехонцы участвовали в нем лишь воздыханиями".

[45]) Лейбкампанцы — солдаты Преображенского полка, содействовавшие возведению на престол Елизаветы Петровны, за что были наделены дворянством и поместьями.

[46]) Фр. Лист (1789 — 1846) — видный немецкий экономист, апологет развивающейся германской промышленности, с ее стремлением к расширению и объединению в единое национальное целое. Ярый сторонник системы протекционизма, пропагандист наибольшего развития жел.-дор. сети. Главное его сочинение: „Национальная система политической экономии".

[47]) Готская программа — программа германской социалистической рабочей партии, принятая в 1875 году на конгрессе в Готе, объединившем две существовавшие до того отдельно социалистические фракции — лассальянскую и эйзенахскую (марксистскую). Программа вызвала критику К. Маркса (см. его брошюру: „Критика Готской программы".

[48]) А. Головачев — право-народнический публицист, один из деятелей тверского комитета по освобождению крестьян, автор ряда работ по крестьянскому и др. вопросам („Десять лет реформы" в „Вестнике Европы" за 1870—71 г.г.; ряд статей о государственном бюджете в „Русской Мысли" за 1882 г.; статьи в „Русск. Вестнике" за 1858 г. по крестьянскому вопросу; „История жел.-дор. дела в России" и др.). П. Струве цитировал его статью из „Отеч. Записок" 1877 г., посвященную критике книги кн. Васильчикова (прим. 30): „Землевладение и земледелие в России и других европейских странах". В статье А. Головачев защищал преимущества общинного землевладения и, боясь „коммунистических идей" и „пролетария", проповедывал „широкое развитие системы действительного народного кредита".

[49]) Ф. Щербина — статистик Воронежского земства, давший ряд работ о русском крестьянском хозяйстве, идеализировавших „народное производство" и общину („Сольвычегодская земельная община" в „Отеч. Зап." за 1874 г.; „Земельная община в Днепровском уезде" в „Русск. Мысли" за 1880 г.; „Крестьянские бюджеты (1900); „История Воронежского земства" (1891); „Сборник статистических сведений по Воронежской губ." (1887) и др.).

[50]) Мальтузианство — учение Мальтуса (1766 — 1834), английского экономиста, представителя классической школы политической экономии. В своем сочинении „Опыт о законе народонаселения" пытался установить свой закон народонаселения, по которому увеличение населения быстрее увеличения средств производства (первое происходит в геометрической, второе — в арифметической прогрессии). Учение Мальтуса было отражением эпохи первоначального развития крупной фабричной промышленности в Англии, с ее заменою человеческого труда машиною и лишением многих рабочих заработка, и явилось попыткой буржуазного оправдания страданий и нищеты рабочего класса на-ряду с богатством господствующих классов. Жестокую критику теории Мальтуса дал К. Маркс (см. его „Теории прибавочной стоимости"). Тем не менее впоследствии этой теорией увлекались многие видные экономисты, как, напр., К. Каутский (в ранних своих работах,

см. XII том его сочинений под ред. Д. Рязанова). Из русских писателей пропагандистами его взглядов были П. Б. Струве (мальтузианством пропитаны уже его „Критические заметки“) и Н. В. Водовозов (см. его книгу: „Мальтус, его жизнь и научная деятельность“, 1895).

[51]) Ланге — немецкий экономист и философ, один из первых представителей неокантианства. Автор сочинений: „Рабочий вопрос“ (1365) и „История материализма“ (1866), „обычных,— по выражению В. И. Ленина,— источников „профессорской“ буржуазной философии“.

[52]). К. И. Арсеньев (1789—1865) — географ и статистик, один из основателей Русского Географического Общества.

[53]) Н. А. Карышев — профессор политической экономии и статистики в московском сельско-хозяйственном институте, заведывал экономическим отделом московского земства, автор ряда работ, посвященных вопросам арендных отношений (главная из них: „Крестьянские вненадельные земли“), сотрудник „Русского Богатства“ и „Русских Ведомостей“. Развивал обычные народнические взгляды.

[54]) П. Голубев — автор ряда работ по экономическим вопросам („К вопросу о причинах экономического упадка сельского населения“ в № 10 „Юридич. Вестника“ за 1892 г., „Подать и народное хозяйство“ в „Русск. Мысли“ 1893 г. №№ 5—7, „Податные очерки“ в „Русск. Бог.“ за 1895 г. № 5 и др.).

[55]) Джемс Милль (1773—1836)—английский философ и экономист, отец Дж.-Ст. Милля (прим. 69), в области философии последователь Бентама и вместе с ним основоположник английского утилитаризма, в экономических вопросах — один из видных учеников Рикардо.

Роджерс (1823—1890)— английский экономист, манчестерец, позже признавший необходимость фабричного законодательства, рабочих союзов и кооперации. Дал ряд работ („Экономическое истолкование истории“, „История земледелия и цен в Англии“, „Шесть веков труда и заработной платы“, „Промышленная и коммерческая история Англии“ и др.), в которых выдвигается важность экономической стороны истории.

Гольдвин Смит (1829—1910)—английский историк и публицист, автор ряда работ по вопросам, касающимся Ирландии, Канады и Соединенных Штатов („Ирландская история и ирландский характер“, „Канада и канадский вопрос“, „История Соединенных Штатов“ и др.).

Фаусетт (1833—1884) — английский экономист, сторонник Мальтуса, много писавший по вопросу о пауперизме („Пауперизм, его причины и средства уничтожения“, „Законы о бедных и их влияние на пауперизм“ и др.). Был в кабинете Гладстона.

[56]) Дж. Брайт — английский фабрикант, один из вождей фритредерского движения (прим. 79), член радикальной партии. Стоял (вместе с Кобденом) во главе основанной в 1838 г. „Лиги против хлебных законов“, стремившейся к уничтожению установленных, с целью создания монополии для богатых землевладель-

цев, чрезмерных пошлин на иностранный хлеб. Позже был министром в кабинете Гладстона.

[57]) В. Е. Постников — автор книги „Южно-русское крестьянское хозяйство“ (1891 г.), собравший и обработавший данные земской статистики по Таврической губернии, указавший на факт дифференциации крестьянского населения. Взгляды его на положение общины и крестьянского землевладения значительно разнились от обычных народнических взглядов. Разбор его книги см. в статье Н. Ленина: „Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни“ в I томе Собр. сочинений и в „Развитии капитализма в России“, глава II (III том Собр. соч.).

[58]) А. И. Скворцов — экономист, профессор Ново-Александрийского института сельского хозяйства. Кроме „Влияния парового транспорта на сельское хозяйство“ (1890), ему принадлежит ряд других трудов, как, напр., „Прибыль и рента“ в №№ 1—4 „Юрид. Вестн.“ за 1890 г., „Экономические этюды“ (1894), „Основания политической экономии“ (1898), „Экономические основы земледелия“ (1900) и др. Увлечение им Струве доходило до того, что последний признавал „замечательные работы“ Скворцова „образцом строго научного развития некоторых основных положений экономической теории Маркса“, в этом отношении представляющими „unicum не только в русской, но и вообще во всей экономической литературе“. Должную отповедь этому увлечению дал Вл. Ил. в настоящей статье и в статье „Что такое „друзья народа“ и как они воюют с с.-д-ами“ (см. I том Собр. соч.).

[59]) В. Распопин — статистик, автор статьи: „Частновладельческое хозяйство в России (по земским статистическим данным)“, помещенной в №№ 11—12 „Юридич. Вестника“ за 1887 г.

[60]) Парцеллярное хозяйство — хозяйство, раздробленное на мелкие участки.

[61]) Ад. Смит (1723—1790) — основатель и главный теоретик классической школы политической экономии (прим. 68). Главное его сочинение: „О богатстве народов“ вышло в 1776 г.

[62]) Янжул — экономист и статистик, фабричный инспектор московского округа, автор ряда работ по вопросам фабричного законодательства, сторонник „государственного социализма“.

[63]) К. Головин — реакционный критик „Русского Вестника“, выступавший против общины (его „Сельская община в литературе и действительности“). В № 12 „Русского Вестника“ за 1894 г. выступил со статьею „Два новых противника общины“, где разбирал „Экономические этюды“ А. Скворцова и „Критические заметки“ П. Струве. В этой статье Головин заявлял о возможности „итти рука об руку“ с марксистами (конечно, типа П. Струве). П. Струве дал ему ответ в статье „Моим критикам“ в сборнике: „Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития“ (перепечатано в сборнике П. Струве: „На разные темы“). Писал также бедлетристические произведения под псевдонимом К. Орловский.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Из предисловия к сборнику „За 12 лет“ 5

Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве.

Глава I. Построчный комментарий к народнической profession de foi 11

Глава II. Критика народнической социологии 60

Глава III. Постановка экономических вопросов у народников и у г. Струве ... 86

Глава IV. Объяснение некоторых черт пореформенной экономики России у г. Струве 110

Примечания 159